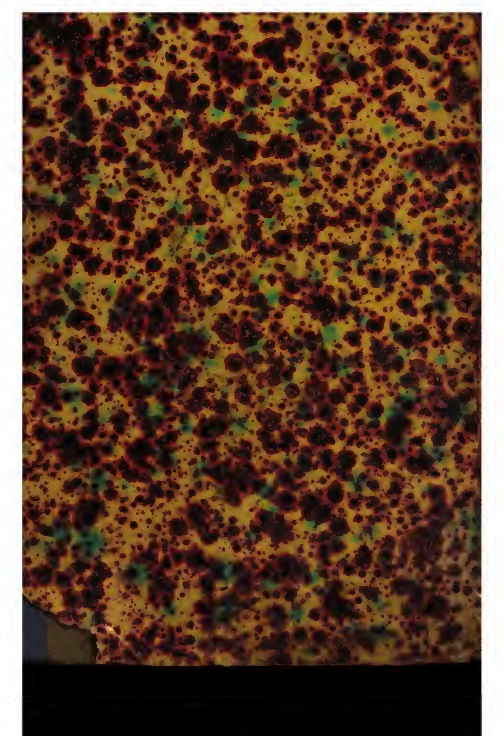
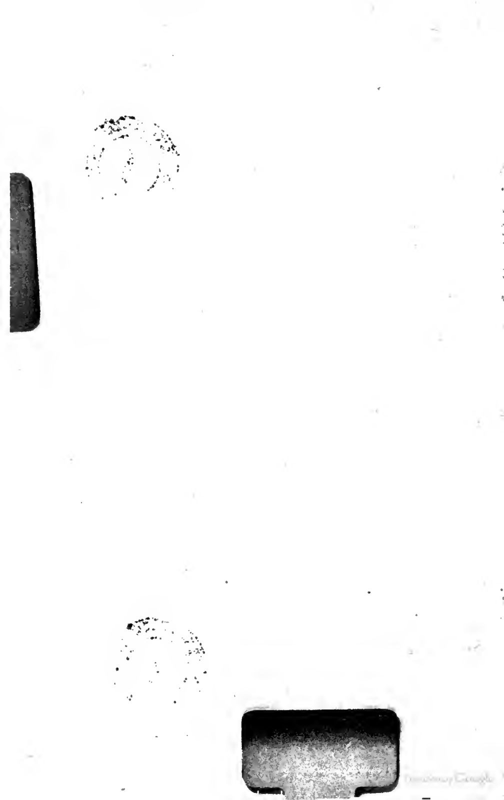


Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА,
ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА
О
НАПОЛЕОНѢ,
ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго
С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧАСТЬ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1834.

GoGoL B 335/1/4.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ 11 Октября 1834 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

BVE0350811
4.8 BVE0350825

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Потеря повидимому дѣла Бурбоновъ. — Собранныя мною оффиціяльныя подробности о Людовикѣ XVIII со времени выѣзда его изъ Франціи.—Графъ Прованскій дурно принятъ въ Кобленцѣ.—Желаніе приблизиться къ Франціи.—Графъ Прованскій высланъ изъ Турина своимъ тестемъ.—Опасеніе Герцога Пармскаго.—Убѣжище въ Венеціянскихъ владѣніяхъ.—Пребываніе въ Веронѣ.—Смерть Людовика XVI. —Отъѣздъ и золотая книга. — Слова Людовика XVIII. — Отказъ дать убѣжище въ Австріи, Саксоніи и въ Пруссіи. — Убѣжище предложенное Павломъ 1-мъ въ Митавѣ и выѣздъ оттуда.—Пребываніе въ Варшавѣ.—Александръ и Людовикъ XVIII. — Отъѣздъ изъ Митавы и отплытіе въ Англію.—Прибытіе Короля въ Ярмутъ.—Золото и вѣрность. —Письма Аббата Булоня и Герцога д' Омонта.—Секретарь Г. Каннинга. — Изъясненіе поведенія Англійскаго Министерства.—Странное предсказаніе Г-на Лемерсье Наполеону.

Послѣ Тильзитскаго договора и связей, повидимому надолго соединившихъ Императоровъ

Россійскаго и Французскаго, дѣло Бурбоновъ долженствовало казаться безвозвратно потеряннымъ; у нихъ дѣйствительно не оставалось другой основательной надежды, кромѣ какъ на обширныя сумазбродства того, который завладѣлъ ихъ престоломъ не похитивъ онаго у нихъ; ибо, какъ очень хорошо было сказано, Бонапарте, достигнувъ власти, свергнулъ одно только безначаліе. Эта надежда не долженствовала измѣнить имъ. Здѣсь я займусь нѣсколько минутъ подробностями, которыя я могъ собрать о томъ, что дѣлалъ Лудовикъ XVIII со времени выѣзда своего изъ Франціи, что естественнымъ образомъ приведетъ меня къ концу Ноября 1807 года, эпохѣ, когда въ Сѣверной Пчелѣ 9 числа сего мѣсяца я прочиталъ, что Графъ Лильскій и Герцогъ Ангулемскій отправились въ Англію.

Графъ Прованскій выѣхалъ изъ Парижа 21 Іюня 1791 года. Онъ не переставалъ изъявлять тѣмъ, которые его къ себѣ принимали, желанія своего по возможности приблизиться къ границамъ Франціи. Онъ сначала остановился въ Кобленцѣ, и я узналъ отъ вѣрныхъ людей, что эмигранты не слишкомъ благопріятно на него смотрѣли, ибо не могли простить ему того, что онъ столь долго медлилъ присоединиться къ нимъ, а въ особенности мудрыхъ правилъ, обнаруженныхъ имъ въ такую

эпоху, когда еще можно было искренними и разсудительными уступками отвратить несчастія, которыя неблагоразумная и необдуманная раздражительность долженствовала навлечь на Францію. Думаю, что какъ эмигранту, мнѣ дозволено сказать, что между нами существовало много неразсудительности. Когда послѣ кампаніи 1792 года перешли за Рейнъ, то Графъ Прованскій жилъ въ небольшомъ городѣ Гамѣ на Липпѣ, гдѣ онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока его увѣрили, что желанія Тулонцевъ призываютъ его въ Провансъ. Зная невозможность проѣхать чрезъ Францію, Графъ Прованскій отправился ко двору своего тестя Короля Сардинскаго, въ надеждѣ сѣсть на корабль въ Генуѣ и приплыть оттуда моремъ къ берегамъ Прованса; но какъ взятіе Тулона,—гдѣ имя Бонапарте еще въ первый разъ ознаменовалось славою,—произошло прежде, чѣмъ онъ собрался выѣхать изъ Турина, то Графъ Прованскій пробылъ тамъ четыре мѣсяца, по истеченіи коихъ тесть его объявилъ ему, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ его владѣніяхъ. Герцогъ Пармскій, родственникъ Бурбонскаго Дома, не посмѣлъ сдѣлать того, чего не сдѣлалъ Король Сардинскій и первый Принцъ Королевской фамиліи, остался бы безъ убѣжища, еслибы Венеціянская Республика не дозволила ему поселиться въ Веронѣ. Въ Веронѣ Графъ

Прованскій узналъ о смерти Лудовика XVI; но онъ не могъ еще принять Королевскаго титула, ибо несчастный Дофинъ не палъ еще подъ угнстеніями палачей своихъ; черезъ два года жительства его въ этомъ городѣ, Венеціянскій Сенатъ воспретилъ ему дальнѣйшее пребываніе въ Венеціянскихъ областяхъ и всѣмъ извѣстна исторія съ золотою книгою. Всѣ эти области Италіи были въ послѣдствіи, по справедливому показанію Провидѣнія, выключены изъ списка Державъ. Будучи принужденъ выѣхать изъ Италіи, наслѣдникъ Короля—ребенка, находившагося въ оковахъ, отправился въ армію Принца Конде, которая показала столько храбрости и надѣлала столько дурачествъ.

Холодная политика Австрійскаго кабинета не представляла убѣжища Графу Прованскому, который принужденъ былъ проѣхать чрезъ Германію, и притомъ, какъ Лудовикъ XVIII неоднократно повторялъ даже и послѣ своего возстановленія: «онъ никогда не имѣлъ намѣренія проливать въ Германіи Французскую кровь за чуждыя выгоды.» Графъ Прованскій дѣйствительно имѣлъ слишкомъ много разсудка для того, чтобы не видѣть, что дѣло его есть только предлогъ для Державъ, воюющихъ съ Франціею; эти кабинеты, холодные къ несчастію, надѣялись только прикрыть свое честолюбіе и ненависть свою къ Франціи наружнымъ ви-

домъ притворнаго усердія къ Бурбонскому дому.

Дофинъ умеръ, Лудовикъ XVIII принялъ титулъ Короля Франціи и отправился въ Пруссію, гдѣ онъ получилъ убѣжище и, довольно извѣстно какъ подъ Бланкенбургомъ его ранило пулею въ лобъ и какое приличное Государю философу слово, онъ сказалъ при этомъ случаѣ. Но судьба, преслѣдовавшая искателя Французскаго Престола, недовольно еще надъ нимъ отяготѣла. Послѣ 18 Фруктидора, Директорія, столь же трусливая, какъ и жестокая, потребовала отъ Короля Прусскаго высылки Лудовика XVIII и надобно сознаться, что Берлинскій кабинетъ не находился тогда въ такомъ положеніи, чтобы воспротивиться тому, чего требовало Французское Правительство, коего воля была приказаніемъ. Тщетно Лудовикъ XVIII просилъ убѣжища во владѣніяхъ Короля Саксонскаго: въѣздъ въ оныя былъ ему воспрещенъ и во всей Европѣ осталась одна только Россія, которая дерзнула предложить послѣднее убѣжище потомку Лудовика XIV. Пылкій во всемъ и находясь тогда во враждѣ съ Франціею, Императоръ Павелъ весьма охотно предложилъ Лудовику XVIII жить въ Митавѣ; онъ повелѣлъ принять его, какъ Короля и осыпалъ его вѣжливостями и уваженіемъ; но по прошествіи трехъ лѣтъ, когда Павелъ I сблизил-

ся съ человѣкомъ, долженствовавшимъ черезъ двѣнадцать лѣтъ разорить его древнюю столицу, то Лудовикъ принужденнымъ нашелся выѣхать изъ владѣній сего Государя.

Въ продолженіе сего-то трехлѣтняго пребыванія въ Митавѣ, Лудовикъ XVIII, котораго мы называли тогда Графомъ Лильскимъ, написалъ къ Первому Консулу письма, приведенныя мною въ своемъ мѣстѣ. Пруссія, въ слѣдствіе новой просьбы, согласилась наконецъ на то, чтобы Лудовикъ XVI отправился на жительство въ Варшаву; но при возшествіи Наполеона на Императорскій престолъ Король выѣхалъ изъ сей столицы и отправился для совѣщанія о новомъ своемъ положеніи съ единственнымъ Государемъ, неизмѣнившимъ ему въ несчастіи, съ Королемъ Шведскимъ; они имѣли съ нимъ свиданіе въ Кальмарѣ и изъ сего то города былъ написанъ протестъ, также выше мною помѣщенный. Онъ не долго пробылъ во владѣніяхъ Короля Шведскаго; въ то время какъ Россія готовилась присоединить орлы свои къ орламъ Австріи, для того чтобы сразиться съ новыми орлами Французской Имперіи, Александръ вновь предложилъ Графу Лильскому прежнее его въ Россіи убѣжище; но по случаю заключенія Тильзитскаго мира, Лудовикъ XVIII, опасаясь чтобы опять не вышло тоже что и прежде, увидѣлъ, что ему должно отказаться отъ жи-

тельства на Твердой Землѣ, и тогда то я прочиталъ въ Сѣверной Пчелѣ статью, выше мною упомянутую.

Какой обширный предметъ для размышленій представляетъ это пятнадцатилѣтнее волненіе; что касается до меня, то всякой разъ, когда который нибудь изъ моихъ агентовъ извѣщалъ меня о томъ, что дѣлалъ и что говорилъ Графъ Лильскій, я не могъ не ощущать сильнаго волненія. Это было предметомъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ Фуше въ его перепискѣ. Сколько сокровищъ Полиція истратила на то, чтобы быть извѣщаемою о малѣйшихъ поступкахъ Бурбоновъ; и сколько она заплатила денегъ за то, чтобы ничего изъ оныхъ не обнаружилось публикѣ. Увы! поступки ихъ слишкомъ хорошо были всѣ пересказываемы и золото развязало у многихъ языки, которые считали скованными вѣрностью.

Есть одно обстоятельство, которое я считаю долгомъ выставить, ибо я въ немъ удостовѣрился; а именно, что Лудовикъ XVIII вдругъ и совершенно по своей волѣ выѣхалъ изъ Митавы, и если, какъ я сказалъ, онъ могъ опасаться чтобы его оттуда не выслали, то этотъ страхъ не имѣлъ совершенно никакого основанія. Императору Александру вовсе даже не было извѣстно намѣреніе Короля относительно его отъѣзда, и онъ узналъ объ ономъ только чрезъ

превосходнаго Барона Дризена, Митавскаго Губернатора. Объяснивъ эту статью мнѣ остается исправить еще важное заблужденіе, если только это было заблужденіе, въ которое впали многіе историки. Несправедливо сказано, будто бы Король выѣхалъ изъ Митавы только съ тѣмъ, чтобы устроивать новыя волненія во Франціи; я осмѣливаюсь рѣшительно опровергнуть такое показаніе; еслибъ это такъ было, то я бы о томъ узналъ, ибо не считая извѣстій, благосклонно сообщаемыхъ мнѣ нѣкоторыми почетными эмигрантами, я не имѣлъ недостатка ни въ глазахъ, ни въ ушахъ для того чтобы далеко видѣть и слышать. Притомъ здравый разсудокъ достаточно доказываетъ, сколь такое предположеніе было ложно и даже странно. Притомъ же и время къ тому было бы очень дурно выбрано, ибо тогда объ Испанскомъ дѣлѣ еще и не подозрѣвали, и со времени Тильзитскаго мира до начатія этой бѣдственной кампаніи, Императоръ Наполеонъ наиболѣе пользовался любовью во Франціи. Приближенные Лудовика XVIII, присовѣтовавшіе ему выѣхать изъ Митавы, много надѣялись на послѣднюю войну; они еще болѣе надѣялись на новыя войны, которыя честолюбіе Наполеона непремѣнно долженствовало возжечь; но имъ слишкомъ хорошо было извѣстно внутреннее положеніе Франціи для того, чтобы они могли ожидать

хотя чего либо отъ волненiй во Францiи или отъ возможности устроить оныя. Для Лудовика XVIII-го также, *груша не была еще спѣла.*

Г-ну Гю совершенно были извѣстны намѣренiя Лудовика XVIII даже лучше чѣмъ Графу д'Авере. Мнѣ показывали въ Гамбургѣ письмо Аббата де Булоня къ Герцогу д'Омонту, которое совершенно открыло мнѣ истину о предположенiяхъ Короля. Это письмо было писано отъ 22 Октября, слѣдовательно за короткое время передъ его отъѣздомъ. Аббатъ Булонь говорилъ въ немъ, что Король сбирается ѣхать въ Англiю съ Герцогомъ Ангулемскимъ; что онъ приглашаетъ туда все свое семейство; что эта рѣшимость Короля повергла родственниковъ его въ неописанное уныніе; что ихъ утѣшала одна только надежда, что Король скорѣе успѣетъ составить въ Англiи союзъ противъ Главы Французскаго Правительства Баронъ д'Эмберъ, видѣвшiй отвѣтъ Герцога д'Омонта, увѣрялъ меня, что по содержанiю онаго, легко было видѣть, что партiя Графа Лильскаго не перестаетъ питаться самыми обманчивыми надеждами. Я легко этому повѣрилъ, ибо во многихъ обстоятельствахъ видѣлъ, что одною изъ характерическихъ чертъ эмигрантовъ вообще, была непостижимая склонность вѣрить тому, чего они желали.

29 Ноября мнѣ сообщили еще письмо изъ

Лондона, полученное чрезъ Швецію; оно было отъ 3 Ноября и содержало въ себѣ нѣкоторыя подробности о прибытіи Графа Лильскаго въ Англію. Король пріѣхалъ въ Ярмутъ 31 Октября и принужденъ былъ дожидаться нѣсколько времени, пока были устранены затрудненія касательно выхода его на берегъ и продолженія, равно какъ и направленія, пути его. Въ этомъ письмѣ было сказано, что Король Англійскій заблагоразсудилъ отказать Графу Лильскому въ дозволеніи пріѣхать въ Лондонъ или въ его окрестности. Ему назначили для жительства Голи-Гудской дворецъ въ Единбургѣ. Г-ну Россу, Секретарю Г. Каннинга было поручено отвезти Лудовику XVIII въ Ярмутъ рѣшеніе, принятое Королемъ Англійскимъ.

Предосторожность, взятая Англійскимъ Министерствомъ недозволеніемъ бѣгствующему Королю приближаться къ Лондону, показалась мнѣ довольно замѣчательнымъ обстоятельствомъ при взаимномъ положеніи Правительствъ Французскаго и Англійскаго; и я увидѣлъ въ этомъ доказательство сказаннаго мнѣ Княземъ Витгенштейномъ и приведеннаго мною въ предъидущей части, на счетъ расположенія Г. Каннинга къ тому, чтобы достигнуть соглашенія. Но приближалась минута, когда Испанскія дѣла долженствовали положить тому непреодолимое препятствіе, затруднить еще болѣе и безъ того

уже чрезвычайно покривленныя и спутанныя выгоды всѣхъ Европейскихъ Державъ и открыть наконецъ Наполеону то обширное поприще, которое долженствовало погубить его. Самъ онъ не захотѣлъ чтобы надежды эмигрантовъ на долгое время оставались мечтательными и мы по счастію увидѣли въ 1814 году, исполненіе пророческаго и удачнаго изреченія, сказаннаго ему Г-мъ Лемерсье, въ разговорѣ, происходившемъ за нѣсколько дней до учрежденія Имперіи: «Если вы перестелете постелю Бурбоновъ, Генералъ, то вы не проспите въ ней и десяти лѣтъ (*).»

(*) Онъ проспалъ въ ней девять лѣтъ и девять мѣсяцовъ.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Великій открыватель тайнъ. —Г. Ректернъ въ Гамбургѣ.—Сообщенныя мною о немъ свѣдѣнія.—Письмо отъ Іозефины. —Новыя требованія Императора у Ганзейскихъ городовъ. —Уклончивые отвѣты —Извѣстность мнѣ замысловъ Наполеона касательно Германіи.—Неудобоисполнимыя приказанія.—Три тысячи матросовъ, требуемые у Гамбурга.—Истощеніе средствъ.—Отъѣздъ Князя Понте-Корво. — Предсказанный Королевскій санъ и суевѣріе.—Письмо Бернадота. — Перехваченныя письма.—Ла Романа и Романиловсъ.

Великій открыватель тайнъ Европы, Фуше, при первой молвѣ о возникшихъ въ Испаніи движеніяхъ, началъ присылать ко мнѣ вопросъ за вопросомъ о Графѣ Ректернѣ, бывшемъ Министрѣ Мадритскаго Двора въ Гамбургѣ, и который выѣхалъ оттуда, по волѣ двора своего, черезъ четыре мѣсяца по прибытіи моемъ въ этотъ городъ. Это значило слишкомъ далеко

браться за прежнее для полученія свѣдѣній о настоящихъ дѣлахъ. Хотя большею частью я старался уклоняться отъ этаго рода вопросовъ объ особахъ, занимавшихъ почетныя мѣста въ дипломатическомъ Корпусѣ; но при такихъ важныхъ обстоятельствахъ и предъ грозою, которая сбиралась на Югѣ Европы, я счелъ долгомъ сообщить Министру Полиціи то, что мнѣ было извѣстно о Г. Ректернѣ. Я имѣлъ съ нимъ частыя сношенія, и мы даже подружились въ продолженіи короткаго времени пребыванія нашего вмѣстѣ въ Гамбургѣ. Г. Ректернъ былъ превосходный, честный человѣкъ, исполненный благородства, врагъ всякихъ козней, любившій Францію и Французовъ, но нескрывавшій, сколько онъ не одобряетъ систему нашествій, безпрестанно побуждавшую Императора къ новымъ предпріятіямъ. Онъ охотно въ этомъ открывался, когда могъ сіе безопасно дѣлать. Вотъ все, что я зналъ объ этомъ Посланникѣ и что могъ отвѣчать Министру Полиціи.

Въ ту самую минуту, какъ я отправлялъ къ Фуше свѣдѣнія, которыя конечно долженствовали показаться ему неудовлетворительными, ибо не сообщали ему ничего подозрительнаго на счетъ личныхъ поступковъ Г. Ректерна, я получилъ новый знакъ памяти отъ доброй Іозефины. Она прислала мнѣ слѣдующую записку: «Г. Милонъ, находящійся теперь въ Гамбур-

«гѣ, желаетъ, любезный Бурiеннъ, чтобы я просила васъ объ оказанiи ему вашего расположенiя и участiя. Мнѣ тѣмъ прiятнѣе писать «вамъ о немъ, что это доставляетъ мнѣ случай «возобновить увѣренiе въ чувствахъ моихъ къ «вамъ.»

Письмо Iозефины было надписано изъ Фонтенбло, куда Императоръ возобновилъ поѣздки почти по образцу старинняго этикета Французскаго Двора. Онъ иногда забавлялся тамъ охотою, единственно для того, чтобы дѣлать тоже, что дѣлалось прежде, ибо эта забава не болѣе нравилась ему какъ Монтену шахматная игра; но онъ занимался такъ какъ и вездѣ попеченiями о своемъ величiи, придумывая къ несчастiю требованiя съ отдаленныхъ земель, весьма способныя лишить его расположенiя народовъ. Такъ напримѣръ Генералъ Интендантъ армiи Дарю, сообщилъ мнѣ волю Наполеона, дабы жалованье всѣхъ войскъ, стоящихъ въ Ганзейскихъ городахъ, было выдаваемо этими городами. Мнѣ очень больно было сообщать такiя вещи Бременскому, Любекскому и Гамбургскому Сенатамъ, но долгъ мой того требовалъ и я давно уже привыкъ къ исполненiю еще болѣе тягостныхъ обязанностей. И такъ я обратился ко всѣмъ Сенатамъ, не совокупно, но къ каждому порознь, въ надеждѣ, что согласiе одного изъ нихъ послужитъ мнѣ къ преклоненiю двухъ

другихъ; но они какъ будто сговорились, и я получилъ отъ нихъ только уклончивые отвѣты съ жалобами на свое стѣсненное положенiе. Я исполнилъ мою обязанность, начавъ переговоры, коихъ я предвидѣлъ развязку; и потомъ счелъ долгомъ подтвердить предъ Правительствомъ ихъ доводы, коихъ основательность очень была мнѣ извѣстна.

Совершенно,—и могу сказать, лучше всякаго другаго, зная надежды и замыслы Бонапарте касательно Сѣверной Германiи, я съ живѣйшимъ огорченiемъ и даже не безъ страха видѣлъ его дѣлающаго все возможное для превращенiя во враговъ жителей страны, которая всегда пребыла бы спокойною, еслибъ ей только дозволили сохранить ея нейтралитетъ. Послѣ столькихъ великихъ пожертвованiй, которыя Ганзейскiе города уже сдѣлали, мнѣ всякой разъ очень многаго стоило требовать у нихъ опять новыхъ. Я считалъ жесточайшею несправедливостью всякой налогъ, которымъ хотѣли обремѣнить ихъ и требованiе о уплатѣ жалованья Французскимъ войскамъ, состоящимъ въ земляхъ ихъ, было не только ужасно тяжко, но сверхъ того это требованiе заключало въ себѣ нѣчто унизительное, а униженiе меньше всего прощается.

Между получаемыми мною приказанiями, нѣкоторыя были совершенно неудобоисполнимы:

напримѣръ, я однажды получилъ приказъ набрать три тысячи матросовъ въ Ганзейскихъ городахъ!... Какой неискусный дѣлецъ, какой безумный совѣтникъ, могъ внушить Наполеону такую глупость? Это было все равно, какъ еслибъ во Франціи захотѣли набрать пять сотъ тысячъ матросовъ. Этотъ замыселъ, какъ неудобоисполнимый, неисполнился и я съ трудомъ могъ увѣрить, что шестая часть требуемаго Императоромъ, была все, что дозволяли выполнить истощенныя средства Ганзейскихъ городовъ. И такъ они доставили 500 матросовъ; да и тутъ еще для пополненія сего числа, принуждены были включить въ этотъ наборъ людей вовсе неспособныхъ къ морской военной службѣ. Но что нужды, это были люди; они составляли число; а ихъ такое ужасное множество истреблялось!

Весною 1808 года, я очень былъ огорченъ тѣмъ, что Князь Понте-Корво который всегда такъ охотно соглашался по возможности облегчать требованія людьми и деньгами, которыми Правительство безпрестанно обременяло Ганзейскіе города, получилъ приказаніе отправиться въ Копенгагенъ (*). Онъ выѣхалъ изъ Гамбурга 8 Марта дабы прибыть къ мѣсту своего назна-

(*) Онъ ѣхалъ для принятія начальства надъ Французскими войсками, которыя Императоръ послалъ въ Данію послѣ бомбардированія Копенгагена Англичанами.

ченія 14 числа того же мѣсяца; Датскій Повѣренный въ дѣлахъ получилъ приказаніе также ѣхать съ Княземъ, въ званіи при немъ Королевскаго Комисара. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во время начальства своего въ Гамбургѣ и во время пребыванія въ Ютландіи, Бернадотъ неумышленно пріуготовилъ себѣ путь къ Шведскому престолу. Бернадотъ, какъ мнѣ помнится, также вѣрилъ нѣкоторымъ пророчествамъ и предопредѣленію, однимъ словомъ онъ вѣрилъ Астрологіи, и я не могу забыть, что онъ однажды вовсе не шутя сказалъ мнѣ: «Повѣрите ли вы, любезный другъ, что мнѣ предсказывали въ Парижѣ, что я буду Королемъ, но что для этого мнѣ надобно переѣхать черезъ море.» Я смѣялся съ нимъ надъ этою умственною слабостью, которой самъ Наполеонъ не былъ чуждъ; и очень знаю не сверхъестественное вліяніе, а его добрый, благолюбивый характеръ возвели его на степень Государей Европы; онъ не имѣлъ другаго талисмана, кромѣ мудрости своего управленія, и готовности его противиться несправедливымъ мѣрамъ: вотъ что соединило всѣ мнѣнія въ его пользу. Я имѣлъ счастіе жить съ нимъ, особенно въ Гамбургѣ, въ самыхъ короткихъ связяхъ и вѣчно сохраню о томъ воспоминаніе. Я еще неоднократно буду имѣть случай говорить объ этомъ превосходномъ человѣкѣ, особенно въ ту эпоху когда мы

Digitized by Google

увидимъ его призваннаго въ званіе Наслѣднаго Принца Швеціи, по добровольному желанію Шведовъ.

Затруднительность Сѣверныхъ дорогъ заставила Бернадота проѣхать однимъ днемъ долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Вмѣсто 14 числа, онъ прибылъ въ Копенгагенъ 15-го, ровно за два часа до смерти Датскаго Короля Христіерна, о которой онъ сообщилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ, написаннымъ черезъ день послѣ его пріѣзда.

«Не хочу отправить этого курьера, любезный «мой Министръ, неприбавивъ къ моей оффиціяльской депешѣ нѣсколькихъ дружескихъ словъ. Я «пріѣхалъ третьяго дня вечеромъ въ Копенга«генъ, за нѣсколько часовъ до распространенія «извѣстія о смерти Короля. Войска наши были «вездѣ отлично хорошо приняты. Мнѣ оказыва«ютъ наивозможное вниманіе и уваженіе, и я «не могу нахвалиться обхожденіемъ со мною «Новаго Короля. Голова нашихъ колоннъ нахо«дится въ Фіоніи; новыя распоряженія нѣсколь«ко замедлили переходъ арміи. Впрочемъ пого«да очень намъ благопріятствуетъ; холодъ весь«ма силенъ; Зундъ и Категатъ еще покрыты «льдомъ.

«Вы будете обстоятельно увѣдомлены, лю«безный Министръ, обо всемъ, что здѣсь про«изойдетъ; поверьте, что я всегда буду считать

«истиннымъ удовольствіемъ сообщать вамъ из-«вѣстія и возобновлять вамъ увѣренія въ моей «привязанности.

«Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почте-«ніе Г-жѣ Буріеннъ и не забыть напомнить обо «мнѣ всему вашему любезному семейству.

«Обнимаю васъ

І. БЕРНАДОТЪ.»

Копенгагенъ, 18 Марта 1808.

6 числа слѣдующаго Апрѣля мѣсяца, я получилъ отъ Бернадота другое письмо, въ которомъ онъ просилъ меня приказать Почтъ-Директору задерживать всѣ письма, присылаемыя на имя Испанскихъ войскъ, которыя состояли подъ его начальствомъ и въ числѣ коихъ находился корпусъ де ла Романы, о которомъ мнѣ скоро придется говорить. Почтъ-Директоръ долженъ былъ оставить эти письма у себя до тѣхъ поръ, пока получитъ приказаніе послать ихъ въ армію. Бернадотъ счелъ эту мѣру необходимою для предупрежденія замысла взбунтовать Испанцевъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. Изъ депеши его я увидѣлъ, что онъ боится козней Романильоса, Секретаря Испанскаго Посольства въ Гамбургѣ, гдѣ ему были поручены дѣла его Правительства со времени отъѣзда Г. Рехтерна; но Бернадотъ напрасно его

опасался. Романильосъ былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ людей, и рѣчи его равно какъ сочиненія были слишкомъ невинны для того, чтобы онъ могъ имѣть какое либо вліяніе на общественное мнѣніе.

Digitized by Google

++

ГЛАВА III.

Адъютантъ Герцога Зюдерманландскаго. — Охранная стража, данная Г. Сурмену. — Я назначенъ Генеральнымъ Консуломъ въ Гамбургъ.—Нелвственность судебныхъ приговоровъ. —Гнусный ковъ.— Отрывокъ изъ одного сочиненія.—Клевета на Г. Штейна, на Князя Витгенштейна и на меня.— Любовь Г-на Штейна къ свободѣ и ненависть Наполеона къ этому Министру. — Бонапарте читаетъ въ будущемъ.— Политическое завѣщаніе Барона Штейна.— Опроверженіе клеветы. — Обвиненіе, сдѣланное противъ Князя Витгенштейна.— Поддѣльная копія съ письма Графини Воссъ.— Умѣренность Бернадота. — Огорченіе и признательность Князя Витгенштейна.—Необходимая мѣра.— Письмо Бернадота къ Императору.—Оффиціальная нота Прусскаго Министра въ Гамбургѣ.—Оправданіе, затрудненное доносами.— Французскіе козни въ Берлинѣ.—Письменный отзывъ Князя Витгенштейна.—Лестное письмо Короля Прусскаго.

Должность Полномочнаго Министра въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ, какимъ былъ Гамбургъ во все время моего тамъ пребыванія, достав-

ляетъ случай узнать множество разныхъ людей и еслибъ возможно было посвятить наблюденію то время, которое слѣдуетъ употребить для дѣлъ, то очень удобно было бы заняться нравственными и политическими изслѣдованіями. Я болѣе любилъ тѣхъ, которые проживали нѣсколько времени, чѣмъ тѣхъ, которые только проѣзжали чрезъ Гамбургъ. Между этими послѣдними, я помню Полковника Сюрмена, Старшаго Адъютанта Герцога Зюдерманландскаго. Г. Сурменъ пріѣхалъ ко мнѣ однажды вечеромъ и на другой же день отправился въ Парижъ; это было, кажется въ концѣ Марта 1808 года. Онъ имѣлъ письмо отъ Герцога къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Съ Г-мъ Сурменемъ былъ Адъютантъ его Драгунскій Поручикъ Графъ Еренмурдъ. Датскій Офицеръ провожалъ его отъ Копенгагена до Гамбурга. Я отправилъ съ нимъ Французскаго Офицера, для сопровожденія его до Гановра. Предъ отъѣздомъ своимъ Г. Сурменъ объявилъ мнѣ также, что онъ имѣетъ письма отъ Г. Еренгейма, Президента Канцеляріи къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ и отъ Герцога къ Императору.

Я помню, что около этой же эпохи, по присоединеніи званія Генеральнаго Консула Франціи къ той должности, которая первоначально была мнѣ ввѣрена Императоромъ, я принужденнымъ нашелся по этому званію сдѣлать Министру

Внѣшнихъ Сношеній довольно странное представленіе: дѣло состояло въ просьбѣ, чтобы судебные приговоры, которые мнѣ, какъ Генералъ-Консулу поручалось объявлять Гамбургцамъ, были писаны появственнѣе. Я не могъ этого не сдѣлать, ибо многіе изъ этихъ приговоровъ не были принимаемы по причинѣ невозможности разобрать ихъ; одинъ изъ нихъ былъ такъ неявственно написанъ, что даже затруднялись различить къ Нѣмецкому, къ Французскому или къ Китайскому языку принадлежали его буквы.

Это дѣло было только забавно, и мнѣ легко удалось выпросить, чтобы приговоры впредь писали явственнѣе, но въ теченіе 1808 года случилось другое чрезвычайно важное, въ которомъ я принялъ живѣйшее участіе, и которое доказываетъ до какой степени лживости и, можно сказать бездѣльничества, могутъ унижаться злобные люди, безпрестанно занимающіеся тѣмъ, чтобы устроить свою судьбу по средствомъ клеветы. То что я говорю относится къ ковамъ, которые были устроиваемы противъ Князя Витгенштейна, о которомъ я сказалъ, что буду еще говорить подробнѣе. Дабы вполнѣ выставить эти адскіе ковы, да позволено мнѣ будетъ привести отрывокъ изъ одного сочиненія, которое я послѣ назову. Вотъ что я прочиталъ въ немъ.

«Права человѣка и народовъ были наруше-«ны самымъ необычайнымъ и самымъ неслы-«ханнымъ образомъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1808 «года, въ особѣ Князя Витгенштейна, Прусска-«го Министра въ Гамбургѣ и какъ это пося-«гательство причинило ссылку Г. Штейна На-«полеономъ, то его кстати здѣсь привести.

«Князь Витгенштейнъ обыкновенно получалъ «свои депеши чрезъ Г. Штейна, Прусскаго Ми-«нистра, находившагося въ Кенигсбергѣ съ Ко-«ролемъ. Бонапарте полюбопытствовалъ узнать «содержаніе этихъ депешей. Для сего онъ при-«казалъ задержать курьера и разсмотрѣвъ его «депеши отправилъ ихъ по принадлежности къ «Князю Витгенштейну въ Гамбургъ. Онѣ содер-«жали суровыя размышленія о поведеніи Бона-«парте въ Испаніи и въ Вестфаліи. Онъ послалъ «потомъ нѣсколько писемъ, поддѣльныхъ подъ «руку Г. Штейна къ Князю въ Гамбургъ. Эти «письма приглашали его прислать планъ для «возмущенія Вестфаліи. Князь Витгенштейнъ, «незная что думать о несвязномъ слогѣ этихъ «писемъ, написалъ къ Графу Гольцу и къ Ми-«нистру Короля Прусскаго, находившагося въ «Кенигсбергѣ касательно странныхъ посланій, «получаемыхъ имъ отъ Г. Штейна. Француз-«скіе агенты перехватили это письмо, и опа-«саясь, чтобы истина не открылась, прибѣгли «къ новымъ средствамъ.

«Въ слѣдствіе сего Князь Витгенштейнъ былъ «задержанъ въ Гамбургѣ и отвезенъ въ домъ «Наполеонова Министра Буріенна. Его принудили написать къ Графу Гольцу касательно «безчестнаго поведенія съ нимъ Г. Штейна, «будто бы Штейнъ старался взбунтовать Вест«фалію противъ ея Государя и другія, столь же безстыдныя лжи. Эти письма были отосла«ны для напечатанія въ Монитёрѣ, гдѣ явились «7 Сентября 1808 года. Бонапарте не смотря «на всю свою хитрость не умѣетъ сохранять «своихъ собственныхъ тайнъ. Изъ самыхъ этихъ «писемъ очевидно, что Князь Витгенштейнъ «былъ принужденъ написать ихъ, ибо онъ вѣрно «не послалъ бы ихъ въ Монитёръ. Что касает«ся до Графа Гольца, то онъ никогда не получилъ ихъ; подлинники были отосланы въ Парижъ, гдѣ они и остались. Послѣ этого-то со«блазнительнаго дѣла, Г. Штейнъ былъ лишенъ «покровительства законовъ.»

Разсмотримъ сей отрывокъ, въ которомъ мое имя упомянуто, и всякой ясно увидитъ, какъ дѣло происходило. Г. Штейнъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ. Будучи Министромъ Короля Прусскаго, онъ отличался между чинами Берлинскаго кабинета, содѣйствовавшими всею своею силою возрожденію народа и воспламененію общественнаго духа, составляющаго жизнь и охрану Государствъ. Онъ хотѣлъ на-

питать всѣ души тою блистательною мыслью, что подданные и Правительство должны соединяться узами общей выгоды. Этого было достаточно для того, чтобы Наполеонъ возненавидѣлъ Г. Штейна. Не терпя во Франціи этихъ патріотическихъ чувствъ, которыя однакоже пріуготовили и отверзли ему путь къ Французскому престолу, могъ ли онъ допустить ихъ у народа, съ которымъ онъ находился въ войнѣ, тогда въ особенности, какъ онъ видѣлъ, что національное воспламененіе, обнаружившееся въ Пруссіи, могло положить оплотъ его честолюбію? Бонапарте приписалъ Г-ну Штейну и его системѣ, патріотическій ропотъ, сперва глухо распространившійся во владѣніяхъ Фридриха Вильгельма, а въ послѣдствіи долженствовавшій вспыхнуть. Г. Штейнъ, какъ Наполеону было извѣстно, содѣйствовалъ къ пробужденію въ Прусскомъ народѣ чувства къ обидамъ, нанесеннымъ его Правительству до 1806 года, равно и къ сдѣланному ему оскорбленію чрезъ нарушеніе поземельныхъ правъ Маркграфствъ Барейтскаго и Аншпахскаго. Причемъ ненависть Наполеона съ этой поры къ Г. Штейну доказываетъ обширность и прозорливость его взгляда. Онъ читалъ въ будущемъ то, что долженствовало произойти, и я нисколько не сомнѣваюсь, что это первоначальное внушеніе, сообщенное умамъ въ Пруссіи, произвело въ по-

слѣдствіи тотъ великодушный порывъ, по которому Генералъ Іоркъ отдѣлился отъ Французскихъ войскъ, не ожидая согласія Короля Прусскаго. Это событіе, къ которому я въ последствіи еще возвращусь, конечно наиболѣе содѣйствовало къ освобожденію Германіи отъ Французскаго ига

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Г. Штейнъ издалъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ тогда находился, циркулярное посланіе къ великимъ сановникамъ Прусскаго Королевства: это посланіе было извѣстно подъ именемъ *Политическаго завѣщанія Барона Штейна.* Вотъ въ короткихъ словахъ, то что я зналъ относительно Барона Штейна, и слѣдовательно все то, что я могу о немъ сказать. Я никогда незналъ его лично; не имѣлъ съ нимъ никакой переписки и вызываю всякаго оспорить, что между нами никогда не существовало даже тѣни какихъ либо сношеній. Имя его есть для меня историческое, вотъ и всё. Но я имѣю право спросить, возможно ли позволять себѣ съ такою лживостью искажать событія, какъ то сдѣлано въ приведенномъ мною отрывкѣ? Повторяю, что я не могу оставить безъ отвѣта такую клевету. Обвиненіе слишкомъ важно для того, чтобы мнѣ дозволено было сохранить молчаніе, тѣмъ болѣе, что это статья о Г. Штейнѣ, поддѣлана слогомъ истины и правдолюбія, могущемъ убѣдить тѣхъ

людей, которые не имѣютъ нужды разыскивать внутренности вещей. Клевета всегда любитъ нападать на сановниковъ Правительства; но эти послѣдніе должны въ свою очередь имѣть полное право защищаться и называть клеветниками тѣхъ, которые на нихъ клевещутъ.

Вотъ истина, основанная на достовѣрныхъ бумагахъ; изъ сравненія этихъ двухъ разсказовъ всякой увидитъ, что одинъ изъ нихъ есть чистая выдумка, ибо они во всемъ между собою различествуютъ; но есть судья, котораго здравый его разсудокъ рѣдко обманываетъ; этотъ судья—публика и она рѣшитъ дѣло.

Графиня де Воссъ, Оберъ-Гофмейстерина двора Королевы Прусской, написала въ Гамбургъ къ Князю Сайнъ-Витгенштейну, своему пріятелю письмо безъ означенія числа и мѣста. Это письмо пришло, какъ говорятъ въ Гамбургъ 16 Ноября; я привожу число ибо ничемъ не должно пренебрегать тогда какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы доставить торжество истинѣ.

Читатели вѣроятно не забыли сказаннаго мною выше о Князѣ Витгенштейнѣ; они видѣли, что онъ жилъ въ Гамбургѣ не какъ Прусскій Министръ, а какъ частный человѣкъ; Министромъ же этой Державы при Ганзейскихъ городахъ, былъ тогда Баронъ Гротъ. — Около того же времени, какъ посьмо Графини де Воссъ

пришло въ Гамбургъ, Маршалъ Бернадотъ, находившiйся тогда тамъ, получилъ отъ Г. Дарю письмо отъ 14 Ноября, съ приложенiемъ *копiи* съ письма Г-жи Воссъ, распечатаннаго въ Берлинѣ. Эта копiя была на Французскомъ языкѣ по переводѣ оной съ Нѣмецкаго. При сообщенiи сей копiи, Принца Понте-Корво просили задержать Князя Сайнъ-Витгенштейна. По нѣкоторымъ выраженiямъ, употребленнымъ въ *переводной копiи* съ письма Г-жи Воссъ, показали видъ, будто бы думаютъ, что Князь Витгенштейнъ устроиваетъ заговоръ, коего цѣль есть возмутить Вестфалiю и наконецъ, умертвить Императора!

Бернадотъ тотчасъ прiѣхалъ ко мнѣ, дабы сообщить мнѣ эту непостижимую депешу. Съ самой первой минуты, я разсудилъ, что тутъ скрывается какой либо гнусный ковъ и замѣтилъ Маршалу, что находясь очень часто съ Княземъ и хорошо его зная, я считаю его неспособнымъ войти въ такiе умыслы; что онъ часто говорилъ мнѣ о Графинѣ де Воссъ, какъ о самой почтенной женщинѣ; что по моему мнѣнiю его не слѣдовало задерживать, или по крайней мѣрѣ не дѣлать непрiятной огласки. «Поѣдемте къ нему,» сказалъ я Маршалу. «Онъ не ожидаетъ нашего посѣщенiя; мы увидимъ какое дѣйствiе оно на него произведетъ и во всякомъ случаѣ потребуемъ отъ него честное слово не-

выѣзжать изъ Гамбурга до приведенія въ ясность этого дѣла.» Превосходный Бернадотъ, всегда расположенный къ добрымъ дѣламъ, склонился на мою просьбу. Тогда былъ одиннадцатый часъ вечера, и не прошло еще двухъ часовъ съ полученія изъ Берлина письма, какъ мы отправились вмѣстѣ къ Князю Витгенштейну. Мы застали его въ спальномъ платьѣ, очень спокойно сидящаго за чаемъ. Онъ принялъ нашъ пріѣздъ за дружеское посѣщеніе, очень извинялся въ томъ, что мы нашли его не одѣтаго и замѣтилъ, что этому виною поздняя пора, въ которую мы къ нему пожаловали. Онъ былъ по обыкновенію своему учтивъ и любезенъ, и намъ съ Бернадотомъ невозможно было предполагать, чтобы Г. Витгенштейнъ хоть что нибудь зналъ. Маршалъ со всевозможною осторожностью объявилъ ему цѣль нашего посѣщенія, ибо наконецъ надобно было дойти до того. Сначала онъ подумалъ, что мы для забавы сочинили шутку, по нашей съ нимъ короткости позволительную; но когда онъ увидѣлъ, что мы говоримъ не шутя, когда Бернадотъ далъ ему прочитать переводную копію съ письма Графини де Воссъ, то изумленіе и негодованіе Князя достигли высшей степени. Бернадотъ потребовалъ съ него слово не выѣзжать изъ Гамбурга безъ его разрѣшенія. Князь далъ его съ удовольствіемъ, не запинаясь и объявилъ намъ, что

онъ не получилъ подлинника письма, нами ему сообщеннаго.

На другой день 17 Ноября, Князь Витгенштейнъ прiѣхалъ ко мнѣ рано утромъ. Онъ былъ внѣ себя. Мнѣ слишкомъ хорошо были извѣстны прямота его и благородство характера, для того чтобы онъ имѣлъ нужду увѣрять меня, что онъ ни возмутитель, ни убiйца. Я сдѣлалъ все, отъ меня зависѣвшее, дабы его успокоить и присовѣтовалъ ему потребовать, чтобы къ нему было доставлено поддинное письмо Графини де Воссъ.

Ни дружба, ни убѣжденiе не принимались въ уваженiе при столь строгомъ Правительствѣ, каково было Наполеоново; мы не могли не осмотрѣть бумагъ Князя; но всѣ изслѣдованiя, сдѣланныя мною вмѣстѣ съ Генераломъ Жерардомъ, не открыли ничего, могущаго возбудить противъ Князя малѣйшее подозрѣнiе; Маршалъ, въ слѣдствiе моего ходатайства и лично убѣдясь въ невинности Г. Витгенштейна, остался при прежней своей рѣшимости не брать его подъ стражу и положиться на слово его, что онъ не выѣдетъ изъ Гамбурга, которое онъ далъ намъ въ тотъ вечеръ какъ мы внезапно его посѣтили. Дабы не навлечь на себя порицанiя, Князь Понте-Корво написалъ слѣдующее письмо къ Императору, находившемуся тогда въ Испанiи.

«Государь,

«Имѣю честь представить присемъ Вашему «Величеству письмо, писанное ко мнѣ Генералъ-«Интендантомъ Дарю вмѣстѣ съ бумагою, кото-«рая была къ оному приложена. Я тотчасъ при-«казалъ разсмотрѣть бумаги Князя Витгенштей-«на Г-ну Министру Буріенну и Генералу Же-«рарду, Начальнику Штаба моего Корпуса: ме-«жду оными найдены только прилагаемыя при-«семъ три письма, подъ No 1, 2 и 3 заслужи-«вающія нѣкоторое вниманіе.

«На другой день прибыли курьеры Берлин-«скій и Кенигсбергскій; привезенныя ими депе-«ши были распечатаны при Г. Буріеннѣ и при «Почтъ-Директорѣ; найдено на имя Князя Вит-«генштейна одно только письмо, адресованное «чрезъ здѣшняго банкира и прилагаемое при-«семъ подъ No 4 (*). Всѣ, тѣ, которыя впредь «получатся, равномѣрно будутъ перехвачены.

«Все это было сдѣлано безъ огласки и съ «надлежащею осторожностью.

«Считаю также долгомъ представить Вашему «Величеству письмо, которое Князь Витгенш-«тейнъ писалъ мнѣ въ свое оправданіе, присо-«вокупивъ и копію съ того, которое онъ писалъ «къ Министру Короля Вестфальскаго. По раз-«смотрѣніи сего письма, равно какъ и всѣхъ «бумагъ его, я не рѣшился взять подъ стражу

(*) Всѣ эти письма были незначительны.

»Князя Витгенштейна, опасаясь сдѣлать неугод-
«ное Вашему Величеству. Но всѣ мѣры при-
«няты для задержанія его, въ случаѣ нужды.
«На счетъ сего я буду ожидать повелѣнія Ва-
«шего Величества.»

«При этомъ случаѣ, равно какъ и во всемъ,
«касающемся Вашего Величества, я всѣми си-
«лами буду стараться доказать мою преданность
«и усердіе.

«БЕРНАДОТЪ.»

Гамбургъ, 19 Ноября 1808.

Я продолжалъ уговаривать Князя Витген-
штейна, чтобы онъ настоятельно требовалъ
подлинника письма Графини де Воссъ, коего
переводъ навлекалъ на него такое подозрѣніе.
Графъ Дарю отвѣчалъ 21 Ноября, что подлин-
никъ отосланъ къ Королю Прусскому въ Ке-
нигсбергъ. Съ другой стороны Даву утверждалъ,
будто бы подлинникъ отосланъ къ Князю, ко-
торый сжегъ его, и теперь будетъ отпираться
отъ составленнаго заговора и отъ замысла
убійства.

22 Ноября, Г. де Воссъ, племянникъ Графини
де Воссъ, имѣлъ въ Берлинѣ разговоръ съ Гра-
фомъ Дарю, который увѣрялъ меня, что пись-
мо было только списано и потомъ отправлено
чрезъ почту по принадлежности. Но Князь

зналъ отъ Г. де Восса, что 20 числа, ему обѣщали показать подлинное письмо двадцать третьяго.

Такое непостижимое краснорѣчіе очень доказывало, что подлинное письмо еще существуетъ, и что *кому нибудь* желательно, чтобы его нельзя было сличить съ переводною копіею. Но этотъ подлинникъ былъ необходимъ Князю, который, будучи убѣжденъ въ своей невинности и коротко зная Графиню де Воссъ, утверждалъ что копія невѣрна и что невозможно, чтобы переводчикъ не переиначилъ смыслъ подлинника. До тѣхъ поръ, пока онъ не могъ сдѣлать этой повѣрки, онъ все оставался подъ важнымъ обвиненіемъ и былъ бы взятъ подъ стражу, еслибъ не прекрасная душа Бернадота, еслибъ не ходатайство мое въ его пользу и не короткое его знакомство съ нами.

Это дѣло заняло Гамбургскую дипломатію, и я получилъ 26 Ноября слѣдующую ноту отъ Барона Грота, Министра Короля Прусскаго.

«Нижеподписавшійся, чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Е. В. Короля «Прусскаго, отлучась по несчастію на нѣсколько дней, съ позволенія двора своего, въ недавнемъ только времени узналъ о происшествіи, «столь же неожиданномъ, какъ и необычайномъ, «причиненномъ офиціяльнымъ доносомъ сдѣланнымъ Его Свѣтлости Князю Понтє-Корво, на

«Его Свѣтлость Князя Витгенштейна, Министра «Е. В. Короля Прусскаго.

«Нижеподписавшійся измѣнилъ бы своему «долгу, еслибъ онъ не протестовалъ офиціяльно «противъ мѣръ, которыя въ слѣдствіе ужасной «клеветы, были приняты относительно Князя «Витгенштейна, Министра дружественной съ «Франціею Державы, и онъ проситъ Его Пре«восходительства Г. Буріенна, Полномочнаго «Министра Е. В. Императора Французовъ, Ко«роля Италіи, Протектора Рейнскаго Союза, о «содѣйствіи къ немедленному прекращенію мѣръ «принятыхъ противъ Князя. Не только не ра«сполагая отсюда удаляться, Его Свѣтлость «Князь Витгенштейнъ напротивъ того очень «желаетъ продолжить здѣсь свое пребываніе, «дабы привести въ ясность это дѣло и открыть «чрезъ то, если возможно, первый источникъ «сей безчестной клеветы. Даже если физическая «невозможность такого покушенія и не была «очевидна, еслибъ такой замыселъ и могъ войти «въ голову человѣка, нелишеннаго разсудка; «еслибъ не было неподлежащимъ никакому со«мнѣнію, что Графиня де Воссъ не написала и «не могла написать ни строчки изъ письма, ей «приписаннаго, то мнѣ было бы неприлично «браться оправдывать почетныхъ особъ, къ ко«имъ это относится. Графиня де Воссъ, равно «какъ и Князь Витгенштейнъ, имѣютъ честь

«пользоваться особеннымъ расположеніемъ Ихъ «Величествъ Короля и Королевы Прусскихъ; «посему одного уже этого уваженія, оказываемаго имъ Государями, коихъ великій, правдолюбивый характеръ извѣстенъ Европѣ, — достаточно, дабы предохранить ихъ отъ малѣйшаго «подозрѣнія въ томъ, что они даже могли питать мысль о такомъ гнусномъ злодѣйствѣ, «которое заставляетъ содрогаться, и о которомъ «даже предположеніе кажется уже преступленіемъ противъ общества. Однакоже достоинство моего Двора было оскорблено мѣрами, «принятыми относительно сего дѣла, и мудрость, «равно какъ правосудіе Е. В. Императора Французовъ, не дозволяютъ мнѣ нисколько сомнѣваться въ полномъ удовлетвореніи, которое онъ «признаетъ нужнымъ сдѣлать въ столь важномъ «случаѣ Е. В. Королю, моему Государю.

«Нижеподписавшійся проситъ Е. П. Г. Буріенна содѣйствовать тому, представя на благоусмотрѣніе его великаго и Августѣйшаго Монарха все, относящееся къ этому дѣлу.

«Нижеподписавшійся равномѣрно донесетъ «объ этомъ своему Двору, представя копію съ «сей ноты.

«Онъ имѣетъ честь повторить Е. П. Г. Буріенну, Полномочному Министру Е. В. Императора Французовъ, Короля Италіи и Про-

Digitized by Google

«тектора Рейнскаго Союза, увѣренie въ своемъ «глубочайшемъ почтенiи и преданности.

«АВГУСТЪ, БАРОНЪ ГРОТЪ.»

Въ Гамбургѣ, 26 Ноября 1808.

Между тѣмъ дни проходили, и не взирая на неоднократныя просьбы Князя Витгенштейна, подлиннаго письма не доставляли. Наконецъ, на другой день послѣ того какъ Г. Гротъ сообщилъ мнѣ вышеприведенную ноту и чрезъ тринадцать дней по полученiи *переводной копiи*, Князь написалъ мнѣ по Нѣмецки письмо, въ слѣдъ за симъ помѣщаемое, которое я самъ перевелъ на Французскiй языкъ, и котораго подлинникъ у меня хранится.

«Вы получите при семъ, любезный другъ, под«линное письмо Графини де Воссъ, другое къ «Князю Понте-Корво и третье отъ Министра «де Восса. Если вамъ нужно что-либо еще, то «я немедленно прiѣду къ вамъ.

«Если, какъ не могу отпираться, я прови«нился сегодня передъ вами, не явясь къ вамъ «лично (*), то вы должны видѣть въ этомъ

(*) Было условлено, чтобы Князь Витгенштейнъ каждый день прiѣзжалъ ко мнѣ, для доказательства присутствiя своего въ Гамбургѣ; но я требовалъ сего единственно для того, чтобы имѣть удовольствiе видѣть его у себя; и отсутствiе его никогда не возбуждало во мнѣ ни малѣйшаго безпокойства; я слишкомъ хорошо зналъ благородство его характера.

Digitized by Google

«только цѣну, которую я полагаю вашей *рѣдкой* дружбѣ; одни только умѣющіе оцѣнивать «слабости своихъ ближнихъ могутъ внушать «высокое уваженіе, которое я къ вамъ питаю. «Мысль, потерять вашу дружбу и ваше расположеніе, провиниться въ нескромности и въ «неблагодарности, привела меня въ такое смущеніе, какого со мною никогда еще не случалось. Я былъ въ такомъ положеніи, котораго не могу вамъ описать.

«Вашъ вѣчно признательный

ВИТГЕНШТЕЙНЪ.

Гамбургъ, 27 Ноября 1808.

«P. S. Я не оставилъ у себя копіи съ письма Г. де Восса. Если Князю угодно имѣть «длинное письмо его, которое я вчера вамъ читалъ, то оно завтра можетъ быть списано.»

Нравственное положеніе Князя Витгенштейна не улучшилось чрезъ полученіе подлиннаго письма. Онъ до такой степени безпокоился, что 29 Ноября написалъ мнѣ еще слѣдующую записку:

«Проспавъ девять часовъ и теперь только «вставъ, я забылъ мои огорченія, которыя вчера доходили до отчаянія. При пробужденіи моемъ, первая моя мысль была та, чтобы Богъ «благословилъ васъ и дѣтей вашихъ и доста-

«вилъ бы мнѣ случай доказать вамъ, что я не «недостоинъ вашей дружбы.

«Отъ всего сердца вашъ преданный

Витгенштейнъ.»

Подлинникъ вышеупомянутаго письма, переводная копія присланная изъ Берлина, и сдѣланный мною переводъ онаго, были отправлены къ Императору. Онъ легко увидѣлъ разницу, существующую между двумя переводами и не нашелъ ни въ нотѣ, ни въ подлинникѣ, никакого достаточнаго обозначенія умысла, въ коемъ хотѣли было обвинить Князя Витгенштейна.

Спрашиваю теперь съ увѣренностью: послѣ настоящаго изложенія того, какъ было дѣло, подтвержденнаго неоспоримыми доказательствами, что должно думать о написанной противъ меня, вышеприведенной статьѣ? Когда она дошла до моего свѣдѣнія, то я уже занимался составленіемъ этихъ Записокъ, не зная еще точно, когда издамъ ихъ въ свѣтъ; я уже имѣлъ у себя всѣ вышепомѣщенныя бумаги и этого было конечно болѣе, чѣмъ достаточно для опроверженія всѣхъ ложныхъ истолкованій, даже зложелательства. Однакоже, дабы сколько можно болѣе пояснить это дѣло, я написалъ къ Князю Витгенштейну, Прусскому Кабинетному Министру и получилъ отъ него, отъ 29 Іюня 1828 года отвѣтъ, который прошу позволенія здѣсь

помѣстить, хотя по времени, когда отвѣтъ сей былъ написанъ, онъ и не относится къ времени, заключающемуся въ моихъ Запискахъ.

«Маршалъ Даву былъ Губернаторомъ въ Берлинѣ, тогда какъ на меня сдѣлали доносъ и «вѣроятно, что по его требованію я былъ задержанъ. Ваши чувства и поведеніе ваше въ «то время не могутъ никому болѣе какъ мнѣ «быть извѣстны; а потому и никто болѣе меня «не отдаетъ вамъ справедливости.

«Когда я былъ задержанъ въ Гамбургѣ и «угрожаемъ взятіемъ подъ стражу, то Французское Начальство, и въ особенности вы, показали ко мнѣ особенное участіе.

«Если вы намѣреваетесь издать Записки касательно сношеній вашихъ во время вашего пребыванія въ Гамбургѣ, то вы имѣете полное «право сказать, что вы никогда не принуждали «меня писать письма къ Министру Барону «Штейну того содержанія и въ томъ смыслѣ, «какъ сіе изложено Авторомъ книги: *Наши воспоминанія или грѣхи Наполеона.*

«Напротивъ того, я содержу въ живѣйшей «памяти всѣ ваши пріязненные со мною поступки въ продолженіе этой весьма затруднительной эпохи. Я готовъ объявить это всякому «ктобы вздумалъ усомниться въ чувствахъ моихъ по сему предмету. Я увѣренъ, что этого

«будетъ достаточно, дабы выставить въ настоя-
«щемъ видѣ ваше тогдашнее поведеніе.

«Думаю, любезный другъ, что вы отразите
«этимъ взводимое на васъ обвиненіе. Одна толь-
«ко клевета могла подвергнуть васъ какому ли-
«бо порицанію, на счетъ сношеній вашихъ въ
«то время со мною. Дѣлаемое мною вамъ объ-
«явленіе и увѣреніе въ моей живѣйшей, неиз-
«мѣнной признательности за все, сдѣланное ва-
«ми въ мою пользу, представляютъ довольно
«доказательствъ благороднаго вашего со мною
«поведенія. Съ удовольствіемъ повторяю, что
«все сдѣланное вами для меня въ ту эпоху, ни-
«когда не изгладится изъ моего сердца, и что
«я сохраню о томъ воспоминаніе до послѣдней
«минуты моей жизни; считаю всегда долгомъ
«выводить изъ заблужденія тѣхъ, которые усо-
«мнились бы въ благородствѣ вашихъ со мною
«поступковъ. Пусть они ко мнѣ обратятся и я
«дамъ имъ отвѣтъ.

«Вотъ, любезный другъ, то что я имѣлъ от-
«вѣчать вамъ; присоединяю къ тому изъявленіе
«моей искренней привязанности и моего совер-
«шеннаго уваженія.

«ВИТГЕНШТЕЙНЪ.»

Берлинъ, 29 Іюня 1828.

Мнѣ еще остается сообщить письмо Короля Прусскаго, которое я получилъ чрезъ Князя

Витгенштейна еще прежде подлой выдумки, коей онъ едва было не сделался жертвою. Я нарочно помещаю его въ конце этой главы ибо эпоха, къ которой оно относится, приведетъ насъ къ самой той точке, откуда мы опять отправимся въ путь, намъ еще остающийся. Я считалъ это письмо почетною наградою за постоянныя мои усилія, по возможности смягчить зло, въ продолженіи безчисленныхъ бедъ и угнетеній, поражавшихъ Пруссію съ 1805 года до написанія этого письма и еще долгое время после того. Я имею и тщательно берегу подлинникъ этого письма, написанный собственною рукою Прусскаго Короля; и вовсе не принимая на себя вида притворной скромности, я напротивъ того искренно признаюсь, что не безъ гордости представляю его моимъ читателямъ. Вотъ оно:

«Господинъ Посланникъ Бурiеннъ. Я известил«ся о чувствахъ справедливости и обязательна«го участія, которыя вы показывали къ моему «Государству и къ моимъ подданнымъ, всякой «разъ, когда вы имели къ тому случай и когда «ваши отношенія и обстоятельства дозволяли «вамъ онымъ предаваться. За удовольствіе счи«таю благодарить васъ за то и прошу васъ »продолжать обнаруживать теже чувства при «случаяхъ, которыя безъ всякаго сомненія еще »представятся. Будьте уверены, что я сохраню

«о томъ признательное воспоминаніе и самъ «буду очень радъ всѣми зависящими отъ меня «средствами доказать отдаваемую мною вамъ «справедливость. За симъ, молю Бога и проч.

«ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ.»

Кенигсбергъ, 18 Марта 1808.

Я не скрылъ живѣйшаго удовольствія, даже чувства гордости, ощущаемаго мною при представленіи читателямъ этого письма; и кажется позволительно замѣтить, что такое засвидѣтельствованіе, когда оно дано добровольно Государемъ болѣе имѣетъ вѣса, чѣмъ показанія клеветы, разсѣваемыя въ бранныхъ сочиненіяхъ.

++

ГЛАВА IV.

Европа, Крещенскій пирогъ — Принцъ Шаумбургъ - Липпе и Герцогъ Голштинскій. — Письма ко мнѣ Германскихъ Принцевъ. — Желаніе участвовать въ Рейнскомъ союзѣ. — Клевета на меня относительно Г-на Гю. — Вѣрность службы Наполеону и поведеніе мое съ эмигрантами. — Принятое обвиненіе. — Предвидѣніе возврата Бурбоновъ. — Преемникъ Бернадота въ Гамбургѣ. — Поведеніе Генерала Дюпа. — Требованія и притѣсненія. — Народное волненіе у воротъ Гамбурга, запертыхъ прежде опредѣленнаго времени. — Отецъ пятерыхъ дѣтей убитъ на бочкѣ. — Сходство между Дюпа и Кларкомъ. — Бѣшенство Дюпа и разбитыя тарелки. — Письмо мое къ Бернадоту. — Благородный и примѣчательный отвѣтъ. — Возвращеніе Бернадота въ Гамбургъ, а Дюпа въ Любекъ. — Новыя притѣсненія и Сенаторъ Нольтингъ. — Прекрасный поступокъ Адъютанта Барраля.

Читатели видѣли, какая политическая ловушка была разставлена Князю Витгенштейну Не стану изображать картину всѣхъ мерзостей,

Digitized by Google

которымъ предавались второстепенные честолюбцы, въ надеждѣ получить себѣ хорошую долю при раздѣлѣ Европы, которую полководцы Императора считали какъ бы крещенскимъ пирогомъ, но которой боба никто не дерзалъ у него оспорить. Утомительно было бы исчислять здѣсь всѣ подлости, сдѣланныя съ тѣмъ, чтобы обогатиться или для того, чтобы выставить себя передъ вождемъ, который желалъ имѣть Королей своими первыми подданными. Не стану также увеличивать и числа помѣщаемыхъ мною писемъ; но за удовольствiе себѣ сочту представить публикѣ нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ два нижепомѣщаемыя, которыя лучше чѣмъ что либо докажутъ непостижимое стремленiе, съ какимъ Германскiе Принцы спѣшили стать подъ покровительство Наполеона, вступивъ въ Рейнскiй союзъ. Итакъ вотъ эти два письма, полученныя мною во время пребыванiя моего въ Гамбургѣ.

«Милостивый Государь,

«Вашему Превосходительству конечно уже «извѣстно, что Его Величеству Императору и «Королю было благоугодно Высочайше утвер«дить актъ присоединенiя меня къ числу союз«ныхъ Рейнскихъ Принцевъ, подписанный въ «Варшавѣ Его Свѣтлостью Княземъ Беневент«скимъ и Барономъ Гагерномъ.

«Съ признательностію вспоминая о благосклонномъ пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ Вашимъ «Превосходительствомъ во время бытности моей «въ Гамбургѣ, смѣю надѣяться, что Вы примете нѣкоторое участіе въ счастливомъ окончаніи этого дѣла; что вы сохраните такое же «благорасположеніе къ моимъ будущимъ выгодамъ, какое вы тогда показали и дозволите «мнѣ при случаѣ съ увѣренностью обратиться «къ оному.

«Примите, Милостивый Государь, увѣреніе «въ совершенномъ уваженіи съ каковымъ имѣю «честь быть, и проч.

ГЕОРГЪ - ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Принцъ Шаумбургъ-Липпе.»

Букебургъ, 14 Іюня 1807.

Это письмо писано гораздо прежде того, которое за нимъ слѣдуетъ. Второе получено мною уже послѣ Эрфуртскаго свиданія, которымъ я скоро долженъ буду заняться.

«Имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я присоединился къ Рейнскому «союзу 14 Октября въ минуту достопамятнаго «свиданія въ Эрфуртѣ.

«Утвержденіе воспослѣдовало чрезъ опредѣленный срокъ и вчера я получилъ подлинный

«актъ за подписанiемъ Его Величества Импера«тора и Короля.

«Спѣшу имѣть честь сообщить о томъ Вашему Превосходительству, полагая что съ одной «стороны исполняю тѣмъ обязанность къ Ми«нистру Е. В. Императора и Короля, а съ дру«гой надѣясь что я прiобрѣлъ право въ случаѣ «нужды обращаться къ вашему благорасполо«женiю.

«Съ совершеннымъ уваженiемъ имѣю честь «быть и проч.

«ПЕТРЪ, Герцогъ ГОЛШТИНСКIЙ.»

Ольденбургъ, 23 Ноября 1808.

Эти письма, безпрестанно мною получаемыя доказывали только одно: влiянiе, которое могущество Наполеона имѣло на Германiю и готовность людей покоряться игу новой власти. На счетъ сего я долженъ сказать, что между эмигрантами, въ небольшомъ числѣ оставшимися вѣрными своему дѣлу, были нѣкоторые, показавшiе менѣе гибкости характера, чѣмъ иностранные Принцы. Таковъ былъ напримѣръ Г. Гю, Камердинеръ Лудовика XVI, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить. Великое уваженiе, питаемое мною къ этому послѣднему и вѣрному слугѣ Государя — мученика, есть такая вещь, отъ которой я не намѣренъ отрицаться; но

уваженіе, оказанное мною этому добродѣтельному человѣку не должно бы подать повода къ показаніямъ, которыя я не могу назвать иначе какъ лживыми.

Я читалъ въ одной книгѣ: «Г. Гю удалился «въ Гамбургъ, гдѣ онъ провелъ девять мѣся«цевъ въ совершенной безвѣстности и откуда «потомъ отправился въ Голландію, снабженный «паспортомъ отъ Буріенна, который будучи «Министромъ Наполеона, хотя имъ отрѣшен«ный, и заранѣе предвидя ходъ дѣлъ, старался «пріобрѣсть себѣ благоволеніе Бурбоновъ.»

Въ этой статьѣ столькоже лжей, сколько строчекъ. Г. Гю желалъ жить въ Гамбургѣ, но онъ вовсе тамъ не скрывался. Я съ удовольствіемъ дозволялъ ему оставаться тамъ, не смотря на весьма строгія противъ того повелѣнія, мною ему сообщенныя. Пригласивъ его къ себѣ, я объявилъ ему, чтобы онъ нисколько не безпокоился и оставался въ Гамбургѣ, соблюдая только осторожность въ своихъ поступкахъ; когда же онъ вздумалъ ѣхать въ Голландію, то я взялъ на себя снабдить его паспортомъ. Я предоставилъ Г-ну Гю полную свободу исправлять дѣла свои, которыя мнѣ очень хорошо были извѣстны и которыя я находилъ почетными, ибо ему было поручено выдавать пансіоны, производимые Лудовикомъ XVIII эмигрантамъ. Я былъ уволенъ, какъ вы-

ние видѣли, отъ должности собственнаго Секретаря Наполеона и даже допустивъ, что я отъ этого званія былъ отрѣшенъ имъ, нельзя было примѣнять этого къ званію моему Министра и Генеральнаго-Консула въ Гамбургѣ. Обстоятельства, составляющія всё, сдѣлали это мѣсто, весьма незначительное до эпохи, въ которую я туда былъ назначенъ, очень важною точкою, откуда Правительство наблюдало за всѣми движеніями, за всѣми дѣлами Сѣверной Германіи и во все время пребыванія моего въ Ганзейскихъ областяхъ я безпрестанно чувствовалъ, что Бонапарте не обманулъ меня сказавъ мнѣ на прощальной аудіенціи: «Твое мѣсто есть совсемъ особенное.»

Нелѣпо говорить, будто бы, обходясь хорошо съ Г. Гю, *я старался пріобрѣсть себѣ благоволеніе Бурбоновъ*. Сколько есть людей, которые теперь стали бы этимъ хвалиться и причли бы это къ правамъ своимъ! Но любя истину, я объявляю, что этого не было. Развѣ человѣколюбіе есть измѣна? Я не имѣлъ скрытныхъ помысловъ, лично до меня касавшихся; облегченный довѣренностью Наполеона, я служилъ только Наполеону и смѣю сказать, что смягчая сколько отъ меня зависѣла суровость его приказаній, я служилъ ему лучше, чѣмъ тѣ, которые во всей силѣ исполняли оныя, возбуждая тѣмъ ненависть къ Француз-

скому Правительству. Въ потвержденіе сего ниже увидятъ слова, сказанныя мнѣ Королемъ Прусскимъ въ самомъ Тюлерійскомъ дворцѣ послѣ перваго возстановленія Бурбоновъ и совсѣмъ противоположный тому отзывъ его одному Герцогу Имперіи, почти подлѣ меня стоявшему. Неужели меня станутъ обвинять въ томъ, что я, сколько могъ, старался оказывать вниманія несчастнымъ эмигрантамъ? Принимаю на себя это обвиненіе и не только не отпираюсь отъ него, но поставляю его себѣ за славу. Смерть не похитила еще всѣхъ, жившихъ въ Альтонѣ и въ Гамбургѣ; пусть явится хотя одинъ изъ нихъ, могущій на меня пожаловаться и пусть хотя одинъ также скажетъ, чтобы въ какомъ бы то нибыло обстоятельствѣ, я измѣнялъ въ ихъ пользу тѣмъ выгодамъ, которыя мнѣ было поручено поддерживать! Не боюсь ничего такого. Люди, которые, правда и сами того не зная, способствовали дѣлу Бурбоновъ, были тѣ, которые побудили Наполеона овладѣть короною Франціи, а не я, который отклонялъ его отъ этого сколько могъ. По сдѣланіи этого шага, признаюсь, что я счелъ возвращеніе Бурбоновъ вѣрнымъ, и я это уже нѣсколько разъ говорилъ, не только въ моихъ Запискахъ, но могу привести многочисленныхъ свидѣтелей того, что я повторялъ, не по свершеніи дѣла а при учрежденіи Имперіи,

когда Бонапарте находился на высшей степени своего могущества; вотъ истина; но я не довольно безуменъ для того, чтобы утверждать, будто бы я предвидѣлъ эпоху паденія Наполеона и возвращенія Бурбоновъ; даже объявляю, что я не полагалъ оную столь близкою. И такъ если я оказывалъ уваженіе Г-ну Гю и товарищамъ его злополучія, то я поступалъ по чувству человѣчества, а не изъ какихъ либо расчетовъ; я сдѣлалъ это потому что свойства мои побуждали меня предпочитать хорошее дурному; и уже конечно не имѣлъ нужды читать въ будущемъ для того, чтобы повиноваться весьма естественному чувству. Не ставлю этого себѣ въ достоинство, ибо я поступилъ такъ потому что мнѣ то повелѣвали мои чувства, и болѣе жалѣю чѣмъ порицаю тѣхъ людей, которые не въ состояніи постигнуть въ другихъ тѣхъ чувствъ, къ коимъ сами они неспособны и которые дѣйствуя по расчетамъ и изъ политики, хотятъ видѣть расчеты и политику во всѣхъ человѣческихъ поступкахъ. Стало быть Бернадотъ, — который хорошо меня зналъ и отъ котораго я не скрывалъ самыхъ тайныхъ моихъ мыслей — также дѣйствовалъ по расчетамъ, стараясь смягчать суровость приказаній, даваемыхъ ему для исполненія! Тоже самое было бы сказать, что онъ трудился тогда для того, чтобы сдѣлаться Королемъ Шведскимъ.

Digitized by Google

Князь Понте-Корво отправился въ Данію для принятія начальства надъ корпусомъ Французскихъ и Испанскихъ войскъ, которыя были посланы изъ Ганзейскихъ областей для занятія этого Королевства, угрожаемаго Англичанами. Это была для меня большая потеря, ибо мы всегда соглашались съ нимъ на счетъ мѣръ, которыя слѣдовало принимать или лучше сказать, смягчать, и эта потеря сдѣлалась для меня еще болѣе ощутительною, когда мнѣ пришлось сравнивать его съ его преемникомъ. Мнѣ больно разсказывать подробности недостойнаго поведенія тѣхъ, которые позорили Французское имя въ несчастной Германіи, но я исполню до конца возложенную мною на себя обязанность говорить истину.

Генералъ Дюпа пріѣхалъ въ Гамбургъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1808 года для начальствованія тамъ, но подъ командою Бернадота, сохранившаго главное начальство надъ Французскими войсками въ Ганзейскихъ областяхъ. Императоръ, назначивъ Генерала Дюпа, жестоко обманулъ ожиданія и надежды несчастныхъ обитатателей Нижней Саксоніи. Этотъ Генералъ, пагубный для Гамбургцевъ, говорилъ о нихъ: *Пока эти бездѣльники будутъ ѣздить въ каретахъ, я могу требовать отъ нихъ денегъ.* Впрочемъ по всей справедливости его нельзя упрекнуть, чтобы онъ требовалъ ихъ, или получалъ

для себя. Всѣ ужасныя его исторженiя дѣлались въ пользу другаго человѣка, которому онъ всѣмъ былъ обязанъ и которому онъ какъ бы посвятилъ свое существованiе; для него то онъ былъ пiявицею Ганзейскихъ городовъ.

Я войду теперь въ нѣкоторыя подробности на счетъ содержанiя, получаемаго Генералами, которые начальствовали Французскими войсками; довольно любопытно видѣть, до какой степени доходили съ одной стороны покорность и щедрость, а съ другой требованiя и родъ лихоимства, которыя должно назвать наглыми. Гамбургскiй Сенатъ давалъ Маршаламъ по тридцати фридрихсдоровъ въ день на столъ, не считая дома, отводимаго имъ городомъ для жительства; Дивизiонные Генералы получали только двадцать фридрихсдоровъ, Генералъ Дюпа хотѣлъ имѣть тоже, что Маршалы. Когда Сенатъ справедливо отказалъ въ этомъ требованiи, то Дюпа разсердился, и дабы благородно за то отмстить потребовалъ чтобы ему готовили всякой день завтракъ и обѣдъ на тридцать приборовъ. Это было такое притѣсненiе, что нельзя себѣ представить; и Генералъ Дюпа стоилъ городу больше всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Я видѣлъ счетъ издержекъ, для него сдѣланныхъ и этотъ счетъ простирался въ двадцать одну недѣлю, прожитую имъ въ Гамбургѣ до 183,000 франковъ. За столомъ Дюпа подавались одни

лучшія вина, и люди его даже на кухнѣ пили Шампанское и ѣли лучшіе плоды, выписываемые дорогою цѣною изъ Берлинскихъ оранжерей. Жители ощутили на себѣ досаду, которую причинилъ Генералу Дюпа отказъ Сената: между прочими притѣсненіями онъ сдѣлалъ одно, котораго они не могли вынести. Въ Гамбургѣ, городѣ нѣкогда укрепленномъ, но который въ эту эпоху имѣлъ только видъ Англійскаго сада, сохранили однакоже обыкновеніе запирать ворота при наступленіи ночи; по Воскресеньямъ же, ихъ запирали тремя четвертями часа позже для того, чтобы продлить этимъ временемъ гулянье народа.

Происшествіе, могшее имѣть важныя послѣдствія, раздражило на нѣсколько времени общее мнѣніе, которое всегда должно такъ щадить, особенно въ земляхъ, занятыхъ иностранными войсками. Мятежъ, произведенный слишкомъ раннимъ запираніемъ воротъ былъ слѣдствіемъ злости Генерала Дюпа. Онъ вздумалъ приказать запирать ворота въ семь часовъ вечера и слѣдовательно совсѣмъ еще засвѣтло, ибо это было около половины весны. Онъ не сдѣлалъ никакого исключенія для Воскресенья; когда наступилъ этотъ день, то миролюбивые жители въ обычный часъ направили обратный путь свой къ Альтонскимъ воротамъ, чрезъ которыя обыкновенно входила домой бо́льшая часть

прогуливающихся. Первые пришедшіе были очень удивлены нашедъ запертыми наиболѣе проѣзжаемыя ворота Гамбурга; число опоздавшихъ мгновенно увеличилось, и вскорѣ значительная толпа скопилась у воротъ ведущихъ въ Альтону. Послѣ безполезныхъ просьбъ къ начальнику караула, этотъ послѣдній наконецъ рѣшился послать за ключами къ Коменданту, который пришелъ самъ въ сопровожденіи Генерала. Увидя ихъ, никто не усомнился, что они пришли съ тѣмъ чтобы отворить ворота и въ этихъ мысляхъ, они были встрѣчены всеобщимъ *ура*, кликомъ означающимъ почти на всемъ Сѣверѣ удовольствіе народа. Генералъ Дюпа, незная, что означаетъ этотъ крикъ, вообразилъ себѣ, что это знакъ бунта, и вмѣсто того чтобы отворить рѣшетку, приказалъ стрѣлять по нѣсколькимъ стамъ мирныхъ жителей, требовавшихъ только дозволенія возвратиться въ свои домы. Нѣсколько человѣкъ были убиты, и многіе другіе тяжело ранены. Несчастный Комисіонеръ, отецъ пятерыхъ дѣтей, возвращался изъ Альтоны, везя на тележкѣ бочку. Онъ спокойно сѣлъ на свою бочку ожидая открытія воротъ. Одна изъ первыхъ пуль повергла его мертвымъ. Къ счастію послѣ этого перваго выстрѣла, безразсудной гнѣвъ Дюпа нѣсколько утихъ; онъ не простеръ далѣе своей невѣроятной жестокости. Однакоже онъ поставилъ на

томъ чтобы не отпирать воротъ, которыя были открыты уже на другой день, и въ этотъ день онъ обнародовалъ свой приказъ, коимъ запрещалось кричать *ура*, подъ опасеніемъ строжайшаго за то наказанія. Онъ также запретилъ, чтобы болѣе трехъ человѣкъ показывались вмѣстѣ на улицахъ. Вотъ какъ нѣкоторые люди приготовляли города и области, прежде столь счастливыя, къ тому чтобы покориться Французскому игу! А потому Дюпа былъ столькоже ненавидимъ въ Ганзейскихъ городахъ, сколько Кларкъ въ Берлинѣ, тогда какъ въ кампанію 1807 года, онъ былъ Губернаторомъ этого города. Кларкъ угнеталъ жителей Прусской столицы всѣми родами притѣсненій и налоговъ. Онъ исполнялъ приказы Наполеона съ какою-то низкою угодливостью, съ какимъ-то подлымъ раболѣпіемъ къ малѣйшей прихоти тиранніи и Богъ знаетъ, какими прозвищами всегда сопровождалось имя Кларка, когда оно исходило изъ устъ Прусака.

Дюпа казалось взялъ себѣ Кларка за образецъ. Одинъ Артиллерійскій Офицѣръ, бывшій тогда въ Гамбургѣ, разсказывалъ мнѣ, что исполнивъ его приказаніе поставить противъ Альтонскихъ воротъ два орудія легкой Артиллеріи, онъ явился къ Генералу Дюпа для донесенія о томъ, и засталъ его въ ужасномъ бѣшенствѣ: Генералъ все ломалъ и колотилъ; въ

присутствіи этого Офицера, онъ разбилъ болѣе двухъ дюжинъ тарелокъ, которыя предъ нимъ находились и вѣрно не дорого ему стоили.

На другой день послѣ этого происшествія, страшась пагубныхъ слѣдствій, которое могло имѣть буйство солдатъ, предводительствуемыхъ такимъ начальникомъ, я донесъ объ ономъ Князю Понте-Корво. Я просилъ у него письмомъ моимъ уничтоженія чрезвычайнаго суда, наряженнаго Генераломъ Дюпа. Привожу здѣсь отвѣтъ Бернадота; онъ дастъ слишкомъ точное понятіе о душевной добротѣ будущаго наслѣднаго Принца Швеціи и въ тоже время оно слишкомъ замѣчательно для того, чтобы я не былъ увѣренъ въ томъ, что оно покажется любопытнымъ моимъ читателямъ. Вотъ оно:

«Отвѣчаю, любезный Министръ, на письмо, «вами мнѣ написанное. Читая его, я узналъ всю «вашу душу. Злоупотребленіе власти, угнетенія, «словомъ сказать все носящее на себѣ печать «притѣснительной строгости, составляетъ не«счастіе вашей жизни. Я совершенно раздѣляю «въ этомъ вашъ образъ мыслей, и всякой разъ «огорчаюсь, когда вижу несправедливыя дѣй«ствія; но при подробномъ разсмотрѣніи проис«шествія, случившагося 9 числа, невозможно «не признать, что не было вины, вопервыхъ «со стороны Офицера, который заперъ ворота, «можетъ быть слишкомъ рано. Спрошу также

«почему, вмѣсто того чтобы стрѣлять, не от-«крыли воротъ? но развѣ и народъ не показалъ «явной непокорности и упорства? развѣ онъ не «провинился, бросая каменьями въ караульныхъ, «вырываясь чрезъ полисады и не внимая гласу «даже своихъ градоначальниковъ? Безъ сомнѣнія «больно, что онъ предался всѣмъ этимъ буй-«ствамъ, ибо оныя произошли только отъ того, «что ему не были объяснены его обязаннос-«ти его гражданскими начальниками, которые «должны быть его первыми охранителями; на-«добно сказать, любезный Министръ, что Се-«наторъ, который раздавалъ у Альтонскихъ во-«ротъ деньги для того, чтобы усмирить толпу, «гораздо лучше бы сдѣлалъ, еслибъ унялъ ея «броженіе, приказавъ ей терпѣливо ожидать «открытія воротъ. Онъ кажется бы могъ по-«спѣшить къ Коменданту или къ Генералу для «исходатайствованія открытія оныхъ.

«Происшествіе, случившееся въ Гамбургѣ, «взволновало чернь; злоумышленники могли вос-«пользоваться ея расположеніемъ и совершенно «взбунтовать ее; а потому нужно было обуз-«дать ее учрежденіемъ строгаго суда. Но какъ «судъ сей не представляетъ уже болѣе никакой «пользы, то Генералъ Дюпа получилъ приказаніе «его уничтожить и обыкновенное правосудіе «вступитъ въ права свои. Народъ, поставившій «себя превыше онаго, тѣмъ самымъ лишилъ

«себя всѣхъ его выгодъ и побудилъ къ принятiю болѣе быстрыхъ, болѣе суровыхъ мѣръ, «которыя по счастiю не оказались нужными.

«Прощайте, любезный Министръ, будьте всегда убѣждены во взаимности моихъ чувствъ и «вѣрьте, что никто не любитъ васъ болѣе.

«I. БЕРНАДОТЪ.»

Въ Данзелѣ, 4 Маiя 1808.

Когда Бернадотъ возвратился въ Гамбургъ, то онъ послалъ Дюпа въ Любекъ. Этотъ несчастный городъ, гораздо менѣе богатый, чѣмъ Гамбургъ, жестоко пострадалъ отъ такого гостя. Надобно было доставлять ему все содержанiе, ибо при всѣхъ своихъ притѣсненiяхъ Дюпа упрямо отказывался отъ полученiя за все деньгами. Это была по его словамъ такая вещь, о которой одно помышленiе раздражало его разборчивость. Но расходъ на его содержанiе сдѣлался столь непомѣрнымъ, что городъ Любекъ дѣйствительно не могъ удовлетворять оному. Кромѣ стола, которой онъ хотѣлъ имѣть съ такою же роскошью какъ въ Гамбургѣ, ему слѣдовало еще поставлять бѣлье, посуду, дрова, восковыя свѣчи и словомъ сказать, до послѣднихъ мелочей, потребляемыхъ въ домѣ.

Сенатъ отправилъ къ честному, неподкупимому Генералу Дюпа почтеннаго старца Г-на Нольтинга, который съ кротостью представилъ ему

картину злоупотребленій, свершаемыхъ повсюду его именемъ и убѣдительно просилъ его дозволить, чтобы на столъ ему было отпускаемо деньгами по двадцати луйдоровъ въ день. При этомъ предложеніи Генералъ Дюпа ужасно разгорячился: ему, ему предлагать деньги! . . . какой ужасъ! . . . Онъ съ бранью выгналъ отъ себя трепещущаго Сенатора, и тотчасъ приказалъ Адъютанту своему Барралю посадить его въ тюрьму. Г. Барраль, болѣе человѣколюбивый, чѣмъ грубый Генералъ его, испугался столь необычайнаго приказа; онъ попытался сдѣлать своему Генералу нѣкоторыя представленія, но они были безполезны и хотя противъ воли, а ему пришлось повиноваться. И такъ Адъютантъ отправился къ почтенному Сенатору Нольтингу, но преклоненный уваженіемъ, которое сѣдины всегда внушаютъ благовоспитанному молодому человѣку, вмѣсто того чтобы исполнить данный ему приказъ, онъ только упросилъ старца не выходить изъ дому до тѣхъ поръ, пока онъ успѣетъ исходатайствовать отмѣну онаго. Не прежде какъ на другой день, посредствомъ убѣдительныхъ просьбъ, Г-ну Барралю удалось преклонить своего Генерала къ милости, т. е. къ выпущенію изъ тюрьмы Сенатора, ибо его надобно было оставить въ тѣхъ мысляхъ, что Г. Нольтингъ точно подвергся наказанію, къ которому онъ осудилъ его въ своемъ своенравномъ гнѣвѣ.

Кто бы тому повѣрилъ? Не смотря на свое отличное безкорыстіе, Генералъ Дюпа укротился и принялъ двадцать луйдоровъ въ день на столъ, предложенные ему Г-мъ Польтингомъ отъ имени Любекскаго Сената; но онъ согласился на эту великодушную уступку не иначе, какъ произнося сквозь зубы жалобы и угрозы, и нѣсколько разъ вскричавъ: « *Эти бездѣльники совершенно обрѣзали мое содержаніе.* » Любекъ избавился отъ присутствія Генерала Дюпа не прежде, какъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1809 года, по назначеніи его Дивизіоннымъ Начальникомъ въ новую войну Императора противъ Австріи. Кто бы могъ подумать? Сколь ни было тягостно его присутствіе для Любека, а Ганзейскіе города скоро стали жалѣть о немъ, какъ ниже увидятъ.

✦✦✦

ГЛАВА V.

Достопримѣчательныя событія 1808 года.— Обнародованіе Коммерческаго Устава.—Земли, завоеванныя Сенатскими Указами.— Важность Посланничьяго мѣста въ Гамбургѣ.—Дворецъ Элизе-Бурбонъ и Неаполитанское Королевство.—Три событія въ одинъ день, въ Лиссабонѣ, въ Парижѣ и въ Римѣ.— Учрежденіе Генералъ-Губернаторства за-Альпійскихъ Департаментовъ.—Воспоминаніе о времени Консульства.— Примѣненіе одного Вольтерова стиха.—Учрежденіе Императорскаго Дворянства.—Возстановленіе Университета и перемѣна мыслей Наполеона на счетъ воспитанія. — Распространеніе Италіянскаго Королевства на счетъ Римскихъ владѣній.—Выѣздъ изъ Парижа Кардинала Капрары — Безпокойства на счетъ Россіи. — Посредство Императора Александра между Франціею и Англіею.—Свиданіе въ Эрфуртѣ. — Письмо Императора Австрійскаго къ Наполеону. — Подозрѣнія относительно Финляндіи и Россіи.

1808 годъ изобиловалъ достопамятными событіями; занятый моею должностью, я одна-

коже посвящалъ иногда нѣсколько свободныхъ минутъ на обзоръ великихъ дѣйствій, коими Бонапарте любилъ ознаменовать, такъ сказать, каждый день своей жизни. Люди, занимавшіе тогда хотя сколько-нибудь значительныя мѣста въ Императорскомъ правленіи, должны помнить, что Императоръ и его дѣла служили всегдашнимъ предметомъ офиціяльнаго удивленія во всѣхъ гостиныхъ. Въ началѣ года, мною упоминаемаго, я получилъ одинъ изъ первыхъ экземпляровъ Комерческаго Устава, обнародованнаго 1-го Генваря по волѣ Императора, что показалось мнѣ жестокою насмѣшкою, ибо странно было обнародовать Уставъ для такой вещи, которую всѣ Императорскіе указы старались уничтожать. Дѣйствительно, какая торговля была возможна съ гибельнымъ исполненіемъ Континентальной Системы и съ разорительною строгостью Таможенъ? Черта оной была уже довольно обширна, когда чрезъ Сенатскій указъ, она получила новое расширеніе; Императоръ, которому все повиновалось на Твердой Землѣ не прибѣгалъ къ другимъ обрядамъ для присоединенія къ Имперіи городовъ Келя, Касселя, Майнца, Везеля и Флелинга съ землями, отъ нихъ зависѣвшими. Эти завоеванія, чрезъ Сенатскіе указы имѣли по крайней мѣрѣ ту выгоду, что они дѣлались безъ пролитія крови. Всё, происходившее въ этомъ родѣ, было об-

стоятельно сообщаемо мнѣ Министрами, съ которыми я находился въ перепискѣ; ибо посланничье мѣсто въ Гамбургѣ пріобрѣло такую важность, что я долженствовалъ быть обо всемъ увѣдомляемъ. Я узналъ отъ самого Мюрата о заключеніи договора въ Парижѣ между Наполеономъ и имъ, въ качествѣ Великаго Герцога Бергскаго.—Маршалы, Генералы и всѣ Штабъ-Офицеры Императорской Гвардіи получили щедрыя награды послѣ Тильзитской кампаніи; Мюратъ пріобрѣлъ новыя земли. Договоромъ, о коемъ я упомянулъ, Наполеонъ уступилъ или лучше сказать пожаловалъ своему зятю, на счетъ побѣжденныхъ, области Эльтенъ, Эссенъ и Верденъ, Графство Ламаркъ съ городомъ Липштадтомъ, Княжество Мюнстеръ съ Каппенбергомъ и Графства Текленбургъ, Лингенъ и Дорманъ; но, какъ я уже сказалъ, эти богатыя владѣнія не удовлетворили честолюбію Мюрата.

Въ эту эпоху, между извѣстіями, полученными мною черезъ нѣсколько времени одно послѣ другаго, я замѣтилъ странное соотношеніе чиселъ, которое стоило бы замѣтить авторамъ дневниковъ. Въ одинъ день, перваго Февраля, Парижъ, Лиссабонъ и Римъ были свидѣтелями событій различнаго свойства, но коихъ скопленіе въ одинъ день лучше всего доказываетъ быстроту и движеніе, которыя Бонапарте со-

общалъ своему царствованію. Въ Парижѣ племянница Іозефины, дѣвица де Таше, которую Наполеонъ возвелъ въ санъ Принцессы, сочеталась бракомъ съ владѣтельнымъ Княземъ д' Арамбергомъ; между тѣмъ, какъ въ туже минуту Жюно объявлялъ Португалліи, что Браганцскій Домъ пересталъ царствовать, а Французскія войска подъ предводительствомъ Генерала Міолиса, вступали въ Римъ.—Это занятіе было началомъ продолжительныхъ мученій, которыми Пій VII долженствовалъ заплатить за снисходительность, съ коею онъ пріѣзжалъ короновать Наполеона въ Парижѣ.

Разсматривая мои замѣчанія и мою переписку я вижу, что на другой же день, послѣ того, въ которой случились три событія, мною упомянутыя, Бонапарте назначилъ своего шурина Князя Боргезе, Генералъ-Губернаторомъ За-альпійскихъ Департаментовъ, каковой санъ онъ вновь учредилъ сдѣлавъ его осьмою изъ главныхъ степеней Имперіи. Генералъ Мену, котораго я не видалъ послѣ бытности нашей въ Египтѣ, принужденнымъ нашелся чрезъ это назначеніе, оставить Туринъ, гдѣ онъ всегда жилъ; Бонапарте, не желавшій дозволить ему возвратиться въ Парижъ, послалъ его во Флоренцію для предсѣтательства въ Юнтѣ Тосканы, изъ которой онъ скоро сдѣлалъ новое Генералъ-

Губернаторство, вввривъ управленіе онымъ сестрѣ своей Элизѣ.

Переписка моя относительно происходившаго на Югѣ Франціи и Европы, имѣла для меня, если можно такъ выразиться, только анекдотическую занимательность; но не таковы были извѣстія, получаемыя мною съ Сѣвера. Я былъ въ Гамбургѣ, какъ часовой, безпрестанно бодрствующій на передовомъ посту; я неоднократно заранѣе увѣдомлялъ Правительство о томъ, что долженствовало произойти; такимъ образомъ, я одинъ изъ первыхъ узналъ о намѣреніяхъ Россіи относительно Швеціи. Курьеръ отправленный мною съ этимъ извѣстіемъ въ Парижъ долженъ былъ пріѣхать туда въ ту самую минуту, какъ Россія объявила войну этой Державѣ. Русскія войска вступили въ концѣ Февраля въ Шведскую Финляндію и заняли Або, главный городъ этой области.

Перемѣщеніе Іосифа съ Неаполитанскаго на Испанскій престолъ принадлежитъ къ той эпохѣ, о которой я привожу здѣсь нѣсколько воспоминаній. Мюратъ, какъ извѣстно, заступилъ мѣсто его въ Неаполѣ и это восшествіе Наполеонова зятя на одинъ изъ престоловъ Бурбонскаго дома, дало Бонапарте еще одного покорнаго члена въ соборѣ Государей, котораго онъ непремѣнно сдѣлался бы главою, еслибы Всевышній всегда оказывалъ ему содѣйствіе. Наз-

наченіе Мюрата Королемъ обѣихъ Сицилій, хотя онъ царствовалъ на дѣлѣ только въ одной изъ нихъ, было однимъ изъ тѣхъ распоряженій, коихъ я хорошо зналъ всѣ подробности, и гдѣ обнаружился духъ коварства и даже, можно сказать, скупости, отъ которыхъ Бонапарте никогда не умѣлъ освободиться, даже посреди своего величія. Онъ очень былъ доволенъ взять себѣ дворецъ Элизе-Бурбонъ и пожаловать подъ своимъ собственнымъ оескупствомъ старшему сыну Лудовика Голландскаго, Великое Герцогство Бергское со всѣми землями, къ оному принадлежащими.

Не пропущу воспоминанія, которое пришло мнѣ въ эту минуту на умъ, по случаю Королей, пожалованныхъ Наполеономъ. Я помню, что во время пребыванія въ Парижѣ Короля Этрурскаго, Первый Консулъ поѣхалъ съ этимъ Государемъ во Французской театръ, гдѣ играли Вольтерова Эдипа, любимую піесу Наполеона, изъ всѣхъ сочиненныхъ Вольтеромъ. Я былъ въ театрѣ, но не въ одной ложѣ съ Первымъ Консуломъ и замѣтилъ, какъ вѣроятно и всѣ присутствующіе при этомъ блистательномъ представленіи, стараніе публики примѣнить къ двумъ особамъ, на коихъ были устремлены всѣ взоры, извѣстный стихъ Ѳилоктета:

Я жаловалъ въ Цари, а самъ быть имъ нехотѣлъ.

Примѣненіе было слишкомъ ясно для того,

чтобы Первый Консулъ не заговорилъ со мною объ этомъ вечеромъ. «Слышалъ ли ты ихъ Буріеннъ?—Да Генералъ!—Глупцы! . . . Они увидятъ! они увидятъ! . . .» Мы дѣйствительно увидѣли; и Бонапарте, надѣвъ на себя двойную корону и пожаловавъ Князей, привелъ наконецъ въ исполненіе давно питаемый имъ замыселъ учрежденія новаго дворянства, которому онъ предоставилъ право наслѣдства. Въ началѣ Марта мѣсяца 1808 года свершилось это предположеніе, и я увидѣлъ въ Монитёрѣ длинный списокъ Князей, Герцоговъ, Графовъ, Бароновъ и Кавалеровъ Имперіи; недоставало только Виконтовъ и Маркизовъ.

Въ тоже время, какъ Бонапарте учреждалъ новое дворянство, онъ рѣшился воздвигнуть вновь старое зданіе Университета, но на другихъ основаніяхъ. Воспитаніе юношества было всегда одною изъ господствовавшихъ въ немъ мыслей, и я могъ посудить о томъ, сколько обладаніе самодержавіемъ его перемѣнило, когда прочиталъ уставъ сего новаго учрежденія Императора Французовъ и сличилъ его съ мыслями, которыя Бонапарте, Генералъ и Первый Консулъ, часто излагалъ мнѣ на счетъ воспитанія молодыхъ людей. Хотя Бонапарте всегда былъ природнымъ врагомъ свободы, но сначала онъ составилъ себѣ обширную систему воспитанія, заключавшую въ себѣ обученіе исторіи и поло-

жительнымъ наукамъ, каковы геологія и астрономія, которыя до возможной степени развертываютъ способности человѣка; но сдѣлавшись Государемъ онъ отложилъ эти первоначальныя мысли, и Университетъ его, ввѣренный утонченной гибкости Г. Фонтана, сдѣлался только школою, способною образовать свѣдущихъ людей, но не ученыхъ.

Наполеонъ имѣлъ удивительную способность вести рядомъ самыя несходныя между собою вещи, и часто съ умысломъ мѣнялъ свои занятія, дабы показать тѣмъ плодовитость и разнообразіе своего генія; но если онъ заботился о томъ, чтобы выставить предъ публикою свои дѣйствія, то не терялъ изъ вида и удовлетворенія своего безпрестаннаго честолюбія, котораго ничто не могло насытить. Если употребленная имъ притомъ суровость возбуждала какое либо неудовольствіе, то онъ жаловался на тѣ самыя жалобы, коихъ былъ виновникомъ и требовалъ вознагражденій за ущербъ, имъ самимъ нанесенный. Посреди мира, безъ всякихъ причинъ онъ послалъ къ Риму корпусъ войскъ подъ начальствомъ Генерала Міолиса. За чемъ? на какой конецъ? За тѣмъ, что неудовольствовавшись присоединеніемъ Венеціянскихъ владѣній къ своему Королевству Италіи послѣ Пресбургскаго трактата — онъ захотѣлъ еще болѣе увеличить его послѣ Тильзитскаго мира и какъ

Пруссія ничего уже не могла уступить ему въ Италіи, то Папскій Престолъ долженствовалъ содѣйствовать къ распространенію его загорнаго Королевства.

Прежде совершеннаго овладѣнія Римомъ и превращенія его во вторый городъ Имперіи, столь расхваленная умѣренность Наполеона удовольствовалась взятіемъ у Римской Державы Легатствъ Анконы, Урбино, Мацерато и Камерино, которыя были раздѣлены на три Департамента, присоединенные къ Королевству Италіи. Долготерпѣніе Папскаго престола не могло устоять противъ такого насильственнаго поступка и Кардиналъ Капрара, жившій въ Парижѣ съ коронаціи, наконецъ выѣхалъ изъ этой столицы. Вскорѣ послѣ того Великія Герцогства Парма и Піаченца были присоединены къ Французской Имперіи и причислены къ Заальпійскимъ Департаментамъ. Все это происходило въ тоже самое время, какъ событія въ Испаніи и въ Байонѣ, выше мною изложенныя.

Послѣ Байонской ловушки, Императоръ возвратился въ Парижъ 14 Августа, наканунѣ своихъ именинъ, которые какъ извѣстно онъ помѣстилъ въ одинъ день съ своимъ рожденіемъ. По прибытіи своемъ въ столицу онъ вновь ощутилъ безпокойство касательно Россіи, которая, какъ выше сказано, объявила явную войну со Швеціею и не скрывала намѣренія своего

овладѣть Финляндіею. Однакожe Бонапарте, желая дѣятельно производить войну, завязавшуюся съ Испанцами, чувствовалъ необходимость вывести войска свои изъ Пруссіи, дабы обратить ихъ къ Пиринеямъ; тогда то онъ поспѣшилъ свиданіемъ въ Эрфуртѣ, на которое Императоры Французскій и Россійскій условились съѣхаться. Онъ надѣялся чрезъ то пріобрѣсть увѣренность видѣть Твердую Землю спокойною, между тѣмъ, какъ онъ довершитъ покореніе Испаніи скипетру Іосифа. Государь сей былъ объявленъ Королемъ 8 Іюня; 21 того же мѣсяца онъ въѣхалъ въ Мадритъ; но черезъ десять дней послѣ того, получивъ извѣстіе о Байленскомъ пораженіи, онъ принужденнымъ нашелся оставить сію столицу.

Желанія Наполеона долженствовали бы въ эту минуту ограничиться спокойствіемъ Твердой Земли, ибо дѣло сильнѣе, чѣмъ когда либо завязалось между имъ и Англіею, пославшею войска въ Португаллію подъ предводительствомъ Артура Веллеслея, сдѣлавшагося въ послѣдствіи Герцогомъ Веллингтономъ. Не было болѣе никакой надежды на соглашеніе съ Великобританіею. Хотя Императоръ Александръ, желая сдержать данное имъ въ Тильзитѣ обѣщаніе о содѣйствіи къ сближенію двухъ Державъ, послалъ въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, Графа Румянцова съ предложеніями посредничества

Императора Россійскаго; но эти предложенія были безуспѣшны. И дѣйствительно какимъ образомъ можно было бы ожидать успѣха при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя Наполеонъ привелъ Европу, тогда какъ Англія отвергла ихъ при Тильзитскомъ договорѣ и когда послѣ того Бонапарте свергнувъ съ престола Короля Испанскаго, отдалъ Государство его брату своему Іосифу и основалъ въ Германіи другое Государство въ пользу брата своего Іеронима? Графъ Румянцовъ возвратился въ Санктпетербургъ, не пріобрѣтя успѣха.

По назначеніи времени для Эрфуртскаго свиданія, Императоръ, возвратившійся изъ Байоны въ Парижъ, выѣхалъ изъ столицы въ концѣ Сентября и прибылъ въ Мецъ, останавливаясь только для осмотра разставленныхъ по его дорогѣ полковъ, которые возвращались изъ Большой Арміи и шли въ Испанію.

Я уже зналъ объ этомъ достопамятномъ въ жизни Наполеона свиданіи, долженствовавшемъ вскорѣ произойти, и одна вѣсть объ этомъ происшествіи надѣлала столько шуму въ цѣлой Германіи, что всѣ дороги были покрыты экипажами Принцевъ, ѣхавшихъ въ Эрфуртъ для присутствія при ономъ. Императоръ ночевалъ во Франкфуртѣ у Князя Примаса, котораго я видѣлъ въ Парижѣ черезъ нѣсколько времени послѣ коронаціи; это былъ человѣкъ добрѣйша-

го и отмѣнно миролюбиваго права; Бонапарте при разставанiи изъявилъ ему величайшiе знаки расположенiя и не останавливался уже до Эрфурта, встрѣтивъ на пути новаго Короля Вестфальскаго. По примѣру Префектовъ, которые выѣзжали на встрѣчу къ Императору до границъ своихъ Департаментовъ, Iеронимъ также встрѣтилъ брата на рубежѣ своихъ владѣнiй. Императоръ прибылъ въ Эрфуртъ прежде Александра и выѣхалъ къ нему на встрѣчу за три мили, гдѣ они наконецъ съѣхались. Наполеонъ былъ верхомъ, а Александръ въ каретѣ; они обнялись, съ изъявленiемъ искреннѣйшаго расположенiя. Я не буду повторять того, что всѣмъ уже извѣстно объ этомъ свиданiи, на которое собрались почти всѣ владѣтельные Принцы Германiи. Всякой знаетъ, что пребыванiе двухъ Императоровъ было цѣпью празднествъ, на которыхъ Наполеонъ хозяйничалъ. Король Прусскiй туда не прiѣхалъ, равно какъ и Императоръ Австрiйскiй; но мнѣ было сообщено письмо, написанное послѣднимъ изъ сихъ Государей къ Наполеону, съ котораго я сохранилъ копiю, при семъ помѣщаемую:

«Милостивый Государь, братъ мой,

«Посланникъ мой въ Парижѣ донесъ мнѣ, что «Ваше Императорское Величество отправляетесь «въ Эрфуртъ, для свиданiя съ Императоромъ

«Александромъ. Съ удовольствіемъ пользуюсь «случаемъ, приближающимъ Васъ къ моимъ границамъ для того, чтобы вновь засвидѣтельствовать Вамъ мое дружество и высокое уваженіе, и посылаю моего Генералъ-Лейтенанта Барона Винцента для представленія Вамъ, Милостивый Государь, братъ мой, увѣренія въ этихъ «неизмѣнныхъ чувствахъ. Ласкаю себя надеждою, что Ваше Величество не перестали быть «въ оныхъ увѣренными и что если ложные «толки, распространенные на счетъ сдѣланныхъ «мною внутреннихъ органическихъ распоряженій въ моей Монархіи, могли возбудить минутное сомнѣніе на счетъ постоянства моихъ намѣреній, то объясненія, представленныя на «этотъ счетъ Графомъ Метернихомъ вашему «Министру, совершенно оныя разсѣяли. Баронъ «Винцентъ можетъ подтвердить Вашему Величеству эти подробности, присовокупивъ къ онымъ «всѣ желаемыя объясненія. Прошу Васъ удостоить его тою же благосклонностью, съ какою «вы благоволили принимать его въ Парижѣ и «въ Варшавѣ. Новые знаки оной, которые Вы «ему окажете, послужатъ для меня надежнѣйшимъ залогомъ совершенной взаимности Вашихъ чувствъ и запечатлѣютъ полную довѣренность, послѣ коей ничего уже не останется прибавить къ обоюдному удовольствію.

«Благоволите принять увѣреніе въ неизмѣн-

«ной привязанности и уваженіи съ каковыми и «есмь, Милостивый Государь братъ мой,

«Вашего Императорскаго и Королевс-
«каго Величества добрый братъ и
«другъ

«ФРАНЦИСКЪ.»

Пресбургъ, 18 Сентября 1808.

Это письмо кажется мнѣ образцемъ запутанности слога, которымъ Наполеонъ, при его непостижимой прозорливости, не могъ ни на минуту быть обманутъ. Однакоже Бонапарте не подозрѣвалъ еще враждебныхъ дѣйствій, которыя Австрія не замедлила обнаружить; главною его цѣлью было тогда Испанское дѣло и какъ я уже замѣтилъ, одною изъ тайнъ генія Наполеона было то, чтобы заниматься однимъ только дѣломъ за разъ. Въ Эрфуртѣ онъ достигъ главной цѣли, предлагаемой имъ чрезъ это свиданіе, ибо Александръ призналъ Іосифа въ новомъ его званіи Короля Испаніи и Индіи. Послѣ этого свиданія Бонапарте возвратился въ Парижъ, гдѣ онъ съ большою пышностью присутствовалъ при открытіи Законодательнаго Корпуса, а въ Ноябрѣ мѣсяцѣ опять отправился въ Испанію.

++

ГЛАВА VI.

Необходимость Эрфуртскаго свиданія. — Просимое Даніею у Россіи посредничество. — Іосифъ признанъ Имераторомъ Александромъ. — Притѣсненія, дѣлаемыя Французами въ Копенгагенѣ.—Маркизъ де ла Романа.—Неудобство различія языковъ.—Испанскіе кинжалы.—Изображеніе Маркиза де ла Романы. — Именины Короля Испанскаго.—Сонливость де ла Романы.—Отправленіе въ Фіонію.—Невѣроятное притворство.—Именины Наполеона и лента Почетнаго Легіона. — Уходъ ла Романы и всеобщее удивленіе.—Желанія Германіи, неблагопріятныя для Наполеона.—Англійскіе агенты и Голландскія войска.—Усиленіе бдительности и необходимыя наказанія.—Удобство сообщеній съ твердою землею.—Замедленіе почтъ изъ Россіи. — Безпокойство и жалобы Гамбургскаго купечества. — Письма, распечатываемыя двумя агентами.—Пріятность жизни въ Гамбургѣ.—Нравы Гамбургцевъ.—Монтескіё и Тосканскій Министръ, —Баронъ Фохтъ, — Точность Гамбургскихъ жителей. — Приглашеніе за шесть мѣсяцевъ впередъ.

То, что произошло на Сѣверѣ, такъ сказать при моихъ глазахъ, сдѣлало необходимымъ

Digitized by Google

Эрфуртское свиданіе. Россія не могла равнодушно смотрѣть на вторженіе въ Голштинію тридцати - тысячнаго корпуса Французовъ и Испанцевъ и на разстановку онаго, подъ предводительствомъ Бернадота, въ Датскихъ владѣніяхъ. Этотъ необычайный поступокъ, произведенный одною волею Наполеона, не былъ предупрежденъ никакимъ договоромъ, никакимъ предварительнымъ объявленіемъ; мы находились въ совершенномъ мирѣ съ Даніею, и Датское Правительство горько жаловалось на это злоупотребленіе силы и нарушеніе поземельныхъ правъ его. Копенгагенскій кабинетъ обратился къ посредничеству Санктпетербургскаго кабинета, съ которымъ мы были въ мирѣ со времени Тильзитскаго договора. Россія не могла отказать въ посредничествѣ, просимомъ у нея несчастнымъ сосѣдомъ, но она не обнаружила притомъ большой настоятельности, и Даніи нечего было больше дѣлать, какъ покориться судьбѣ своей.

Въ продолженіе временнаго занятія Даніи Французскіе Начальники требовали большихъ издержекъ на столъ и огромныхъ суммъ на другіе расходы. Я получилъ отъ Даніи оффиціяльный счетъ, съ требованіемъ уплаты онаго и дабы я могъ подкрѣпить его моимъ представленіемъ. Этотъ счетъ простирался до двадцати

трехъ съ половиною миліоновъ франковъ (*).

До Эрфуртскаго свиданія случилось происшествіе, произведшее сильное ощущеніе въ Гамбургѣ и вскорѣ во всей Европѣ; происшествіе, которое было обдумано, ведено и исполнено съ невѣроятною скрытностью; я хочу говорить объ измѣнѣ Маркиза де ла Романы, коею я не хотѣлъ прежде заняться для того, чтобы не раздѣлять разныхъ свѣдѣній, узнанныхъ мною касательно этого дѣла и обстоятельствъ его сопровождавшихъ. Начнемъ разсказомъ о моихъ собственныхъ сношеніяхъ съ Испанскимъ Генераломъ.

Маркизъ де ла Романа прибылъ въ Ганзейскія земли съ осмнадцати тысячнымъ корпусомъ, который Императоръ въ послѣднюю кампанію потребовалъ въ силу договора, заключеннаго имъ прежде съ Испанскимъ Правительствомъ. Это требованіе было сдѣлано тотчасъ послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія. Испанцы, составлявшіе корпусъ де ла Романы, были очень

(*) Требованія о заплатѣ этой суммы продолжались до 1823 года; въ эту эпоху Г. Шатобріанъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, всегда движимый духомъ справедливости, нарядилъ подъ предводительствомъ Г. Порталиса Комиссію, составленную изъ Гг. Барона Мунье, Гели д'Уасселя, Буржо и меня. Комиссія, по обстоятельномъ разсмотрѣніи дѣла, опредѣлила отказать въ требованіи Даніи и Г-ну Гели, д'Уссело было поручено представить о томъ докладъ; что онъ исполнилъ со свойственною ему прямотою.

хорошо приняты жителями Ганзейскихъ городовъ и областей, но различiе языковъ скоро произвело размолвку между ими и Гамбургцами. Когда Испанцы не могли чего нибудь растолковать, то они съ пагубною поспѣшностью обнажали свои кинжалы, что весьма естественнымъ образомъ приводило въ ужасъ обывателей спокойнаго харатера и которыхъ тихiе нравы представляли странную противоположность съ южною живостью. Впрочемъ это были со стороны Испанцевъ одни только приводящiя въ ужасъ угрозы; узнавъ ихъ покороче увидѣли, что они не злые люди, и доброе согласiе скоро возстановилось между ими и жителями. Ихъ безпрестанно видали окруженными маленькими дѣтьми, которыхъ они любили забавлять—знакъ доброты, рѣдко обманчивый и при уходѣ ихъ о нихъ искренно жалѣли. Что касается до Маркиза де ла Романы, то это былъ небольшой, смуглый человѣкъ, не весьма прiятной наружности и очень простой съ вида, но одаренный большимъ умомъ и прiобрѣтшiй обширныя свѣдѣнiя. Маркизъ де ла Романа объѣздилъ почти всѣ страны Европы и какъ онъ хорошо наблюдалъ, то разговоръ его былъ очень прiятенъ и очень занимателенъ.

Въ продолженiе бытности своей въ Гамбургѣ, Генералъ де ла Романа почти каждый вечеръ бывалъ у меня, и каждый вечеръ засыпалъ за

вистомъ. Жена моя обыкновенно съ нимъ играла и я помню, что онъ безпрестанно извинялся въ этой невольной невѣжливости, что однакоже не мѣшала ему на другой день опять дѣлать тоже и читатели скоро увидятъ, какая была причина этой сонливости.

По случаю именинъ Короля Испанскаго, Маркизъ де ла Романа далъ блистательный балъ, на которомъ всѣ украшенія праздника были составлены изъ военныхъ принадлежностей; онъ угостилъ всѣхъ съ чрезвычайною пріятностью и вообще такъ былъ предупредителенъ съ Французскими Генералами, отзывался объ Императорѣ въ такихъ приличныхъ выраженіяхъ, безъ всякой повидимому принужденности, что никому невозможно было предположить въ немъ какой либо скрытной умыселъ. Такимъ образомъ онъ сыгралъ свою ролю до конца съ удивительнымъ искуствомъ. Уже до насъ дошли въ Гамбургъ вѣсти о пагубныхъ послѣдствіяхъ Сіерра-Моренской битвы и о капитуляціи Дюпона, которая подвергла его немилости въ ту минуту, когда вся армія считала его Офицеромъ долженствовавшимъ первымъ получить жезлъ Маршала Франціи.

Однакоже Маркизъ де ла Романа отправился на Фіонскіе острова въ Данію сообразно съ приказомъ, полученнымъ имъ отъ Маршала Бернадота. Тамъ, также какъ въ Гамбургѣ

Испанцевъ очень полюбили, ибо Генералъ ихъ подчинялъ строжайшей дисциплинѣ. При приближеніи дня Святаго Наполеона, который праздновали тогда съ великою торжественностью во всѣхъ городахъ, гдѣ Франція имѣла представителей, — въ Гамбургѣ, какъ и повсюду, сдѣлали большія пріуготовленія. Князь Понте-Корво пользовался въ это время морскими ваннами въ Травемюндѣ, небольшой гавани близъ Любека, что однакоже не помѣшало ему отдать приказанія на 18 число. Маркизъ де ла Романа, дабы лучше обмануть Маршала, послалъ къ нему курьера съ просьбою о позволеніи отправиться на это празднество въ Гамбургъ, дабы присоединить свои желанія къ желаніямъ Французовъ, которые будутъ праздновать именины своего Императора и дабы получить при этомъ случаѣ изъ рукъ Князя ленту Почетнаго Легіона, которую онъ просилъ и которую Наполеонъ пожаловалъ ему по случаю дня своихъ именинъ. Черезъ три дня послѣ того, 17 Августа, Маршалъ получилъ извѣстіе о происшедшемъ; онъ узналъ что Маркизъ собралъ у берега моря большое количество Англійскихъ судовъ, и что наконецъ бѣжалъ на оныхъ со всѣми своими войсками, кромѣ шести сотъ человѣкъ, оставшихся въ Альтонѣ. Въ послѣдствіи узнали, что онъ безпрепятственно совершилъ путь свой и вышелъ со своими войсками на берегъ въ Ко-

ронѣ. Тогда я также догадался, чему должно было приписать сонливость, одолѣвавшую Маркиза де ла Роману за вистомъ. Онъ вставалъ всякую ночь для того, чтобы заниматься приготовленіями къ этому отъѣзду, который онъ столь давно уже имѣлъ на умѣ; являлся вездѣ днемъ, какъ будто бы онъ спалъ ночь, и такимъ образомъ удачно привелъ къ концу свое предпріятіе. Отъѣздъ Генерала ла Романы всѣхъ удивилъ; но могу сказать, что онъ огорчилъ однихъ только Французовъ, ибо между несчастными обитателями Германіи дѣла дошли до того, что имъ невозможно уже было желать тайно торжества Наполеона въ несправедливой войнѣ, въ которую Байонскія вѣроломства вовлекли его съ Испаніею и въ которой орлы его, непобѣдимые въ Германіи, подверглись двумъ важнымъ уронамъ: капитуляціи Дюпона, выше упомянутой и капитуляціи Жюно въ Португаліи.

Послѣ побѣга Испанскихъ войскъ я получилъ отъ Правительства повелѣніе удвоить бдительность и стараться открыть тѣхъ людей, которыхъ можно подозрѣвать въ соучастіи съ Маркизомъ де ла Романою на счетъ отъѣзда его съ войсками; я узналъ что Англійскіе агенты, разсѣянные въ Голштейнѣ и въ Ганзейскихъ земляхъ старались также посѣять раздоръ и неудовольствіе въ войскахъ Короля Голландскаго. Эти ковы имѣли связь съ измѣною

Испанцевъ и съ пріѣздомъ Даникана на твердую землю. Неповиновеніе начало уже обнаруживаться; но оно скоро было усмирено. Два Голландскіе солдата, дерзнувшіе поднять руку на своихъ Офицеровъ, были разстрѣляны. Не смотря на эту строгость, побѣги учащались; неутомимые наборщики, состоящіе на жалованьи Англичанъ, безъ отдыха трудились надъ отвлеченіемъ отъ ихъ обязанностей Лудовиковыхъ солдатъ; нѣкоторые были приведены ко мнѣ; ихъ схватили почти на самомъ преступленіи; представили убѣдительныя доказательства вины ихъ и они были осуждены къ смерти.

Эти необходимые примѣры строгости не прекратили козней Англіи; но много охладили усердіе тѣхъ, которые были къ онымъ употребляемы. Я не пренебрегалъ ничѣмъ для содѣйствія Князю Понте-Корво въ отысканіи Англійскихъ агентовъ. Наиболѣе съ островка Гейльголанда разсѣвались они по твердой землѣ между Эмсомъ и Эльбою. Это сообщеніе было весьма удобно по множеству мелкихъ судовъ, находившихся на небольшихъ островахъ, коими этотъ берегъ усѣянъ; за пять или за шесть золотыхъ монетъ ѣздили на Гейльголандъ или возвращались оттуда. Такимъ-то образомъ были съ изобиліемъ разсѣяваемы по сѣверной Германіи Испанскія новости, печатаемыя а часто и сочиняемыя въ Лондонѣ. Пакеты съ этими

печатными объявленіями, адресованные на имя купцевъ и извѣстнѣйшихъ особъ въ городахъ Германіи, были отдаваемы на почту въ Эмбденѣ, Книгчаузенѣ, Варенѣ, Ольденбургѣ, Дельменгоретѣ и Бременѣ. Вообще въ этой части морскаго берега было мало надзора за шпіонами и за контробандою; но отвосительно контробанды, я долженъ замѣтить, что никакая власть не въ состояніи была бы вовсе ее уничтожить. Континентальная Система сдѣлала ее такою необходимою потребностью, что большая часть жителей извлекала изъ нея средства къ существованію, употребляя противъ бдительности таможенныхъ разныя хитрости, о которыхъ я скоро упомяну.

Въ началѣ Декабря 1808 года, мы замѣтили, что почта изъ Россіи, проходящая чрезъ Кенигсбергъ и Берлинъ, приходила въ Гамбургъ четырью, пятью и даже шестью часами позже обыкновеннаго. Купечество, всегда недовѣрчивое, встревожилось этимъ замедленіемъ, стало изыскивать причины онаго и вскорѣ ихъ открыло. Узнали, что Почтъ-Дерикторъ Великаго Герцогства Бергскаго въ Гамбургѣ, помѣстилъ двухъ чиновниковъ въ небольшой деревенькѣ Эпбургѣ, принадлежащей къ Лауенбургской области. Тамъ они останавливали Берлинскую почту и распечатывали пакеты и письма. Какъ только эти обстоятельства сдѣлались извѣстны-

ми въ Гамбургѣ, то безпокойство распространилось у всего купечества, т. е. въ цѣломъ городѣ. Начали сильно и основательно жаловаться; нѣкоторыя письма были вовсе затеряны; документы вложены совсѣмъ не въ тѣ письма, къ которымъ они принадлежали и многiе векселя даже совершенно утрачены. Эти слухи дошли до свѣдѣнiя Князя Понте-Корво и были подтверждены официяльнымъ донесенiемъ состоящаго при Императорскихъ и Королевскихъ почтахъ Комисара, который жаловался, какъ на замедленiе курьера, такъ на перемѣшанiе депешей и на малую довѣренность къ Императорской Почтовой Конторѣ. Безразсудно было помѣщать такихъ чиновниковъ въ деревнѣ, гдѣ даже не было почтовой экспедицiи и гдѣ вскрытiе писемъ производилось въ трактирѣ безъ всякаго надзора. Притомъ же эта полицейская мѣра, иногда полезная, часто опасная и всегда очень щекотливая возбуждала общую тревогу по ненадежности чиновниковъ, коимъ было поручено исполненiе оной. Если Императоръ желалъ имѣть свѣдѣнiе о перепискѣ нѣкоторыхъ лицъ на Сѣверѣ, то онъ бы конечно обратился къ своему Почтовому Начальству и къ Комисару своему въ Гамбургѣ, а не поручилъ бы этого двумъ неизвѣстнымъ чиновникамъ. Въ слѣдствiе моихъ замѣчанiй и представленiй, Князь Понте-Корво отдалъ приказъ прекратить

потайное Эмбургское распечатываніе писемъ. Производившіе оное два чиновника были привезены въ Гамбургъ и поведеніе ихъ разсмотрѣно; они подверглись строгому наказанію, коего однакожс менѣе заслуживали, чѣмъ употребившіе ихъ къ этой почетной должности.

Еслибъ не обязанность быть свидѣтелемъ столькихъ притѣсненій, которымъ я не всегда былъ въ состояніи воспрепятствовать, особенно по отъѣздѣ Бернадота, то я нашелъ бы пребываніе въ Гамбургѣ восхитительнымъ. Бывавшіе въ этомъ городѣ, знаютъ, какъ онъ замѣчателенъ своимъ удивительнымъ положеніемъ на Эльбѣ, а въ особенности своими дачами, истинно очаровательными, которыя служатъ ему садомъ и простираются болѣе чѣмъ на милю по берегу Эйдера. Нравы и обычаи жителей имѣютъ особенную печать; рѣдко услышишь шумъ и ссору; жители сидятъ днемъ передъ своими домами у столовъ; пожилые пьютъ чай, молодые люди работаютъ а дѣти играютъ. Эти различныя группы представляютъ живописную картину. Я очень любилъ видѣть ихъ предающимися этой безпечности жизни, которая не менѣе содѣйствуетъ къ счастію людей, какъ и блескъ, за которымъ бѣгаютъ и за который часто такъ дорого платятъ. Видя ихъ сидящихъ передъ домами, я вспомнилъ замѣчаніе Монтескіё, по моему мнѣнію прекрасное. Пріѣхавъ во Фло-

ренцію съ одобрительнымъ письмомъ къ Первому Министру Великаго Герцогства Тосканскаго, —онъ засталъ его въ жилетѣ, сидящаго у порога своего дома, наслаждающагося вечернею прохладою и разговаривающаго съ нѣсколькими друзьями. « Вижу, » сказалъ ему Монтескіе, «что я у счастливаго народа, когда Первый «Министръ имѣетъ время наслаждаться пріятнымъ досугомъ.» Въ Гамбургѣ нравы отзываются простотою, истинно патріархальною, но жители рѣдко бываютъ другъ у друга въ гостяхъ; однакоже когда они принимаютъ у себя посѣтителей, что никогда не дѣлается иначе какъ по приглашенію, то величайшая роскошь блеститъ посреди этой, столь простой наружности. Гамбургцы добры, обязательны, услужливы и во всѣхъ вещахъ соблюдаютъ такую невѣроятную точность, которая доходитъ даже до страсти. Я помню разительный примѣръ оной. Я очень подружился съ Барономъ Фохтомъ, человѣкомъ чрезвычайно умнымъ, свѣдущимъ и любезнымъ. Однажды, когда онъ пришелъ къ намъ проститься по случаю отъѣзда своего въ Парижъ, то жена моя стала упрашивать его, чтобы онъ не продолжалъ своей поѣздки долѣе шести-мѣсячнаго срока, имъ назначеннаго. «Будьте покойны, Сударыня, » сказалъ онъ ей, «ничто не въ состояніи воспрепятствовать мнѣ воротиться сюда къ назначенному числу, ибо я

разослалъ уже приглашенія на обѣдъ, который я дамъ на другой день послѣ моего пріѣзда.» Баронъ дѣйствительно возвратился къ объявленному сроку, и ни одинъ изъ званыхъ къ нему гостей, безъ новаго напоминовенія, не забылъ приглашенія сдѣланнаго за шесть мѣсяцевъ.

Digitized by Google

++

ГЛАВА VII.

Дѣйствіе, производимое присутствіемъ Наполеона.—Поѣздка въ Италію.—Причины оной.—Усыновленіе Евгенія.—Свиданіе съ Луціаномъ. — Принцъ Астурійскій и дочь Луціана. — Разговоръ съ Дюрокомъ.—Замѣчательный случай на возвратномъ пути Наполеона.—Завтракъ въ Шамбери. — Г. Августъ Сталь.—Представленіе Императору.—Любопытный разговоръ. — Просьба объ отмѣнѣ изгнанія Г-жи Сталь. — Причины отказа.—Опасность пребыванія Г-жи Сталь въ Парижѣ.—Знамя Сен-Жерменскаго предмѣстія.—Послѣднее сочиненіе Г. Неккера.—Ненависть Наполеона къ сочинителямъ системъ и къ экономистамъ.—Нужный человѣкъ. — Обвиненіе Неккера во всѣхъ бѣдствіяхъ Революціи. — Присутствіе духа молодаго Сталя.—Престолъ, доставленный Революціею.—Окончаніе завтрака и продолженіе разговора. —Лестныя слова Наполеона Г-ну Сталю.—Новыя просьбы и новый отказъ.—Политика во всемъ.—Неспособность Г. Неккера.—Священный долгъ.— Слова, сказанныя Наполеономъ Дюроку.—Размышленія.

Наполеонъ такъ хорошо зналъ дѣйствіе, производимое его присутствіемъ, что онъ любилъ

показываться народамъ, коихъ земли онъ чрезъ завоеваніе присоединялъ къ землямъ Имперіи. Тамъ онъ любилъ ослѣплять пышностью, его окружавшею, отличаться посреди блистательныхъ мундировъ своего Штаба исключительною простотою своего наряда, показывать строгость противъ открытыхъ враговъ его Правительства и употреблять обольстительныя рѣчи, коихъ онъ обладалъ тайною для того, чтобы привязывать къ себѣ высшія сословія общества, которыя вездѣ имѣютъ столько вліянія на низшія сословія. Эти поѣздки Наполеонъ могъ, нѣкоторымъ образомъ, называть поѣздками для удовольствія; онъ наслаждался тогда плодами трудовъ своихъ и присувствіе его придавало всему невѣроятную дѣятельность. Дюрокъ сопутствовалъ ему всякой разъ, если не бывалъ куда посылаемъ и я помню любопытный разсказъ, сдѣланный имъ мнѣ по возвращеніи въ Парижъ о поѣздкѣ Наполеона въ Ноябрѣ 1807 года для осмотра Венеціянскихъ владѣній и другихъ Италіянскихъ областей, которыя, по Пресбургскому договору были присоединены къ Королевству Италіи.

Поѣздка Наполеона въ Королевство Италіи имѣла многія важныя причины; онъ мечталъ о новомъ союзѣ и хотѣлъ, осыпать Евгенія своими милостями, извѣдать его и приготовить къ мыслямъ о разводѣ съ Іозефиною, которыя онъ

съ тѣхъ поръ уже началъ питать; въ тоже время онъ намѣревался повидаться съ братомъ своимъ Луцíаномъ, ибо желая располагать рукою дочери своего брата, онъ хотѣлъ отдать ее за мужъ за Принца Астурíйскаго, который еще до Испанской войны, при первыхъ несогласíяхъ, возникшихъ между отцемъ и сыномъ, испрашивалъ себѣ союза съ Императоромъ въ надеждѣ найти въ немъ чрезъ то опору. Это происходило вскорѣ послѣ смерти старшаго сына Лудовика Бонапарте, умершаго отъ крупа въ Голландіи. Очень несправедливо предполагали въ Наполеонѣ къ тому ребенку другую привязанность кромѣ той, какую имѣетъ дядя къ племяннику. Я сказалъ уже на этотъ счетъ истину.

Какъ бы то ни было, а достовѣрно, что Бонапарте рѣшительно помышлялъ уже о разводѣ своемъ съ Іозефиною; за неимѣніемъ же другихъ доказалельствъ, по сдѣланной мною большой привычкѣ читать мысли Наполеона въ его дѣйствіяхъ, я нахожу достаточное тому доказательство въ Миланскомъ указѣ, которымъ Бонапарте, за неимѣніемъ законныхъ дѣтей мужеска пола по прямой отъ него линіи, усыновилъ Евгенія назначивъ его наслѣдникомъ Италіянской короны. Луціанъ, по приглашенію своего брата отправился въ Мантуу, и это было послѣднее свиданіе, которое они имѣли до

эпохи ста дней. Луціанъ согласился отдать дочь свою за Принца Астурійскаго, но этотъ бракъ не состоялся. Я узналъ отъ Дюрока, до какой степени непріязнь Лудовика къ семейству Богарне, о которой я часто упоминалъ, при этомъ случаѣ возобновилась. Луціанъ не могъ простить Іозефинѣ того, что она съ негодованіемъ отвергла безчестные совѣты, имъ ей данные; посему Луціанъ имѣлъ особую причину отдать дочь свою за Принца Астурійскаго, желая воспрепятствовать тѣмъ женидьбѣ этого Принца на дѣвицѣ де Таше, племянницѣ Іозефины, что всѣми силами старался устроить Г. Богарне, Французскій Посланникъ въ Мадритѣ; притомъ же Луціанъ при всей своей Республиканской суровости, безъ большаго нехотѣнія покорялся мысли имѣть зятемъ Короля Бурбонскаго Дома. Въ эту же поѣздку Наполеонъ присоединилъ Тоскану къ Имперіи.

Нѣкоторыя изъ этихъ различныхъ подробностей узналъ я изъ полученныхъ мною тогда писемъ, а другіе уже въ послѣдствіи; а потому я принужденъ помѣстить въ одну эпоху воспоминанія, принадлежащія у меня къ разнымъ временамъ. Такимъ образомъ, уже по выѣздѣ моемъ изъ Гамбурга, думаю, что даже послѣ Московскаго похода, я узналъ отъ Дюрока собиравшагося въ Дрезденскую кампанію, коей ему предназначено было сдѣлаться одною изъ жертвъ,

очень замѣчательное обстоятельство о возвращенiи Наполеона. Извѣстно, что онъ прибылъ въ Парижъ 1 Генваря 1808 года. За три дня предъ тѣмъ, въ проѣздъ его чрезъ Шамбери, гдѣ онъ на короткое время остановился, онъ засталъ тамъ одного молодаго человѣка, который уже нѣсколько дней его дожидался. Этотъ молодой человѣкъ, движимый самымъ благороднымъ чувствомъ, хотѣлъ видѣть Императора и тронуть его въ пользу своей матери, осужденной къ изгнанiю прихотью Наполеона. Это былъ сынъ Г-жи Сталь, имѣвшiй тогда, много что, семнадцать лѣтъ. Г. Августъ Сталь расположился у Шамберiйскаго почтоваго Смотрителя, и какъ Императора ожидали ночью, то онъ взялъ съ Смотрителя обѣщанiе извѣстить его тотчасъ, какъ прiѣдетъ передовой. Передовой, позамедливъ, прiѣхалъ не прежде шести часовъ утра и почти въ слѣдъ за нимъ явился самъ Императоръ, и Г. Сталь былъ разбуженъ кликами: *Да здравствуетъ Императоръ!* Онъ едва успѣлъ, какъ можно скорѣе, одѣться и броситься на встрѣчу къ Наполеону, дабы подать ему заблаговременно приготовленное имъ письмо, которымъ онъ испрашивалъ у него аудiенцiи. Лористонъ, дежурный-Адъютантъ, взялъ по обыкновенiю письмо, какъ-то дѣлалось со всѣми просьбами, подаваемыми Наполеону вездѣ гдѣ онъ проѣзжалъ. Императоръ вошелъ въ комнату,

трактира, гдѣ для него былъ приготовленъ завтракъ. Сперва онъ ушелъ въ другую комнату для того, чтобы переодѣться и пробывъ тамъ около получаса, вышелъ чтобы сѣсть за столъ съ Оберъ-Гофъ-Маршаломъ, съ Лористономъ и съ двумя другими Офицерами своей свиты, которыхъ я забылъ имена. Рустанъ одинъ прислуживалъ у стола. Прежде чѣмъ Бонапарте началъ завтракать, онъ распечаталъ собранныя Лористономъ письма и взглянувъ только на подписи положилъ ихъ подлѣ себя на столѣ. Остановясь на одномъ изъ этихъ писемъ: «А, а!» сказалъ онъ, Г. Сталь! онъ желаетъ меня видѣть? . . . чего онъ отъ меня хочетъ? Что общаго между этими Женевскими выходцами и мною?—Государь, «сказалъ ему Лористонъ,» это очень молодой человѣкъ; и, сколько я могъ заключить при свѣчахъ, и видѣвъ его одну только минуту, онъ показался мнѣ весьма привлекательнымъ. — Очень молодой человѣкъ говоришь ты? . . . Ну хорошо, я согласенъ его увидѣть. Рустанъ скажи ему, чтобы онъ сюда вошелъ.» Г. Сталь, введенный предъ Наполеона, представился ему со скромностью, но безъ робости. Послѣ сдѣланнаго имъ Императору поклона, между ими начался разговоръ, которымъ Дюрокъ былъ пораженъ и въ продолженіе коего всѣ присутствовавшіе хранили глубокое

молчанiе. Онъ происходилъ почти слѣдующимъ образомъ.

Когда Г. Сталь подошелъ къ Императору, то Наполеонъ самъ началъ вопросомъ: «Откуда вы прiѣхали? — Изъ Женевы, Государь. — Гдѣ ваша матушка? — Она въ Вѣнѣ или скоро туда прибудетъ. — Ну, ей тамъ хорошо; чего она хочетъ? Она должна быть довольна въ Вѣнѣ; неправда ли; ей тамъ есть случай выучиться по Нѣмецки. — Государь, можете ли В. В. полагать, чтобы матери моей было хорошо, тогда какъ она удалена отъ своихъ привычекъ, отъ своихъ друзей и родины. Еслибъ мнѣ дозволено было представить В. В. искреннiя письма моей матери, то вы бы увидѣли изъ нихъ, сколько она печальна и несчастна въ своемъ изгнанiи. — И пустое, чтобы ваша матушка была такова. Я не говорю, что она злая женщина . . . . она умна; очень умна, даже можетъ быть слишкомъ; но это умъ необузданный, непокорный. Она была воспитана въ хаосѣ разрушающейся Монархiи и Революцiи; она составила изъ всего этого какую-то смѣсь! Все это можетъ сдѣлаться опаснымъ; съ ея пылкою головою она можетъ совратить къ себѣ другихъ; я долженъ за этимъ наблюдать; она меня не любитъ. Для пользы тѣхъ, которыхъ она могла бы погубить, я не долженъ позволять ей прiѣхать въ Парижъ.»

«Ты знаешь,» сказалъ мнѣ Дюрокъ «что когда Императоръ разъ уже начнетъ, то ничто не въ состояніи прервать его разговора; представь же себѣ, что молодой Сталь нѣсколько разъ перебивалъ у него рѣчь, дабы объяснить ему то, что онъ имѣлъ ему сказать и Наполеонъ не сердился за эту смѣлость, которой онъ бы не стерпѣлъ ни отъ кого изъ насъ; онъ выслушивалъ этого молодаго человѣка и потомъ опять начиналъ говорить со спокойствіемъ, которое Г. Сталь могъ принять за кротость; но намъ, зная его, легко было угадать, что проситель ничего не получитъ. Впрочемъ, мы очень видѣли, что Императору было пріятно заставлять его говорить, ибо отъ времени до времени, онъ казался какъ будто убѣжденнымъ для того, чтобы поощрить его къ продолженію. Давъ ему время совершенно объяснить предметъ его просьбы и выслушавъ безъ нетерпѣнія причины, имъ приводимыя, Императоръ сказалъ: «Но еслибъ, положимъ что я бы позволилъ вашей матушкѣ пріѣхать въ Парижъ, то не прошло бы шести мѣсяцевъ, какъ я принужденнымъ бы нашелся отправить ее въ Бисстръ, или посадить въ Тампль; мнѣ бы это было очень жаль, ибо это надѣлало бы шуму и повредило бы мнѣ въ общемъ мнѣніи. Скажите вашей матушкѣ, что я рѣшился, и что рѣшеніе мое неизмѣнно. Пока я живъ, нога ея не будетъ въ

Парижѣ.—Государь, я не думаю, чтобы В. В. самовластно заключили мою мать въ тюрьму если она не подастъ вамъ къ тому никакой причины.—Она подастъ мнѣ ихъ десять!... я ее хорошо знаю.—Государь, позвольте доложить вамъ, я такъ увѣренъ въ томъ, что мать моя будетъ жить въ Парижѣ уединенно, не заслуживъ отъ васъ нималѣйшаго нареканiя, видаясь только съ немногими друзьями, что я осмѣливаюсь, не смотря на отказъ Вашего Величества, еще разъ убѣдительно просить васъ о дозволенiи сдѣлать опытъ хоть на шесть недѣль или на мѣсяцъ. Позвольте ей Государь прiѣхать на это время въ Парижъ; умоляю васъ до тѣхъ поръ ни на что опредѣлительно не рѣшаться.—Такъ и есть! поддамся я такимъ прекраснымъ обѣщанiямъ! . . . я вижу чего вы хотите, но говорю вамъ, что это невозможно. Она бы сдѣлалась знаменемъ Сен-Жерменскаго предмѣстiя. Ни съ кѣмъ не видаться! сбыточное ли это дѣло? Ее бы стали навѣщать; она бы начала платить посѣщенiя; надѣлала бы тысячу дурачествъ, начались бы сборища, шутки; она ставитъ это ни во что, но я думаю иначе; мое Правительство не шуточное, и я всё считаю важнымъ; пусть всѣ это знаютъ и скажите это всѣмъ. — Государь, позвольте мнѣ повторить Вашему Величеству, что мать моя вовсе не желаетъ видаться со многими; она будетъ жить

въ небольшомъ кругу друзей, которыхъ даже можетъ представить Вашему Величеству списокъ; Вы Государь сами столько любите Францію, что не возможно чтобы Вы не постигали, какое мученіе быть отъ нея удаленнымъ; склонитесь на просьбы мои Государь и включите насъ въ число вѣрныхъ своихъ подданныхъ.— Васъ? — Да, Государь; еслиже Вашему Величеству угодно настаивать въ отказѣ Вашемъ, то дозвольте сыну спросить, что могло вооружить васъ такъ противъ его матери? Нѣкоторые люди говорили мнѣ, что этому виною послѣднее сочиненіе моего дѣда; а однакоже могу поклясться Вашему Величеству, что мать моя вовсе въ этомъ не участница.—Да, конечно, прибавилъ Наполеонъ съ бо́льшею досадою, чѣмъ какую онъ до тѣхъ поръ показывалъ да конечно, эта книга много виновата. Вашъ дѣдушка былъ идеологъ, глупецъ, старый сумазбродъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ хотѣлъ ниспровергнуть мою Конституцію, сочинять Конституціонные планы; Государства, право, славно были бы управляемы систематиками, сочинителями пустыхъ теорій, которые судятъ о людяхъ по книгамъ, а о мірѣ по ландкартѣ!—Государь, если планы, начертанные моимъ дѣдомъ въ глазахъ Вашего Величества только пустыя теоріи, то я не постигаю, отъ чего Вы такъ изволите на нихъ гнѣваться? Нѣтъ ни

одного изъ экономистовъ, который нечертилъ бы плановъ Конституцій. . . —Да вѣрю, изъ экономистовъ! это врали, которые бредятъ финансовыми планами, а не въ состояніи были бы исполнить должности сборщика податей въ послѣдней деревнѣ моей Имперіи. Книга вашего дѣдушки есть сочиненіе стараго упрямца, который умеръ безпрестанно болтая объ управленіи Государствъ. — Судя потому, какъ Ваше Величество о ней отзываетесь, мнѣ позволено думать, что Вамъ донесли объ этой книгѣ зложелательные люди и что Вы сами ее не читали.—Вы очень ошибаетесь; я самъ прочелъ ее съ начала до конца.—Слѣдовательно Ваше Величество изволили видѣть, сколько мой дѣдъ отдаетъ въ ней справедливости Вашему генію? —Да! прекрасная справедливость! . . . Онъ называетъ меня нужнымъ человѣкомъ! . . . нужнымъ человѣкомъ! а по его сочиненію, прежде всего надобно отрубить голову этому нужному человѣку. Да, я былъ нуженъ, необходимъ для того, чтобы поправить всѣ глупости вашего дѣда, для того чтобы загладить все зло причиненное имъ Франціи; онъ ниспровергнулъ Монархію и довелъ Лудовика XVI до эшафота.— Государь, Вамъ не безъизвѣстно, что имущество моего дѣда было описано за то, что онъ защищалъ Короля.— Защищалъ Короля! правду сказать, прекрасная защита! Господинъ Сталь...

еслибъ я далъ кому нибудь яду, а потомъ, когда бы онъ сталъ умирать, принесъ бы ему противоядія, то вы бы сказали, что я хотѣлъ спасти этого человѣка? Вотъ-какъ дѣдъ вашъ защищалъ Лудовика XVI! . . . Чтоже касается до описанія имѣнія, о которомъ вы говорите, то оно ничего не доказываетъ: имѣніе Робеспьера также было описано! Да, говорю я вамъ, самъ Робеспьеръ, Маратъ и Дантонъ менѣе сдѣлали Франціи зла, чѣмъ Г. Неккеръ; онъ произвелъ Революцію; вы ее не видали, а я такъ былъ при ней; я видѣлъ, что значили эти времена общественныхъ ужасовъ и бѣдствій; но пока я живъ, эти времена не возвратятся, могу васъ въ томъ увѣрить; ваши сочинители сочиняютъ на бумагѣ бредни; дураки ихъ читаютъ и разглашаютъ; имъ вѣрятъ, всеобщее благоденствіе у всѣхъ на языкѣ, а вскорѣ послѣ того у народа нѣтъ хлѣба; онъ бунтуется и вотъ обыкновенные плоды всѣхъ этихъ прекрасныхъ теорій! Вашъ дѣдъ виновникъ всѣхъ бѣдствій, раздиравшихъ Францію; вся пролитая во время Революціи кровь, должна пасть на главу его!»

«Произнося эти послѣднія слова,» сказалъ мнѣ Дюрокъ, «Императоръ до такой степени раздражился, что мы побоялись за молодаго Сталя. Императоръ не видѣлъ лица его; ибо еслибъ онъ его видѣлъ, то вѣрно бы пощадилъ его; черты его находились въ жестокомъ напряже-

нiи и мы замѣтили, какiя онъ дѣлалъ усилiя для того, чтобы восторжествовать разсудкомъ надъ происходившею въ немъ внутреннею борьбою. Мы право бы желали быть въ состоянiи его ободрить, но къ счастью онъ самъ умѣлъ воздержаться, дабы не выйти изъ себя и сохранивъ надъ собою власть спокойно, хотя нѣсколько нетвердымъ голосомъ отвѣчалъ Императору:» Государь, позвольте мнѣ надѣяться, что потомство будетъ болѣе благопрiятно къ моему дѣду, чѣмъ Ваше Величество. Въ продолженiе его управленiя, его ставили рядомъ съ Сюлли и съ Кольбертомъ, и повторяю Вашему Величеству надежды мои, что потомство отзовется о немъ съ бо́льшою справедливостью! – Такъ точно, потомство! Оно вовсе не будетъ говорить о немъ. —Смѣю надѣяться противнаго, Государь.»

«Тогда Императоръ обратившись къ намъ,» прибавилъ Дюрокъ: «Впрочемъ Господа,» сказалъ онъ намъ улыбаясь, «мнѣ не слѣдуетъ слишкомъ дурно говорить о Революцiи, потому что я чрезъ нее досталъ себѣ престолъ.» Послѣ сего обратясь опять къ Г. Сталю, онъ продолжалъ: «Царство смутовъ кончено; я требую повиновенiя; уважайте власть, потому что она происходитъ отъ Бога. Вы молоды, хорошо воспитаны, изберите лучшiй путь, сдѣлайте привычку къ послушанiю; не слѣдуйте этимъ дурнымъ правиламъ, которыя для болтовства, под-

вергаютъ опасности существованіе обществъ.— Государь, если я столь счастливъ, что Ваше Величество признаете меня хорошо воспитаннымъ, то вы не должны осуждать правила моего дѣда и моей матери, ибо я въ этихъ правилахъ воспитанъ.— Ну, такъ я совѣтую вамъ держаться прямой политики, ибо я не потерплю ничего, происходящаго отъ Г. Неккера; надобно, чтобы всѣ держались прямой политики.»

«Этотъ разговоръ,» сказалъ мнѣ Дюрокъ, «продолжился во все время пока мы сидѣли за столомъ; произнося же послѣднія слова свои: *надобно, чтобы всѣ держались прямой политики,* Императоръ всталъ въ ту минуту, когда Г. Сталь опять началъ настаивать о прекращеніи изгнанія его матери; но не отвѣчая на его новыя просьбы, онъ подошелъ къ нему и взялъ его за кончикъ уха, съ тѣмъ дружественнымъ видомъ, который тебѣ въ немъ извѣстенъ, когда онъ бываетъ веселъ или хочетъ показаться такимъ. Вы очень молоды,» сказалъ онъ ему, «еслибъ вы имѣли мои лѣта и мою опытность, то лучше бы судили о вещахъ; ваша откровенность, не только меня не разсердила, но очень мнѣ понравилась: я люблю когда сынъ вступается за мать свою. Ваша матушка дала вамъ трудное порученіе и вы съ умомъ его выполнили. Я очень доволенъ, что съ вами поговорилъ; я люблю молодежь, когда она проста и не умни-

чаетъ. Не смотря на все это не хочу обольщать васъ пустою надеждою и не скрою отъ васъ, что вы ничего отъ меня не получите. Мюратъ говорилъ уже мнѣ объ этомъ дѣлѣ, и я сказалъ ему, какъ и вамъ, что воля моя непоколебима. Еслибъ ваша матушка была въ тюрьмѣ, то я не колеблясь бы далъ ей свободу, но она въ изгнанiи и ничто не заставитъ меня дозволить ей возвратиться.—Но, Государь, развѣ въ удаленiи отъ отечества и отъ друзей, человѣкъ не столько же несчастливъ, какъ и въ тюрьмѣ?— Все это мысли изъ романовъ; вы слыхали это отъ вашей матери. Она право очень жалка!... За исключенiемъ Парижа, тюрьма ея есть цѣлая Европа.—Но Государь, въ Парижѣ ея друзья. —Съ ея умомъ она вездѣ найдетъ себѣ друзей. Притомъ же я не постигаю, отъ чего она такъ дорожитъ возвращенiемъ въ Парижъ. За чѣмъ она такъ сильно желаетъ жить подъ моею *тиранскою властью*? Вы видите, что я говорю безъ обиняковъ: я право этого не постигаю. Развѣ она не можетъ ѣхать въ Римъ, въ Берлинъ, въ Вѣну, въ Миланъ, въ Лондонъ? Право! пусть она ѣдетъ въ Лондонъ, тамъ она можетъ, если захочетъ, писать пасквили. Вездѣ въ этихъ мѣстахъ ея пребыванiе будетъ мнѣ прiятно; но Парижъ... извольте видѣть Г. Сталь, это моя столица, и я хочу видѣть въ ней только тѣхъ, которые меня любятъ. Да будетъ это извѣстно.

Знаете ли вы, что произошло бы еслибъ я позволилъ вашей матушкѣ пріѣхать въ Парижъ? Начались бы новыя проказы . . . и я говорю это по опыту; она избаловала бы людей, меня окружающихъ испортила бы Гарата. Она погубила Трибунатъ; она готова сулить золотыя горы, но не въ состояніи была бы воздержаться отъ разговоровъ о политикѣ. — Смѣю увѣрить Ваше Величество, что мать моя вовсе не занимается политикою; общество друзей и литература составляютъ ея единственную отраду. —Какъ же не такъ! литература, не правда ли? Этимъ меня не проведутъ! . . . политику вмѣшиваютъ въ разговоры о литературѣ, о нравственности, объ искуствахъ и обо всемъ на свѣтѣ. Женское дѣло вязать чулки. Еслибъ ваша матушка жила въ Парижѣ, то мнѣ бы доносили о всякихъ рѣчахъ ея; можетъ быть стали бы на нее и выдумывать; я не хочу этого въ томъ городѣ, гдѣ живу; посовѣтуйте ей ѣхать въ Лондонъ: это кажется будетъ лучше всего. Что касается до вашего дѣдушки, то я не сказалъ ничего лишняго. Нѣтъ, Г. Неккеръ не имѣлъ никакихъ способностей для Государственнаго управленія. Я знаю, что это такое, послѣ того какъ я десять лѣтъ этимъ занимаюсь. — Весь свѣтъ, Государь, отдаетъ должную справедливость генію Вашего Величества и нѣтъ человѣка, который бы не сознавался, что финансы Фран-

цiи въ такомъ цвѣтущемъ состоянiи, въ какомъ они до Вашего царствованiя никогда еще не бывали, но Ваше Величество позволите мнѣ замѣтить, что Вы конечно признали нѣкоторое достоинство въ финансовыхъ учрежденiяхъ моего дѣда, когда Вы удержали многiя изъ нихъ въ удивительномъ порядкѣ, Вами заведенномъ.—Это ничего не доказываетъ; ибо двѣ или три отдѣльныя мысли не составляютъ еще достоинства системы; какъ бы то ни было, а повторяю вамъ еще, что я никогда не позволю вашей матушкѣ возвратиться въ Парижъ.—Однакоже, Государь, еслибъ священныя обязанности требовали ея тамъ присутствiя, хотя на нѣсколько дней, неужели . . . Какъ! . . . священныя обязанности! . . . что вы подъ этимъ разумѣете? Да, Государь, если ей нельзя туда прiѣхать, то я долженъ буду отправиться одинъ, лишенный ея совѣтовъ для исходатайствованiя у Вашего Правительства уплаты священнаго долга.—Вотъ еще, священнаго! . . . развѣ всѣ обязательства казны не священны? — Конечно Государь, но нашъ искъ, по обстоятельствамъ своимъ, есть совсѣмъ особое дѣло.—Особое дѣло! . . . такъ и есть. Всякой Государственный Кредиторъ тоже самое говоритъ о своемъ искѣ. Впрочемъ мнѣ не очень извѣстно положенiе ваше относительно моего Правительства; это до меня не касается: я не хочу въ это вмѣшиваться. Если зако-

мы за васъ, то дѣло сдѣлается само собою; но если нужно покровительство, то я не стану вмѣшиваться; ибо я скорѣе былъ бы противъ васъ, чѣмъ за васъ.—Государь, мы съ братомъ намѣревались основаться во Франціи; но какъ намъ жить въ этой землѣ, гдѣ нашей матери непозволено будетъ навѣщать насъ? — Я вовсе объ этомъ не забочусь; даже и не совѣтовалъ бы вамъ. Поѣзжайте въ Англію; тамъ любятъ Женевцовъ, спорщиковъ, комнатныхъ политиковъ; поѣзжайте туда, ибо объявляю вамъ, что во Франціи я скорѣе буду противъ васъ, чѣмъ за васъ.»

«Послѣ этого разговора,» сказалъ мнѣ Дюрокъ, «Императоръ сѣлъ со мною въ карету; онъ не обратилъ никакого вниманія на прочія поданныя ему просьбы и хранилъ молчаніе до тѣхъ поръ, пока мы почти поравнялись съ водопадомъ, находящимся на лѣвой сторонѣ дороги въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шамбери. Онъ казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость.» Тамъ онъ сказалъ мнѣ: «. Не слишкомъ ли я былъ суровъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ? . . Кажется, что такъ; но я очень этимъ доволенъ—другимъ наука. Эти люди хулятъ все, что я дѣлаю; они меня не понимаютъ. Дюрокъ, ихъ мѣсто не во Франціи. Можетъ ли Некксрово семейство быть за Бурбоновъ, коихъ первый долгъ, еслибъ они когда либо воротились

во Францію, былъ бы перевѣшать всѣхъ его членовъ?»

Этотъ разговоръ, сообщенный мнѣ Дюрокомъ, показался мнѣ столь любопытнымъ, что я записалъ его послѣ нашего свиданія почти въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ здѣсь помѣщенъ; онъ однакоже возбуждалъ во мнѣ грустныя чувства, ибо если съ одной стороны я и видѣлъ въ немъ Наполеона со всѣми его мыслями, которыя онъ столь часто излагалъ мнѣ о Неккерѣ; то я видѣлъ также Наполеона, привыкшаго къ самовластію до такой степени, что онъ самъ смѣялся надъ своею тираніею и такъ сказать игралъ превосходствомъ, которое случай, столько же какъ и геній, доставили ему надъ его современниками. Ниже увидятъ, въ какомъ расположеніи духа я находился тогда, какъ Дюрокъ сообщилъ мнѣ эти подробности и что мнѣ очень было извинительно не смотрѣть съ одной только выгодной стороны на всѣ поступки Императора.

Google

++

ГЛАВА VIII.

Первый Консулъ и Республики, Императоръ и Королевства.— Сравненіе Наполеона съ покупщиками имѣній на чужое имя. — Положеніе Батавской Республики. — Депутація и предложенная Лудовику корона. — Обыкновенная форма и лесть. — Отвѣтъ Наполеона и рѣчь Лудовика Императору. —Лудовикъ, Король Голландскій. — Безпокойство Лудовика и бѣдствія Континентальной Системы. — Предложеніе Испанской короны и отказъ принять оную. — Попытка Наполеона овладѣть Брабантомъ. — Притворное на счетъ сего равнодушіе и умѣренность. — Достопримѣчательное письмо Наполеона. — Понятія его объ обязанностяхъ къ нему Принцевъ его семейства.—Упреки и требованія.— Разорительныя условія или война. — Прекращеніе переписки между Лудовикомъ и Наполеономъ. — Лудовикъ призванъ въ Парижъ —Вассалы Имперіи. — Тщетное покушеніе уѣхать. — Лудовикъ подъ надзоромъ Полиціи. — Твердость духа.—Непривычныя для Императора рѣчи.—Участіе, принимаемое мною въ Лудовикѣ. — Гамбургъ и Голландія.— Возвращеніе Лудовика и письмо его къ Наполеону.—Основательныя представленія, принятыя съ гнѣвомъ. — Жестокое письмо Наполеона.—Лакейская ссора въ Амстердамѣ, обращенная въ важное дипломатическое дѣло. — Французскій Посланникъ и его кучеръ.—Гнѣвъ Наполеона и послѣднее письмо его къ Лудовику. — Волкъ и ягненокъ.— Жестокое положеніе Лудовика. — Намѣреніе отречься отъ

Digitized by Google

престола и манифестъ Законодательному Корпусу. — Отреченiе Лудовика въ пользу его сына.—Странное сближенiе. —Прощанiе Лудовика съ Голландцами. — Неисполненiе условiй акта отреченiя и протестъ.—Письмо къ Лудовику Г-на Отто диктованное Императоромъ.

Я сначала думалъ было заняться тѣмъ, что я узналъ о происшедшемъ въ Гамбургѣ, не прежде какъ въ ту эпоху когда по прекращенiи моей должности Полномочнаго Министра въ слѣдствiе присоединенiя Ганзейскихъ городовъ къ Имперiи,—я могъ узнать изъ устъ Гортензiи и Iозефины нѣкоторыя подробности, не заключавшiяся въ официяльныхъ бумагахъ, получаемыхъ мною относительно Лудовика, истиннаго мученика честолюбiя его брата и перенесшаго во всей полнотѣ несчастiе, неразлучное съ принужденнымъ величiемъ. Мнѣ кажется, я даже сказалъ, что таково было мое намѣренiе. Нынѣ мнѣ кажется болѣе удобнымъ помѣстить здѣсь вмѣстѣ узнанное мною, какъ чрезъ прямыя сношенiя, такъ и чрезъ семейныя довѣренности объ огорченiяхъ, которымъ подвергался Лудовикъ, равно какъ и нѣкоторыя замѣчательныя письма, мнѣ сообщенныя.

Пока Бонапарте былъ главою Французской Республики, онъ находилъ приличнымъ чтобы на Сѣверѣ отъ Францiи существовала Республика Батавская также, какъ онъ терпѣлъ на

Югѣ Республику Цизальпинскую, коей онъ былъ основателемъ. Но послѣ коронаціи, всѣ Республики, обращавшіяся подобно спутникамъ около главной Республики, были сопричислены къ уставу Имперіи и долженствовали преобразиться въ Королевства, подчиненныя, ея власти, если не по признанному праву, то по крайней мѣрѣ въ существѣ дѣла. Въ этомъ отношеніи не было разницы между Республиками Батавскою и Цизальпинскою; а какъ последняя преобразилась въ Королевство Италіи, то надобно было найти предлогъ къ тому, чтобы посредствомъ такого же преобразованія, первая изъ этихъ Республикъ сдѣлалась Королевствомъ Голландіи. Но соблюдая нѣкоторую осторожность относительно прочихъ Европейскихъ Державъ, Бонапарте поступилъ подобно тѣмъ зажиточнымъ людямъ, которые желая скрыть часть своего богатства, покупаютъ себѣ имѣнія на чужое имя. Зная кроткій нравъ Лудовика, онъ избралъ его орудіемъ своего честолюбія вообразивъ себѣ, что честность никогда не можетъ замѣнить силы характера, и что новый Король безъ затрудненія согласится быть только коронованнымъ рабомъ его всемогущества. Ниже увидятъ, что случилось иначе.

Правительство Батавской Республики давно уже было однимъ только призракомъ; но оно

даже и въ покорности своей Франціи, сохранило тѣ формы внутренней свободы, которыя утѣшаютъ народъ въ потерѣ его независимости. Въ этомъ положеніи вещей, начальники, коихъ честолюбіе ограничивалось тѣмъ, чтобы удержать при себѣ власть, не были способны показать сопротивленіе, могшее повредить ихъ личному честолюбію; и какъ сверхъ того Императоръ имѣлъ въ Голландіи многочисленныя связи, то ему не трудно было довести Батавскую Республику до присылки къ нему Депутаціи съ просьбою о назначеніи ей Короля по его выбору, и эта покорная Депутація дѣйствительно явилась въ Парижъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1806 года, просить у Императора какъ милости, чтобы онъ дозволилъ Принцу Лудовику царствовать надъ Голландцами (*).

По обыкновенной формулѣ людей, дѣйствующихъ не добровольно, въ рѣчи сказанной Депутаціею Наполеону, было объявлено, что представители свободнаго народа, извѣстнаго своимъ мужественнымъ постоянствомъ въ затруднительныя времена, дали Голландскимъ Депутатамъ *почетное порученіе* предстать предъ Наполеона. Потомъ слѣдовали жалобы на пре-

(*) Депутація Батавской Республики состояла изъ Вице-Адмирала Фергюеля; Посланника при Наполеонѣ Брантцена; члена Высокихъ-Властительствъ Ван-Стирума; Министра финансовъ Гогеля; и Государственнаго Совѣтника Вильгельма Сикса.

терпѣнныя Батавскою Республикою бѣдствія; а за симъ наконецъ краснорѣчивыя разглагольствія о необходимости привести сосѣдственную съ Франціею Державу въ согласное положеніе съ Государствомъ, которое одно только могло предохранить Голландію отъ опасностей рабства, или отъ погибели. Поступокъ ихъ былъ слѣдствіемъ торжественныхъ и свободныхъ совѣщаній. Въ заключеніе было сказано:

«Намъ поручено, Государь, изъяснить Вашему Величеству желаніе представителей нашего народа; мы просимъ васъ даровать намъ верховнымъ главою нашей Республики, Королемъ Голландіи, Принца Лудовика, брата Вашего Величества, коему мы вручаемъ съ полною и почтительною довѣренностью охраненіе нашихъ законовъ, защиту нашихъ политическихъ правъ и всѣхъ выгодъ нашего любезнаго отечества подъ священною сѣнію Провидѣнія, подъ знаменитымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества и наконецъ подъ властію отеческаго правительства, коего мы у Васъ испрашиваемъ. Смѣемъ надѣяться, Государь, что Голландія, навсегда съ сей поры обеспеченная въ благоволеніи къ ней величайшаго изъ Монарховъ и тѣсно соединенная одною судьбою съ вашею обширною и безсмертною Имперіею, узритъ возрожденіе дней своей древней славы; спокойствіе, давно ею утраченное и благодѣнствіе

Digitized by Google

только временно расстроенное потерями, которыя не будутъ уже считаться невозвратными.»

Наполеонъ отвѣтствовалъ Депутаціи Республики: «Господа Представители Батавскаго народа. Я всегда считалъ первою выгодою моей короны, покровительствовать вашему отечеству. Всякой разъ, когда я долженъ былъ вступаться во внутреннія дѣла, меня поражали неудобства неопредѣленной формы вашего Правительства. Управляемое народнымъ собраніемъ, оно подверглось бы вліянію козней и было бы тревожимо сосѣдними державами. Ввѣреніе онаго избирательному сановнику, при всякой перемѣнѣ его дѣлалось бы минутою перелома для Европы, и служило бы поводомъ къ новымъ морскимъ войнамъ. Всѣ эти неудобства не могли быть отвращены иначе, какъ наслѣдственнымъ Правленіемъ. Я призвалъ оное въ ваше отечество при основаніи вашей послѣдней Конституціи, и дѣлаемое вами предложеніе Голландской короны Принцу Лудовику, сообразно съ выгодами вашего отечества, вашими собственными и моими; и способно доставить общее спокойствіе Европѣ. Франція была довольно великодушна для того, чтобы отказаться отъ всѣхъ правъ, дарованныхъ ей событіями войны; но я не могъ вручить начальство надъ крѣпостями, находящимися на моей Сѣверной границѣ, рукѣ невѣрной или сомнительной. Господа Представители

Батавскаго народа, я соглашаюсь на желаніе ихъ Высокихъ-Властительствъ и провозглашаю Принца Лудовика Королемъ Голландіи . . . . . Вы Принцъ, царствуйте надъ этими народами; предки ихъ пріобрѣли свою независимость только чрезъ содѣйствіе Франціи. Въ послѣдствіи Голландія сдѣлалась союзницею Англіи; она была завоевана; она еще разъ была обязана Франціи своимъ существованіемъ. Да будетъ она обязана вамъ Государями, которые станутъ покровительствовать ея свободѣ, законамъ и вѣрѣ; *но не переставайте никогда быть Французомъ. Санъ Коннетабля Имперіи сохранится для васъ и потомковъ вашихъ; онъ будетъ напоминать вамъ обязанности ваши относительно меня и важность, которую я полагаю въ охраненіи крѣпостей, обеспечивающихъ Сѣверъ моихъ владѣній и вамъ ввѣряемыхъ.* Принцъ, поддержите въ вашихъ войскахъ тотъ духъ, который я видѣлъ въ нихъ на полѣ битвы; поддержите въ вашихъ подданныхъ чувство союза и любви къ Франціи; будьте грозою злыхъ и отцемъ добрыхъ: это есть свойство великихъ Государей.»

Послѣ этого Наполеонова отвѣта Депутаціи Батавской Республики, началъ говорить Лудовикъ, обращаясь, какъ увидятъ, болѣе къ своему брату, чѣмъ къ представителямъ своихъ новыхъ подданныхъ. Онъ сказалъ слѣдующее:

Digitized by Google

«Государь,

«Я полагалъ все мое честолюбіе въ томъ, чтобы пожертвовать моею жизнію службѣ Вашего Величества. Все мое щастіе состояло въ томъ, чтобы вблизи удивляться качествамъ, столь драгоцѣннымъ для тѣхъ, которые подобно мнѣ были свидѣтелями могущества и дѣйствій вашего генія. Посему Ваше Величество дозволите мнѣ сожалѣть объ удаленіи отъ Васъ, но жизнь моя и воля, Вамъ принадлежатъ. Я буду царствовать надъ Голландіею, поелику народъ ея того желаетъ и Ваше Величество то повелѣваете. Государь, когда Ваше Величество оставили Францію отправляясь побѣждать ополчившуюся противъ Васъ Европу, то Вамъ угодно было возложить на меня охраненіе Голландіи отъ вторженія, ей угрожающаго. При этомъ случаѣ я оцѣнилъ характеръ ея народа и свойства, его отличающія. Такъ Государь, я буду гордиться царствуя надъ ними. Но сколь ни славно поприще, для меня открытое, а одно только увѣреніе во всегдашнемъ покровительствѣ Вашего Величества, любовь и патріотизмъ моихъ новыхъ подданныхъ, могутъ внушить мнѣ надежду исцѣлить бѣдствія причиненныя столькими войнами и событіями, скопившимися въ столь немногіе годы.

«Государь, когда Ваше Величество окончательно запечатлѣете вашу славу, даровавъ свѣту

миръ, то крѣпости, которыя вы ввѣряете стражѣ моей и моихъ дѣтей, Голландскихъ солдатъ, сражавшихся при глазахъ вашихъ подъ Аустерлицемъ . . . . эти крѣпости будутъ надежно охранены.»

И такъ Лудовикъ сдѣлался Королемъ Голландіи, и совершенно противъ воли, ибо онъ противился тому столько, сколько смѣлъ, ссылаясь на свое здоровье, которому дѣйствительно тамошній климатъ не благопріятствовалъ, но Бонапарте сурово сказалъ ему эти, совсѣмъ не братскія слова: «Лучше умереть Королемъ, чѣмъ жить Принцемъ.» И такъ надобно было принять: Лудовикъ отправился въ Голландію и взялъ съ собою Гортензію, которая не долго тамъ прожила. Новый Король захотѣлъ быть любимымъ своимъ народомъ и какъ нѣтъ другаго средства къ пріобрѣтенію любви народа, исключительно посвятившаго себя торговлѣ, кромѣ поощренія оной, то Лудовикъ не принялъ строгости Наполеона противъ торговыхъ сношеній съ Англіею, отъ чего возникла первая холодность между двумя братьями; когда же геній зла вдохнулъ Наполеону разорительный замыселъ Континентальной Системы, то непріязнь Императора достигла до такой степени, что Лудовикъ отрекся отъ престола, дабы избавиться чрезъ то отъ мщенія своего брата.

Я не знаю, вспомнилъ ли Наполеонъ о при-

чинахъ, по которымъ Лудовикъ сначала отказывался было отъ престола Голландiи ссылаясь на пасмурный климатъ этой страны или онъ надѣялся на бóльшую преданность другаго своего брата; но достовѣрно что Iосифъ былъ призванъ съ Неаполитанскаго престола на Испанскiй не прежде, какъ по отказѣ Короля Лудовика. У меня есть копiя съ письма, которое Наполеонъ написалъ къ нему объ этомъ; на немъ не означено ни времени, ни мѣста; но по содержанiю, его должно отнести къ Марту или къ Апрѣлю мѣсяцу 1808 года. Вотъ оно:

« Братецъ,

«Король Испанскiй, Карлъ IV отрекся отъ «престола. Народъ Испанiи громогласно меня «призываетъ. Будучи увѣренъ, что я не достигну «прочнаго мира съ Англiею иначе, как давъ «большое движенiе Твердой Землѣ, я рѣшился «возвести Французскаго Принца на Испанскiй «престолъ. Климатъ Голландiи вамъ не благо«прiятствуетъ; притомъ же Голландiя не мо«жетъ возстать. Въ вихрѣ свѣта, воспослѣдуетъ «ли миръ, или нѣтъ, она не имѣетъ средствъ «поддержаться. Въ этомъ положенiи вещей, я «думаю отдать вамъ Испанскiй престолъ. Отвѣ«чайте мнѣ опредѣлительно, какого мнѣнiя вы объ «этомъ предложенiи. Если я назначу васъ Ко«ролемъ Испанскимъ, примете ли вы это? могу-

«ли я на васъ положиться? Отвѣчайте мнѣ въ «двухъ словахъ: «Я получилъ письмо ваше отъ «такого-то числа и отвѣчаю *да;*» тогда я буду «надѣяться, что вы сдѣлаете то, что я захочу; «или напишите «*нѣтъ,*» что будетъ значить «что вы не принимаете моего предложенія. Не «ввѣряйте этого никому и, прошу васъ, ни съ «кѣмъ не говорите о содержаніи этого письма; «ибо надобно, чтобы дѣло было сдѣлано для «того чтобы сознаться, что о немъ помышляли.

«НАПОЛЕОНЪ.»

Прежде окончательнаго завладѣнія Голландіею, Наполеонъ вознамѣрился отдѣлить отъ нея Брабантъ и Зеландію въ замѣну другихъ областей, владѣніе коими было сомнительно; но Лудовикъ возсталъ противъ этого перваго дѣйствія хищничества; а Императоръ, слишкомъ озабоченный своимъ большимъ дѣломъ съ Испаніею для того, чтобы подвергнуться опасности произвесть какое либо движеніе на Сѣверъ, гдѣ уже ополченіе Россіи противъ Швеціи довольно его занимало, не сталъ настаивать, и даже показалъ родъ равнодушія касательно присоединенія, которое онъ хотѣлъ было сдѣлать къ землямъ Имперіи; такъ покрайнѣй мѣрѣ кажется, судя по другому письму изъ Сен-Клу отъ 17 Августа, написанному Наполеономъ къ своему брату тогда какъ онъ

узналъ отъ Г. Ла Рошфуко, Посланника своего въ Голландiи, и отъ самого брата своего о сопротивленiи Лудовика. Бонапарте выражался слѣдующимъ образомъ:

«Братецъ, я получилъ письмо ваше касательно предложенiя, сдѣланнаго вамъ Г-мъ Ла Рошфуко. Ему было поручено сдѣлать оное только «косвеннымъ образомъ, и если этотъ обмѣнъ «вамъ не угоденъ, то объ немъ не будетъ болѣе рѣчи. Безполезно было распространяться «при этомъ на счетъ правилъ, хотя я и никогда «не говорилъ вамъ, чтобы вы не совѣтовались «съ Государствомъ. Свѣдущiе Голландцы сообщили мнѣ, что для Голландiи будетъ совершенно все равно отдать Брабантъ, усѣянный «крѣпостями дорого стоющими и имѣющiй болѣе свойства съ Францiею, чѣмъ съ Голландiею, въ обмѣнъ на Сѣверныя области, богатыя и для васъ приличныя. Еще разъ, если «такое распоряженiе вамъ не нравится, то это «дѣло кончено. Вамъ даже не нужно было говорить объ ономъ, ибо Г-ну Ла Рошфуко приказано было только развѣдать касательно этого дѣла.»

Хотя очень сильная досада выказывалась изъ подъ этой притворной снисходительности, однакоже слогъ этого письма былъ чрезвычайно умѣренъ и даже можно сказать ласковъ, если сравнить его съ другими письма, которыя я

еще имѣю представить читателю. Правда, что вышеизложенное происходило до Эрфуртскаго свиданія и что тогда Наполеонъ, дабы не возбудить безпокойства Россіи, хотѣлъ представить свое честолюбіе, какъ будто уснувшимъ; но когда братъ его Іосифъ былъ признанъ и когда самъ онъ нанесъ блистательный ударъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, то онъ скоро перемѣнилъ обхожденіе свое съ Лудовикомъ, хотя еще и не доходя до тѣхъ крайностей, на которыя онъ въ послѣдствіи рѣшился. Изъ Тріанона отъ 20 Декабря написалъ онъ необычайно достопримѣчательное письмо, въ слѣдъ за симъ помѣщаемое; что касается до меня, то я нашелъ въ немъ Наполеона вполнѣ, равно какъ искренее выраженіе самовластія, коему онъ хотѣлъ поработить всѣхъ своихъ родныхъ, дабы сдѣлать ихъ орудіями своего честолюбія. Смѣю представить оное для наблюденія въ этомъ отношеніи тѣмъ, которые не знаютъ еще вполнѣ Наполеона, напыщеннаго своею славою и своимъ Императорскимъ всемогуществомъ.

»Милостивый Государь братецъ, я получилъ «письмо Вашего Величества; вы желаете чтобы «я объявилъ вамъ намѣренія мои касательно «Голландіи; я сдѣлаю это съ откровенностью. «Когда Ваше Величество вступили на Голландскій престолъ, то часть народа Голландіи желала присоединенія оной къ Франціи, уваже-

«ніе, внушенное мнѣ исторіею къ этой отлич-
«ной націи, побудило меня желать дабы она
«сохранила свое имя и свою независимость. Я
«самъ начерталъ ея Конституцію, долженствовав-
«шую быть основаніемъ престола Вашего Ве-
«личества и помѣстилъ васъ на оный. Я на-
«дѣялся, что воспитанные при мнѣ, Вы сохра-
«ните къ Франціи ту привязанность, коей вся-
«кое Государство имѣетъ право ожидать отъ
«дѣтей своихъ, а тѣмъ болѣе отъ Принцовъ. Я
«надѣялся, что воспитанные въ правилахъ моей
«политики, Вы почувствуете, что Голландія,
«бывъ завоевана моими народами, обязана сво-
«ею независимостью только ихъ великодушію;
«что Голландія, слабая, безъ союзниковъ, безъ
«арміи, и долженствовала быть завоеванною въ
«тотъ же день какъ она прямо противостанетъ
«Франціи; что она не должна отдѣлять своей
«политики отъ моей; что наконецъ Голландія
«связана договорами съ Франціею. И такъ я на-
«дѣялся, что возведя на Голландскій престолъ
«Принца моей крови, я нашелъ среднюю мѣру,
«могшую согласить выгоды двухъ Государствъ,
«соединивъ ихъ въ чувствѣ общей пользы и
«общей ненависти къ Англіи; и я гордился да-
«ровавъ Голландіи то, что ей было прилично
«также какъ чрезъ мой актъ посредничества я
«нашелъ то, что было прилично Швейцаріи,
«но я вскорѣ замѣтилъ, что я обольщался тщет-

«ною мечтою, надежды мои были обмануты. «Ваше Величество, вступивъ на Голландскій «престолъ, забыли что вы Французъ и даже «напрягли всѣ усилія своего разсудка, и мучили «свою совѣсть дабы убѣдить себя въ томъ что «вы Голландецъ. Голландцы, расположенные къ «Франціи, были пренебрежены и гонимы; тѣ «же, которые служили Англіи, отличены. Фран«цузы, начиная съ Офицеровъ до солдатъ, бы«ли гонимы и лишаемы уваженія, и я къ огор«ченію моему увидѣлъ въ Голландіи, при Госу«дарѣ моей крови, Французское имя, подвергав«шимся стыду. Однакоже я ношу въ моемъ «сердцѣ и я умѣлъ такъ высоко, на штыкахъ «солдатъ моихъ поддержать уваженіе и честь «Французскаго имени, что ни Голландіи, нико«му бы то ни было, не дано право оскорблять «его безнаказанно. Рѣчи Вашего Величества къ «вашему народу отзываются этимъ дурнымъ «расположеніемъ. Въ нихъ видны одни только «намеки на Францію; вмѣсто того, чтобы пода«вать примѣръ забвенія прошедшаго, онѣ без«престанно напоминаютъ его, льстя тѣмъ тай«нымъ чувствамъ и страстямъ враговъ Фран«ціи. И однакожъ, на что жалуются Голландцы? «Развѣ они не были завоеваны нашимъ оружі«емъ? Развѣ они необязаны своею независи«мостью великодушію моихъ народовъ? не долж«ны ли бы они благословлять великодушіе

«Францїи, которая постоянно открывала свои «каналы и свои таможни ихъ торговлѣ, кото-«рая воспользовалась своимъ завоеванїемъ толь-«ко для того, чтобы имъ покровительствовать «и которая до сихъ поръ употребляла могуще-«ство свое только для того, чтобы утвердить «ихъ независимость? Чѣмъ же можетъ оправ-«даться обидное для нацїи и оскорбительное «для меня поведенїе Вашего Величества? Вы «должны понимать, что я не отдѣляю себя отъ «моихъ предшественниковъ и что начиная отъ «Кловиса до Комитета Общественнаго Благосос-«тоянїя, я считаю себя за все обязавшимся; и «если говорятъ дурное о правительствахъ, мнѣ «предшествовавшихъ, то я принимаю это за на-«мѣренїе меня оскорбить. Я знаю, что у нѣкото-«рыхъ людей вошло въ моду хвалить меня и «порицать Францїю; но тѣ которые не любятъ «Францїю, не любятъ и меня; а тѣхъ которые «говорятъ дурно о моихъ народахъ, я считаю «величайшими моими врагами. Еслибъ у меня «была одна только эта причина неудовольст-«вїя видѣть презрѣнїе, коему подверглось Фран-«цузское имя въ Голландїи, то и тогда права «моей короны уполномочивали бы меня объ-«явить войну Государю, моему сосѣду, во «владѣнїяхъ коего дозволяются такїя оскорбле-«нїя противъ моихъ народовъ; я сего не сдѣлалъ.

«Но Ваше Величество очень ошиблись на

«счетъ моего характера; вы составили себѣ «ложное понятіе о моей добротѣ и о моихъ къ «вамъ чувствахъ; вы нарушили договоры, ва«ми со мною заключенные; вы разрушили свои «эскадры; распустили своихъ матросовъ и войс«ка, такъ что Голландія находится безъ сухопут«ныхъ силъ и безъ флота; какъ будто бы ма«газины съ товарами, купцы и прикащики мо«гутъ упрочить Державу; это составляетъ тор«говыя Общества, но нѣтъ Королей безъ фи«нансовъ, безъ средствъ для наборовъ и безъ «флотовъ.

«Ваше Величество сдѣлали больше: Вы вос«пользовались затрудненіями моими на *Твердой* «*Землѣ* для того, чтобы возобновить сношенія «Голландіи съ Англіею, и нарушить законы «блокады, единственнаго средства для нанесенія «существеннаго вреда этой Державѣ. Я изъявилъ «вамъ мое неудовольствіе за такое поведеніе, «воспретивъ въѣздъ во Францію и далъ вамъ «почувствовать, что даже безъ пособія моихъ «армій, закрывъ только Рейнъ, Везеръ, Шельду «и Маасъ для Голландіи, я приведу ее въ поло«женіе болѣе опасное, нежели тогда еслибъ я «объявилъ ей войну и я отдѣлилъ ее такимъ «образомъ, что она могла подвергнуться унич«тоженію.

«Этотъ ударъ отозвался въ Голландіи. Ваше «Величество прибѣгли къ моему великодушію,

«обратились къ моимъ братскимъ чувствамъ и «обѣщали перемѣнить поведенiе; я думалъ, что «этого опыта будетъ достаточно. Я снялъ на«ложенныя моими таможнями запрещенiя; но «Ваше Величество обратились къ своей преж«ней системѣ. Правда, что я находился тогда «въ Вѣнѣ и имѣлъ у себя на рукахъ тяжелую «войну. Всѣ Американскiя суда, приходившiя въ «порты Голландiи и не допускаемыя во Фран«цузскiя гавани, были принимаемы Вашимъ Ве«личествомъ. Я былъ принужденъ вторично за«крыть мои таможни Голландской торговлѣ; ко«нечно трудно было бы сдѣлать болѣе суще«ственное объявленiе войны. При такомъ поло«женiи вещей, мы дѣйствительно могли считать «себя состоящими въ войнѣ. Въ рѣчи моей За«конодательному Корпусу, я далъ почувствовать «мое неудовольствiе; ибо не скрою отъ васъ, «что я намѣреваюсь присоединить Голландiю «къ Францiи для нанесенiя тѣмъ жесточайшаго «удара Англiи и дабы избавиться тѣмъ отъ вѣч«ныхъ оскорбленiй, наносимыхъ мнѣ управляю«щими вашимъ кабинетомъ. Дѣйствительно устья «Рейна и Мааса должны мнѣ принадлежать. Су«ществующее во Францiи правило, что бечевой «путь (Thalweg) Рейна долженъ быть нашею «границею, есть коренное правило. Ваше Вели«чество пишете мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ «17 числа, что вы увѣрены, что будете въ со-

«стояніи воспрепятствовать всякой торговлѣ «Голландіи съ Англіею; что вы можете имѣть «флоты, финансы и арміи; что вы возстановите «правила Конституціи, не давая никакихъ пре«имуществъ дворянству, уничтоживъ Земскую «Стражу, которая есть только одна карикатура «и несовмѣстна съ второстепенною Державою; «наконецъ что вы прикажете захватить всѣ «складочные магазины колоніяльныхъ товаровъ «и все привезенное на Американскихъ судахъ, «не долженствовавшихъ войти въ ваши гавани. «Мое мнѣніе таково, что Ваше Величество при«нимаете на себя обязательства, которыхъ вы «не въ состояніи выполнить и что присоедине«ніе Голландіи къ Франціи чрезъ сіе только от«срочивается. Признаюсь, что я не болѣе нахо«жу выгодъ въ присоединеніи къ Франціи зе«мель праваго берега Рейна, какъ и въ присое«диненіи къ оной Великаго Герцогства Бергска«го и Ганзейскихъ городовъ. И такъ я могу о«ставить Голландіи правый берегъ Рейна и при«кажу моимъ таможнямъ снять запрещенія ког«да существующіе и возобновленные договоры «будутъ исполнены. Вотъ мои намѣренія:

«1. Запрещеніе всякой торговли и всякаго со«общенія съ Англіею.

«2. Флотъ изъ четырнадцати линейныхъ ко«раблей, изъ семи фрегатовъ и изъ семи бриговъ «или корветъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ.

Digitized by Google

«3. Сухопутная армія изъ двадцати пяти тысячъ человѣкъ.

«4. Уничтоженіе Земской Стражи.

«5. Отмѣну всѣхъ преимуществъ дворянства, «противныхъ Конституціи, которую я далъ и «за которую я былъ порукою.

«Ваше Величество можете договариваться на «сихъ основаніяхъ съ Герцогомъ Кадорскимъ, «чрезъ посредство вашего Министра; но вы можете быть увѣрены, что при первомъ пакетботѣ, допущенномъ въ Голландію, я возобновлю мои таможенныя запрещенія; что же касается до обиды, которая будетъ нанесена моему флагу, то я прикажу схватить вооруженною рукою и повѣсить на гротъ мачтѣ Голландскаго Офицера, который дозволитъ себѣ «оскорбить орла моего. Ваше Величество найдете во мнѣ брата, если я найду въ васъ Француза; но если вы забудете чувства, привязывающія васъ къ общему отечеству, то вы не «осудите если и я забуду тѣ, коими природа «насъ соединила. Короче сказать, присоединеніе «Голландіи къ Франціи есть то, что можетъ «быть наиболѣе полезно для Франціи, для Голландіи, для Твердой Земли; ибо это наиболѣе «причинитъ вреда Англіи. Это присоединеніе можетъ быть произведено добровольно или силою; я достаточно имѣю причинъ къ неудовольствіямъ для того, чтобы объявить сій вой-

«ну. Впрочемъ я безъ затрудненія соглашусь на «распоряженіе, коимъ мнѣ уступится граница «Рейна и коимъ Голландія обяжется исполнять «вышеизложенныя условія.

«Преданный вамъ братъ

«НАПОЛЕОНЪ.»

Переписка между двумя братьями на нѣсколько времени остановилась; но Лудовикъ тѣмъ не менѣе подвергался разнымъ досадамъ и притѣсненіямъ отъ Наполеона. Когда сей послѣдній въ концѣ 1809 года созвалъ въ Парижъ Государей, которыхъ очень можно назвать Вассалами его Имперіи, то онъ пригласилъ туда и *Лудовика*, которому вовсе не хотѣлось выѣзжать изъ своихъ владѣній. Онъ созвалъ на совѣтъ своихъ Министровъ, которые разсудили, что для выгодъ Голландіи ему слѣдуетъ сдѣлать это новое пожертвованіе и онъ сдѣлалъ его съ готовностью, ибо жизнь *Лудовика* на престолѣ была цѣпью ежедневныхъ пожертвованій.

Лудовикъ жилъ въ Парижѣ очень уединенно, наблюдаемый всѣми Полиціями, ибо думали, что пріѣхавъ противъ воли, онъ не пробудетъ столько времени, сколько желалъ Наполеонъ. Въ этомъ отношеніи не ошибались, но всѣ попытки сдѣлались безполезными. Даже самый надзоръ и хитрые ковы, которыхъ онъ былъ предметомъ, придали ему такую силу характе-

ра, къ коей его не считали способнымъ; и посреди всеобщаго безмолвія высшихъ сановниковъ Имперіи, Принцевъ и Королей, собравшихся въ столицѣ, — онъ дерзнулъ громко сказать: «Я былъ обманутъ обѣщаніями, которыя никогда не располагали исполнить; Голландіи надоѣло быть игрушкою Франціи!» Слухъ Императора, не привыкшій къ такимъ рѣчамъ, очень ими оскорбился и съ тѣхъ поръ Лудовику осталось только на выборъ, или покориться безпрестанно возобновлявшимся требованіямъ Наполеона или увидѣть Голландію присоединенною къ Франціи. Лудовикъ наконецъ избралъ послѣднее; но не безъ борьбы всѣми своими слабыми силами въ пользу подданныхъ, ввѣренныхъ ему Наполеономъ, ибо онъ не желалъ быть соучастникомъ того, который хотѣлъ сдѣлать ихъ жертвою слѣпой своей ненависти противъ Англіи.—И дѣйствительно, какое ослѣпленіе! Надобно было закрыть глаза для того, чтобы не видѣть, что разореніе Твердой Земли, есть торжество Британской торговли. Что касается до меня, то находясь въ Гамбургѣ и видя тѣже причины, производящія тѣже бѣдствія, я душевно жалѣлъ о Лудовикѣ, ибо зная его хорошо, я воображалъ себѣ, сколько его должно огорчать зло, которому онъ еще менѣе меня былъ въ состояніи помогать.

Однакоже Лудовику позволили возвратиться

въ свои владѣнія, дабы увидѣть бѣдствіе, коимъ Континентальная система какъ будто желѣзною сѣтью придавала свою промышленность, нѣкогда столь дѣятельную, въ областяхъ Голландіи. Наконецъ, будучи не въ состояніи долѣе выдержать, съ растерзаннымъ сердцемъ при видѣ бѣдствій, противъ коихъ у него не было никакихъ средствъ, — онъ попытался умнымъ, осторожнымъ письмомъ отклонить, угрожавшую Голландіи, совершенную гибель; 23 Марта 1810 года, онъ написалъ Наполеону:

«Если вы желаете утвердить настоящее со-«стояніе Франціи и пріобрѣсть на моряхъ миръ «или успѣшно напасть на Англію, то не та-«кими мѣрами какъ блокада, вы въ томъ успѣете; «не уничтожая Государство, вами основанное; «не ослабляя вашихъ союзниковъ и не оказы-«вая не уваженія къ ихъ священнѣйшимъ пра-«вамъ и къ первымъ началамъ правъ человѣ-«чества и справедливости; но напротивъ того, «заставляя любить Францію, утверждая и уси-«ливая союзниковъ столь надежныхъ, какъ ваши «братья. Уничтоженіе Голландіи не только не «повредитъ Англіи, но напротивъ того увели-«читъ ея выгоды всею промышленностью и «всѣми богатствами, которыя будутъ искать въ «ней убѣжища. Къ пораженію Англіи есть толь-«ко три способа, или отдѣлить отъ нея Ирлан-«дію, или завладѣть Восточною Индіею, или

«сдѣлать высадку. Два послѣднiя средства, хотя «наиболѣе дѣйствительныя, неудобоисполнимы «безъ флота; но я удивляюсь, почему такъ легко «отказались отъ перваго: это гораздо болѣе вѣр«ный способъ прiобрѣсть миръ и выгодныя «условiя, чѣмъ вредить самимъ себѣ и своимъ, «въ надеждѣ причинить тѣмъ бóльшее зло не«прiятелю.

«ЛУДОВИКЪ.»

Письменныя увѣщанiя столь же мало нравились Наполеону, какъ и тѣ, которыя кто либо дозволялъ себѣ дѣлать ему словесно, въ ту эпоху когда никто уже не смѣлъ начинать съ нимъ разговора иначе, какъ для того, чтобы отвѣчать если онъ спрашивалъ. Камбасересъ, который одинъ сохранилъ еще право дѣлать это публично въ качествѣ своемъ бывшаго товарища по Консульству, лишился онаго подобно какъ и другiе, послѣ брака Наполеона съ Императорскою дщерью. И такъ письмо Лудовика, чрезвычайно его прогневило. Черезъ два мѣсяца, объѣзжая Сѣверъ онъ написалъ къ нему изъ Остенде письмо, истинно жестокое и коего чтенiе возбуждаетъ тяжкое чувство, когда подумаешь о томъ, какъ слабы самыя священныя кровныя узы, когда они кладутся на вѣсы съ выгодами ненасытной политики. Вотъ это письмо, образецъ надмѣнности и злоупотребленiя силы.

«Братецъ, въ положеніи, въ которомъ мы на-«ходимся, должно говорить откровенно: я знаю «ваши самыя тайныя чувства и всѣ ваши воз-«раженія, ни къ чему бы не послужили. Что «Голландія находится въ затруднительномъ по-«ложеніи — это правда и я понимаю, что вы «желаете изъ онаго выйти; но не я могу это-«му чѣмъ нибудь помочь, — а вы и одни вы. «Когда вы поведете себя такимъ образомъ, что «Голландцы увѣрятся, что вы дѣйствуете по мо-«ему внушенію, что всѣ ваши поступки, всѣ ваши «чувства сообразны съ моими, тогда вы будете «любимы, вы будете уважаемы и пріобрѣтете необ-«ходимую для возстановленія Голландіи самостоя-«тельность. Когда друзья Франціи и мои будутъ «въ милости при Дворѣ вашемъ, тогда вся Гол-«ландія придетъ въ свое естественное положе-«ніе. Со времени возвращенія вашего изъ Па-«рижа вы ничего не сдѣлали для этого. Какія «слѣдствія будетъ имѣть ваше поведеніе? ваши «подданные, находясь между Франціею и Англі-«сю, въ затруднительномъ положеніи и желая «выйти изъ онаго, станутъ громогласно требо-«вать присоединенія. Если знаніе моего харак-«тера, состоящаго въ томъ, чтобы итти прямо «къ цѣли, не смотря ни на какія препятст-«вія — до сихъ поръ васъ не научило, то что «прикажете мнѣ дѣлать? Я могу обойтиться безъ «Голландіи, но Голандія не можетъ обойтиться

«безъ моего покровительства. Если, состоя подъ «владычествомъ одного изъ моихъ братьевъ, и «ожидая отъ меня только своего спасенiя, она «не найдетъ въ немъ моего образа, то вы истре«бите всю довѣренность къ вашему управленiю; «вы сами преломите свой скипетръ. Любите «Францiю, любите мою славу; это единствен«ное средство услужить Королю Голландскому. «Еслибъ вы были тѣмъ, чемъ вы долженство«вали быть, то Голландiя, ставъ частью моей «Имперiи, сдѣлалась бы для меня тѣмъ болѣе «драгоцѣнною, что я далъ ей Государя, быв«шаго почти моимъ сыномъ. Возведя васъ на «Голландскiй престолъ я думалъ, что помѣщаю «на оный Французскаго гражданина; вы послѣ«довали совершенно по противоположной сте«зѣ; я принужденнымъ нашелся за переть для «васъ Францiю и овладѣть частью земли вашей. «Являя себя дурнымъ Французомъ, вы менѣе «значите для Голландцевъ, чѣмъ Принцъ Оран«скiй, коему они обязаны за степень нацiи и «и за многiя лѣта благоденствiя и славы. Гол«ландiи доказано, что ваше отдаленiе отъ Фран«цiи лишило ее того, чего бы она не потеряла «ни при Шиммельпенникѣ, ни при Принцѣ «Оранскомъ. Будьте прежде всего Французомъ «и братомъ Императора и вѣрьте, что вы этимъ «доставите выгоды Голландiи. Жребiй брошенъ, «вы неисправимы; вы уже хотите изгнать не-

«многихъ Французовъ, у васъ остающихся: не «совѣты, не извѣщенія и не ласки вамъ нужны, «а угрозы и силы. Что значатъ молитвы и «таинственные посты, которые вы повелѣли? «Лудовикъ, вы не хотите долго царствовать; «всѣ ваши поступки лучше чѣмъ письма «обнаруживаютъ чувства души вашей; покинь«те ложный путь; будьте въ сердцѣ Францу«зомъ, или вашъ народъ васъ прогонитъ и вы «выѣдете изъ Голландіи, сдѣлавшись предметомъ «посмѣянія и посмѣянія Голландцевъ. (*)

«НАПОЛЕОНЪ»

Едва это письмо было написано и отослано къ Лудовику, какъ Наполеонъ узналъ о лакейской ссорѣ, которой Графъ де ла Рошфуко, безъ сомнѣнія зная, что онъ угодитъ своему Государю доставя предлогъ его гнѣву, захотѣлъ придать дипломатическую важность; дѣйствительно было доказано, что честь его кучера пострадала отъ обиды, нанесенной ему Амстердамскимъ гражданиномъ Оскорбленная ливрея потребовала удовлетворенія и изъ этого возникла ссора, которая могла бы имѣть дурныя послѣдствія, еслибъ дворцовая стража не поспѣшила раз-

(*) Напротивъ того, за то что Король Голландіи Лудовикъ, сдѣлался Голландцемъ, *народъ его* не выгналъ его, по объ немъ жалѣли всѣ Голландцы, имѣвшіе случай оцѣнить его превосходныя качества и довольно разсудительные для того, чтобы видѣть, что не ему должно было приписывать бѣдствія, удручавшія Голландію.

пять противниковъ. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ своего Посланника въ Лиллѣ, черезъ три дня по отсылкѣ вышепомѣщеннаго письма къ брату, Наполеонъ на писалъ къ нему грозное посланіе единственно по случаю обиды, нанесенной кучеру Г-на Ла Рошфуко. Знаменитый сочинитель *Правилъ* не болѣе показывалъ взыскательности, возставая противъ Государей. Какъ бы то ни было, а Наполеонъ написалъ къ Лудовику въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Братецъ, въ ту самую минуту какъ вы разсыпаетесь предо мною въ увѣреніяхъ, я узнаю «что люди моего Посланника были обижены въ «Амстердамѣ. Я требую, чтобы тѣ, которые въ «этомъ противъ меня провинились, были выданы мнѣ, дабы месть моя на нихъ, послужила «примѣромъ. Г Серюрье донесъ мнѣ о томъ, «какъ вы поступили на дипломатической аудіенціи. Объявляю вамъ, что я не хочу имѣть болѣе Голландскаго Посланника въ Парижѣ; Адмиралу Вергюелю приказано отправиться «чрезъ двадцать четыре часа. Мнѣ ужъ не «нужны слова и увѣренія; пора мнѣ узнать, хотители вы сдѣлать несчастіе Голландіи и вашими безразсудствами погубить эту землю. Я «также не хочу, чтобы вы посылали Министра «въ Австрію; я также не хочу, чтобы вы отсылали Французовъ, находящихся въ вашей службѣ. Я отозвалъ моего Посланника; я буду имѣть

«въ Голландіи только повѣреннаго въ дѣлахъ. «Г. Серюрье, остающійся тамъ въ этомъ званіи, «сообщитъ вамъ мои намѣренія. Я не хочу бо«лѣе подвергать Посланника вашимъ обидамъ. «Не пишите мнѣ вашихъ обыкновенныхъ дово«довъ: вотъ уже три года, какъ вы мнѣ ихъ «повторяете и каждая минута доказываетъ ихъ «лживость.

«Это послѣднее письмо въ моей жизни, ко«торое я пишу къ вамъ

«НАПОЛЕОНЪ.»

Нѣтъ нужды замѣчать, ибо это безъ сомнѣнія всякаго поразило, что поведеніе Наполеона съ братомъ показало на дѣлѣ басню *Волкъ и Ягненокъ*, съ тою только разницею, что при этомъ случаѣ ягненку Лудовику слѣдовало бы сказать, когда ему приписывали несчастія Голландіи: «Если это не *я*, такъ братъ *мой*.»

Доведенный этимъ до послѣдней крайности, поставленный въ жестокую необходимость, или угнести Голландію своими собственными руками или предоставить сдѣлать это своему брату, Лудовикъ не сталъ колебаться, и рѣшился отложить скипетръ, который ему не дозволено было сдѣлать отеческимъ. Рѣшась на это, онъ написалъ манифестъ къ Законодательному Корпусу Голландскаго Королевства для объявленія ему весьма законныхъ причинъ своего отреченія. Дѣйствительно могло ли быть, что либо

законнѣе этого поступка, сдѣланнаго въ слѣдствіе занятія войсками земли, соединенной съ Имперіею такъ называемымъ прежде семейнымъ союзомъ; но тогда ничто не останавливало Наполеона въ дѣйствіяхъ его воли. Подъ начальствомъ Герцога Реджіо Французскія войска вступили въ Голландію, и этотъ Маршалъ, бывшій тамъ болѣе Королемъ, чѣмъ самъ Король, грозилъ занять Амстердамъ, сдѣлавшійся тогда столицею Голландіи. И такъ Лудовикъ сошелъ со своего престола, а черезъ четыре года послѣ того, Наполеонъ былъ низверженъ со своего.

«Давно уже,» говорилъ Лудовикъ въ своемъ манифестѣ, «я предвижу крайность, до которой «я доведенъ; но я не могъ избѣгнуть оной иначе, какъ измѣнивъ священнѣйшимъ изъ моихъ «обязанностей, переставъ принимать участіе въ «пользахъ земли моей и соединять мой жребій «съ ея жребіемъ; я не въ состояніи былъ этого «сдѣлать.»

Тутъ Лудовикъ намекаетъ на предложенный проэктъ защиты Амстердама отъ Французскихъ войскъ, проэктъ конечно безумный, но коему честный человѣкъ, Король Голландіи, не могъ первый воспротивиться. «Почему знать,» говорилъ Лудовикъ въ другомъ мѣстѣ, «можетъ «быть я единственное препятствіе къ примиренію этой земли съ Франціею; и если это такъ, «то я бы могъ найти нѣкоторое утѣшеніе вла-

«на странственную и томительную жизнь въ «удаленіи отъ первыхъ предметовъ моей живѣй-«шей привязанности.»

Послѣ этого манифеста, Лудовикъ обнародовалъ актъ своего отреченія; онъ ссылался на несчастное положеніе Королевства, которое онъ приписывалъ неблаговоленію къ нему его брата; на безполезность его усилій и пожертвованій для прекращенія такого состоянія вещей; наконецъ на то, что онъ считалъ себя причиною несогласій, безпрестанно возобновлявшихся между Французскою Имперіею и Голландіею. Но достойно замѣчанія, что Лудовикъ, *отрекаясь* отъ Голландской короны, счелъ *себя* въ правѣ отрещись отъ оной въ пользу своего сына, точно также, какъ черезъ четыре года послѣ этого, Наполеонъ счелъ *себя* въ правѣ отречься отъ своей въ пользу Короля Римскаго. И если въ исторіи Наполеона поискать такихъ сближеній, то сколько разъ увидятъ, что подвергшись ужасному перевороту судьбы, онъ былъ пораженъ тѣми же самыми ударами, которыми онъ угнеталъ другихъ въ эпоху своего необъятнаго счастія.

Лудовикъ простился съ Голландцами прокламаціею, въ которой онъ говорилъ имъ:

«Искренно убѣжденный въ томъ, что я ниче-«го уже не могу сдѣлать для вашей выгоды и «для вашего благосостоянія, и считая себя на-

«противъ того препоною къ возвращенію благорасположенія моего брата къ землѣ сей, я «отрекся отъ престола въ пользу старшаго моего сына Наслѣднаго Принца Наполеона-Лудовика и брата его Принца Карла-Лудовика-Наполеона. Ея Величеству Королевѣ принадлежитъ «по Конституціи право Регентства; до прибытія «же ея, управленіе ввѣрено совѣту Министровъ.

«Голландцы! я никогда не забуду столь добраго и добродѣтельнаго народа, каковы вы; «послѣдняя моя мысль и послѣдній вздохъ мой «будутъ за ваше счастіе. Разставаясь съ вами, я «убѣдительно совѣтую вамъ оказать хорошій «пріемъ Французскимъ солдатамъ и агентамъ; «это лучшее средство угодить Его Величеству «Императору, отъ котораго жребій вашъ, дѣтей «вашихъ и земли вашей совершенно зависитъ.

«Теперь когда зложелательство и клевета не «могутъ уже болѣе меня поражать, покрайнѣй «мѣрѣ въ томъ, что до васъ касается, я питаю «справедливую надежду, что вы наконецъ обрѣтете награду за всѣ ваши пожертвованія и за «вашу мужественную настойчивость и покорность судьбѣ.

«ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ.»

Обнародовавъ это воззваніе въ видѣ прощанья съ Голландцами, Лудовикъ удалился къ Теплицкимъ водамъ. Онъ жилъ тамъ уединенно и покойно, когда узналъ что братъ его, не

уваживъ условій его отреченія, присоединилъ Голландію къ Имперіи. Тогда онъ обнародовалъ протестъ, ниже помѣщенный. Мнѣ попался въ руки одинъ экземпляръ этого документа, строго запрещеннаго Полиціею:

«Обстоятельства, побудившія меня передать «корону Наслѣдному Принцу, почти извѣстны «Государямъ, съ которыми я находился въ сно«шеніяхъ. Не прежде какъ черезъ нѣсколько «времени, всѣ эти подробности могутъ быть «обнаружены.. Удалясь къ Его Величеству Им«ператору и Королю Франциску II-му, я хо«тѣлъ хранить молчаніе; но я принужденъ нынѣ «нарушить оное увидѣвъ въ журналахъ указъ 9 «Іюля. Меня принуждаютъ къ тому выгоды «моей земли, мое оправданіе, и имя юнаго Ко«роля, теперь еще малолѣтнаго, но который «долженъ достигнуть совершеннолѣтія не ли«шась правъ на корону, дарованныхъ ему Бо«гомъ и націею.

«Нынѣшнія обстоятельства, дѣлающія невоз«можнымъ обнародованіе малѣйшихъ актовъ и «документовъ безъ воли Императора, моего «брата, сомнительное и уединенное положеніе, «въ которомъ я нахожусь, будучи окруженъ не«испытанными людьми, все затруднитъ доставку «и обнародованіе этого акта; но чувства, пи«таемыя мною къ Императору Франциску и «къ Императору Александру, внушаютъ мнѣ

«надежду, что я нѣкогда найду случай вѣрно «вручить имъ оный и тѣмъ доставить націи и «сыну моему способъ къ отысканію ихъ правъ «и къ оправданію моей памяти, когда обстоя«тельства то позволятъ.

«Конституція Государства, утвержденная Им«ператоромъ, моимъ братомъ, давала мнѣ право «отречься въ пользу дѣтей моихъ. Это отрече«ніе было сдѣлано по смыслу и формамъ, пред«писаннымъ Конституціею.

«Императоръ не имѣлъ никакого права объ«явить войну Голландіи и онъ этого не сдѣ«лалъ:

«Нѣтъ никакого акта, никакого соглашенія, «никакой просьбы Голландскаго народа, кото«рые подали бы поводъ къ сему присоединенію.

«Мое отреченіе не оставляетъ престолъ «упраздненнымъ; я отрекся только въ пользу «дѣтей моихъ.

«Такъ какъ это отреченіе оставляло Голлан«дію еще на двѣнадцать лѣтъ подъ регент«ствомъ, т. е. подъ непосредственнымъ вліяні«емъ Императора, на основаніяхъ Конституціи, «то ему не было никакой нужды въ этомъ при«соединеніи для исполненія всей его воли про«тивъ торговли и противъ Англіи, поелику чрезъ »сіе въ Голландіи не было бы другой воли, «кромѣ его.

«По этому послѣднему отношенію дока-

зано предъ глазами цѣлаго свѣта, предъ «глазами Государей, находящихся въ мирѣ «съ Францїею и Голландїею и предъ глазами «всѣхъ Французовъ, что ссоры, упреки и обви- «ненія, столь часто повторяемыя въ журналахъ «и офиціяльныхъ актахъ противъ Голландіи и «противъ меня, были только клеветою и пред- «логомъ къ произведенію присоединенія. Еслибъ «это не было съ давняго уже времени цѣлью «политики противъ Голландскаго Короля, то «конечно одобрили бы его отреченіе, которое «доставляло Императору полную власть надъ «Голландіею, ибо, по смыслу Конституціи, онъ «имѣлъ право назначить Регента. Такимъ обра- «зомъ не побоялись изъ имени Императора и «брата его, сдѣлать орудіе вѣроломства и смерти «для всей націи.

«Такимъ образомъ доказано, что Король про- «тивъ воли долженъ былъ служить посредни- «комъ присоединенія; подобно какъ правленіе «великаго Пансіонера служило посредникомъ «для учрежденія Монархіи.

«Но я вступилъ на престолъ безъ всякихъ «другихъ условій кромѣ тѣхъ, которыя нала- «гали на меня, моя совѣсть, мои обязанности, «выгоды и благосостояніе моего народа. Посему «объявляю предъ Богомъ и предъ независимыми «Государями, къ которымъ я обращаюсь:

«1. Что трактатъ 16 Марта 1810 года, по-

«давшій случай къ отдѣленію отъ Голландіи «областей Зеландіи и Брабанта, былъ принятъ «насильно и утвержденъ мною условно въ Парижѣ, гдѣ меня удерживали противъ моей «воли; что сверхъ того, онъ никогда не былъ «исполненъ со стороны Императора моего брата. Вмѣсто шести тысячъ Французовъ, которыхъ я обязанъ былъ содержать по смыслу «договора, это число было болѣе чѣмъ удвоено; «вмѣсто того, чтобы занимать только устья «рѣкъ и морской берегъ, Французскіе таможенные овладѣли внутренностью страны; вмѣсто «того, чтобы принимать только мѣры касательно блокады Англіи, захватили Государственные «магазины; самовластно заключили Голландцевъ; «и наконецъ не сдержали ни одного изъ словесныхъ обѣщаній, сдѣланныхъ Министромъ «Иностранныхъ Дѣлъ Герцогомъ Кадорскимъ «отъ имени Императора о вознагражденіяхъ за «земли, уступленныя вышеупомянутымъ договоромъ; о смягченіи исполненія онаго, если «Король совершенно предоставитъ это Императору и проч. Объявляю отъ имени моего, націи и моего сына, предписанный мнѣ 16 «Марта 1810 года Императоромъ трактатъ, «недѣйствительнымъ и неимѣющимъ никакой «силы.

«2. Объявляю, что мое отреченіе сдѣлано «только въ самой послѣдней крайности, когда

«Императоръ братъ мой принудилъ меня къ «этому; что мнѣ слѣдовало соблюсти права Голландіи и дѣтей моихъ и что опо сдѣлаю не «иначе, какъ въ пользу сихъ послѣднихъ.

«3. Отъ имени моего, отъ имени несовершен«нолѣтняго Короля и Голландской націи объ«являю мнимое присоединеніе Голландіи къ «Франціи, объявленное въ указѣ Императора «моего брата отъ 9 прошедшаго Іюля, недѣй«ствительнымъ и неимѣющимъ никакой силы, «беззаконнымъ, несправедливымъ, самовласт«нымъ предъ Богомъ и предъ людьми, коихъ «оно оскорбляетъ всѣ права; предоставляя на«ціи и малолѣтному Королю отыскивать спра«ведливыя права свои, когда позволятъ обстоя«тельства.

«Дано въ Теплицѣ въ Богеміи. Актъ сей на«писанъ и подписанъ моею собственною ру«кою съ приложеніемъ Государственной печати «1 Августа 1810.»

«ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ.»

Такимъ образомъ, казалось, долженствовали бы кончиться сношенія между двумя братьями столь противоположныхъ свойствъ. Но Наполеонъ, раздраженный тѣмъ, что Лудовикъ осмѣлился протестовать противъ присоединенія его Королевства къ Имперіи, что было сдѣлано, какъ видѣли въ сильныхъ выраженіяхъ, прика-

залъ объявить ему, что онъ требуетъ его во Францію, по званію его Коннетабля и Французскаго Принца. Лудовикъ не заблагоразсудилъ повиноваться этому приказу и тогда-то Наполеонъ, въ гнѣвѣ своемъ, держа однакоже данное имъ въ послѣднемъ письмѣ слово не писать къ нему болѣе, приказалъ написать къ нему слѣдующее письмо Г-ну Отто, Посланнику своему въ Вѣнѣ, со времени недавняго еще брака Императора съ Маріею Луизою.

«Государь,

«Императоръ повелѣлъ мнѣ написать къ Вашему Величеству слѣдующее:

«Всякій Французскій Принцъ и всякій членъ «Императорскаго Дома обязанъ жить во Франціи и не долженъ выѣзжать изъ оной иначе, «какъ съ позволенія Императора. Послѣ при«соединенія Голландіи къ Имперіи, Императоръ «допустилъ Королю жить въ Теплицѣ въ Боге«міи. Здоровье его казалось того требовало; но «нынѣ Императору благоугодно, чтобы Принцъ «Лудовикъ, какъ Французскій Принцъ и какъ «Сановникъ Имперіи, прибылъ въ оную не «позже 1 числа будущаго Декабря мѣсяца, подъ «опасеніемъ, что онъ будетъ сочтенъ ослушни«комъ Конституціи Имперіи и главы его се«мейства, и что съ нимъ будетъ поступлено «какъ съ таковымъ.

«Я исполняю Государь, слово въ слово данное «мнѣ порученіе и посылаю перваго Секретаря «Посольства, для удостовѣренія въ исправномъ «доставленіи сего письма.

«Прошу Ваше Величество принять изъявле«ніе моего глубочайшаго почтенія.

«Французскій Посланникъ при Вѣнскомъ «Дворѣ ОТТО.»

Каково это письмо, написанное подданнымъ къ Принцу, который былъ сдѣланъ Королемъ! —Когда мнѣ случилось въ послѣдствіи увидѣться съ Г-мъ Отто въ Парижѣ, то зная какъ я люблю Лудовика, онъ заговорилъ со мною о немъ и сказалъ: какъ ему дорого стоило написать столь мало почтительное письмо къ брату Императора; но что онъ употребилъ тѣ самыя слова, которыя Наполеонъ продиктовалъ ему въ своемъ раздраженіи, овладѣвшемъ имъ тогда, какъ не покорялись игу его воли. Я еще буду говорить о Лудовикѣ Бонапарте и въ особенности о Гортензіи, въ послѣдней части моихъ Записокъ, но я не имѣю ничего уже болѣе сказать о Королѣ Голландскомъ.

++

ГЛАВА IX.

Мечъ Бонапарте, основаніе его Имперіи.—Требованіе войскъ у Державъ, при коихъ я былъ Посланникомъ.—Неудача.—Политика Меттерниха.—Тугуты и Кауницы.—Россія относительно Франціи.—Связь Австріи и Россіи.—Возвращеніе Англичанъ въ Испанію.—Желаніе Сульта, сдѣлаться Королемъ Португальскимъ, а Мюрата, наслѣдникомъ Императора.—Первый наборъ земскаго ополченія въ Австріи.—Гамбургскій Кореспондентъ и чиновникъ Военнаго Министерства въ Вѣнѣ.—Прежнія обстоятельства кампаніи 1809 года.—Письмо Наполеона къ Императору Австрійскому.—Моя преждевременная увѣренность о неизбѣжности войны.—Мечты Австріи.—Нота Принца Карла, сообщенная въ Парижъ посредствомъ Телеграфа.—Невѣроятная быстрота Наполеона.—Принятіе начальства надъ Баварскими солдатами.—Воззваніе Императора къ войску.—Оссіанъ и Бонапарте.

И такъ Бонапарте, коего Имперія имѣла основаніемъ только мечь его и побѣды, всегда занятый своими обширными замыслами, и без-

Digitized by Google

престанно устремляющійся къ той минутѣ, когда всѣ Государи Твердой Земли Европы сдѣлаются его *младшими*, потребовалъ, какъ выше сказано, участковъ вспомогательныхъ войскъ отъ Державъ, при коихъ я находился Посланникомъ. Мекленбургъ - Шверинское Герцогство должно было поставить полкъ изъ 1800 человѣкъ, другія малыя державы какъ то Ольденбургъ, Мекленбургъ - Стрелицъ также обязывались поставить по соразмѣрности меньшие отряды. Вся Европа долженствовала ополчиться для содѣйствія исполинскимъ замысламъ новаго властелина. Это требованіе вспомогательныхъ войскъ и настоятельность Императора по сему предмету подали поводъ къ огромной перепискѣ, неимѣвшей никакихъ послѣдствій. Ноты и приказанія остались въ портфёлѣ, а вспомогательныя войска въ своемъ отечествѣ. У Сѣвера ли ему слѣдовало требовать солдатъ для того, чтобы итти противъ Сѣвера? Я уже сказалъ, какая иногда представлялась невозможность къ удовлетворенію этихъ непомѣрныхъ требованій, когда потребовавъ отъ Ганзейскихъ городовъ три тысячи матросовъ, онъ получилъ только пятую часть сего числа.

Г. Меттернихъ, коего въ послѣдствіи узнали рѣдкое искуство, былъ уже болѣе года Австрійскимъ Посланникомъ въ Парижѣ. Онъ тогда уже отличался умѣніемъ управлять умами и обра-

щать въ пользу своего положенія свои наружныя пріятности и успѣхи свои въ гостиныхъ. Отецъ его, человѣкъ искусный, воспитанный въ старинной политикѣ Тугутовъ и Кауницовъ, заблаговременно пріучилъ его заставлять другія Правительства чрезъ своихъ агентовъ вѣрить тому, что могло ввести ихъ въ заблужденіе, полезное для того Правительства, которое производило съ ними дѣла. Сими способами онъ успѣлъ довести до того, что Австрія приняла непріязненный, надменный видъ; и желая—по словамъ ея, обеспечить свою независимость, она объявила, что приметъ мѣры для предохраненія себя отъ всякихъ предпріятій, противъ нея устроиваемыхъ, и коихъ она часто была жертвою. Эти рѣчи, ободряемыя совершеннымъ выходомъ Французовъ изъ Германіи и Испанскою войною, коей вообще предвидѣли дурную развязку, говорили посреди мира, когда Франція вовсе не находилась на грозной военной ногѣ.

Г. Меттернихъ, имѣвшій наставленія отъ двора своего, не отвѣчалъ ничего опредѣлительнаго Императору, который вдругъ созвалъ Конскрипцію и приказалъ, какъ увидятъ воротиться своей арміи изъ Испаніи для того, чтобы обратить ее на Германію.

Нужно также было согласиться съ Россіею, которая будучи занята своею войною съ Финляндіею и съ Турціею, казалось не хотѣла всту-

пить въ союзъ съ Австріею, ни поддержать ее своимъ оружіемъ. И точно, каково было положеніе Императора Александра относительно Франціи? Онъ подписалъ въ Тильзитѣ миръ, который онъ считалъ принужденнымъ и былъ увѣренъ, что одно только время приведетъ возможность принять участіе въ борьбѣ, долженствовавшей, какъ по всему казалось, начатыя или противъ Россіи или противъ Австріи.

Для всякаго разсудительнаго человѣка было очевидно, что Австрія производя свое ополченіе надѣется если не на содѣйствіе, то покрайней мѣрѣ на нейтралитстъ Россіи. Держава сія имѣла тогда двухъ непріятелей: Шведовъ и Турокъ, съ коими она надѣялась выгоднымъ образомъ кончить. Посему съ радостью видѣла Францію вступающую вновь въ ужасную борьбу съ Австрійскими силами, и не подлежало сомнѣнію, что она поспѣшитъ воспользоваться благопріятными Австріи обстоятельствами, дабы присоединиться къ ней противъ посягательствъ Франціи. Я никогда не могъ постигнуть, какимъ образомъ, въ этомъ положеніи вещей Наполеонъ ослѣпился до того, что вздумалъ прибѣгнуть къ помощи Россіи въ распряхъ своихъ съ Австріею. Уже конечно онъ очень былъ обманутъ на счетъ взаимныхъ отношеній этихъ двухъ Дворовъ, на счетъ существовавшаго между ими дружества и совершеннаго ихъ союза

для сопротивленія безпрестанно возраставшему честолюбію ихъ общаго непріятеля, который овладѣлъ Испаніею, что имѣло не малое вліяніе на рѣшимость Австріи. Согласіе на то въ Эрфуртѣ Императора Александра, было скорѣе дѣломъ вѣжливости, чѣмъ политики.

Вообще все, происходившее тогда на твердой земле было къ выгодѣ Англіи. Державы твердой земли ослабѣвали, бѣднѣли чрезъ войны свои съ Франціею, и сама Франція, не смотря на обширность своихъ способовъ и на неутомимую дѣятельность вождя своего также ослабѣвала посреди торжествъ своихъ. Англичане, которые были принуждены выйти изъ Испаніи, опять туда возвратились. Они избрали мѣстомъ своей высадки Португаллію, которая была для нихъ колоніею и пошли противъ Маршала Сульта, двинувшагося изъ Испаніи къ нимъ на встрѣчу. Всякой другой, кромѣ Сульта, можетъ быть затруднился бы въ преодолѣніи представлявшихся препятствій. Много было говорено о желаніи его сдѣлаться Португальскимъ Королемъ; Бернадотъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Гамбургъ сказывалъ мнѣ, что объ этомъ была рѣчь въ главной квартирѣ послѣ Ваграмскаго сраженія. Бернадотъ тому не вѣрилъ, также какъ я полагаю, и самъ Наполеонъ. Сультъ слишкомъ хорошо служилъ подъ Аустерлицемъ для того, чтобы Императоръ могъ повѣрить такимъ слу-

хамъ. Однакоже это дѣло все еще остается закрытымъ и не будетъ приведено въ ясность до тѣхъ поръ, пока кто либо, хорошо знающій оное, захочетъ искренно объясниться. Исторію должно писать основываясь на истинныхъ показаніяхъ и на засвидѣтельствованныхъ событіяхъ, а не на сомнѣніяхъ, утайкахъ и предположеніяхъ.

Коснувшись уже на счетъ Сульта статьи о честолюбивыхъ предположеніяхъ, я приведу здѣсь то, что мнѣ извѣстно положительнаго о честолюбіи Мюрата наслѣдовать Императору. Вотъ какъ дѣло было. По возвращеніи Г. Румянцова изъ безполезной его поѣздки въ Лондонъ, Императоръ, какъ извѣстно, отправился въ Байону. Бернадотъ, имѣвшій въ Парижѣ агента, которому онъ очень дорого платилъ, сказалъ мнѣ однажды, что онъ получилъ отъ него извѣщеніе, что Мюратъ объявилъ надежду свою нѣкогда наслѣдовать Императору. Льстецы поддерживали Мюрата въ этомъ мечтательномъ уповавіи, надѣясь извлечь изъ того для себя выгоды. Не знаю дошла ли эта вѣсть до Наполеона и какъ онъ о ней отзывался, но Бернадотъ сообщилъ мнѣ это за вѣрное. Впрочемъ очень несправедливо было бы выводить великія послѣдствія изъ слова, вырвавшагося можетъ быть у Мюрата въ минуту пылкости, ибо эта пылкость доводила его иногда до неосторож-

ныхъ поступковъ очень опасныхъ, съ такимъ человѣкомъ какъ Наполеонъ, который, благодаря усердію слугъ своихъ, насквозь видѣлъ жизнь всѣхъ, хотя нѣсколько важныхъ людей.

Посреди распоряженій къ Испанской войнѣ, производимыхъ лично самимъ Наполеономъ онъ узналъ, что Австрія въ первый разъ сбираетъ земское ополченіе (Landwehre).

Я получилъ весьма драгоцѣнные документы объ этомъ вооруженіи Австріи чрезъ Директора Гамбургскаго Корреспондента. Этотъ журналъ, наиболѣе читаемый изъ всѣхъ повременныхъ изданій, когда либо существовавшихъ, ибо на оный было не менѣе 60,000 подписчиковъ, платилъ въ разныхъ мѣстахъ Европы значительныя суммы людямъ, сообщавшимъ въ оный разныя извѣстія; онъ выдавалъ въ Вѣнѣ 6,000 франковъ въ годъ одному чиновнику Военнаго Министерства, и этотъ чиновникъ сообщилъ, что Австрія вооружается и что повсюду разсылаются приказанія о сборѣ и движеніи всѣхъ силъ могущественной Австрійской Имперіи. Я донесъ объ этихъ распоряженіяхъ Французскому Правительству и довольно въ ясныхъ выраженіяхъ предупредилъ его, что надобно удвоить внимательность и взять свои мѣры. Должно было вспомнить прежнія нападенія а особенно сдѣланное въ 1805 году. Вѣроятно, что эти извѣстія пришли съ разныхъ сторонъ,

ибо Императоръ, предоставя своимъ Генераламъ военныя дѣла съ Испаніею, отправился въ Парижъ, куда онъ прибылъ въ концѣ Генваря 1809 года; онъ находился въ Испаніи только съ начала Ноября, и присутствіе его опять привело побѣду къ нашимъ знаменамъ; но если взбунтовавшіеся войска и были побѣждены, то жители, не только не покоряясь, оказывались болѣе и болѣе неблагопріятствующими дѣлу Іосифа, и нельзя было предполагать, что онъ когда либо спокойно возсядетъ на Мадридскій престолъ.

Да будетъ мнѣ теперь позволено, прежде изложенія того, что я узналъ о предстоявшей Германской кампаніи, обратиться къ одному весьма важному предъидущему обстоятельству. Говоря о Эрфуртскомъ свиданіи я привелъ нѣсколько запутанное по своему слогу письмо, которое Императоръ Францискъ послалъ къ Наполеону съ Барономъ Винцентомъ. Я не хотѣлъ въ слѣдъ за нимъ привести сдѣланный на оное отвѣтъ, ибо этотъ отвѣтъ, внушенный какимъ-то предвидѣніемъ, гораздо приличнѣе помѣститъ здѣсь чтобы онъ служилъ вступленіемъ къ происшествіямъ 1809 года; вотъ отвѣтъ сей, написанный изъ Эрфурта:

«Милостивый Государь братецъ,

«Благодарю Ваше Императорское и Королев-

«ское Величество за письмо, которое вамъ благоугодно было написать ко мнѣ и которое мнѣ «вручилъ Баронъ Винцентъ. Я никогда не сомнѣвался въ правдолюбивыхъ намѣреніяхъ Вашего «Величества, но тѣмъ не менѣе питалъ опасеніе «о возобновленіи между нами непріязненныхъ «дѣйствій. Въ Вѣнѣ есть партія, которая показываетъ притворный страхъ, дабы вовлечь «вашъ кабинетъ въ насильственныя мѣры, которыя содѣлались бы причиною бѣдствій, большихъ, чѣмъ тѣ, которыя предшествовали. Я «былъ властенъ раздробить Монархію Вашего «Величества или покрайней мѣрѣ оставить ей «менѣе могущества, а не захотѣлъ этого. То, что «она есть, она есть по моему желанію; это самое «очевидное доказательство того, что счеты наши кончены и что я ничего отъ нея не хочу. Я всегда готовъ обеспечивать неприкосновенность ея Монархіи; я никогда ничего не «сдѣлаю противъ главныхъ выгодъ ея владѣній. «Но Ваше Величество не должны заводить «вновь преній о томъ, что рѣшено пятнадцатью «годами войны; вамъ слѣдуетъ воспретить всякія объявленія или поступки, могущіе довести до войны. Послѣднее всеобщее ополченіе «причинило бы войну, еслибъ я могъ опасаться, что этотъ наборъ и пріуготовленія сдѣланы по соглашенію съ Россіею. Я недавно распустилъ лагерь Союза. Сто тысячъ войскъ

«моихъ идутъ въ Булонь для возобновленія на-
«мѣреній моихъ противъ Англіи. Я долженъ
«былъ полагать, когда я имѣлъ счастіе видѣть
«Ваше Величество и когда я заключилъ Прес-
«бургскій трактатъ, что дѣла наши навсегда кон-
«чены и что я могу предаться морской войнѣ не
«будучи ни обезпокоенъ, ни отвлеченъ. Не довѣ-
«ряйте Ваше Величество тѣмъ, которые твердятъ
«вамъ объ опасностяхъ вашей Монархіи, нарушая
«тѣмъ счастіе ваше, вашей фамиліи и вашихъ на-
«родовъ; эти люди сами опасны; они на влекаютъ
«опасности, показывая видъ, будто бы страшат-
«ся оныхъ. Ведя себя прямо, искренно и про-
«сто, Ваше Величество сдѣлаете народы ваши
«благополучными, будете сами наслаждаться
«счастіемъ, котораго вы должны чувствовать
«необходимость послѣ столькихъ волненій и
«пріобрѣтете увѣренность имѣть во мнѣ че-
«ловѣка, который рѣшился не дѣлать ничего
«противъ вашихъ главныхъ выгодъ. Да пока-
«жутъ ваши поступки довѣренность и они вну-
«шатъ ее. Лучшая нынѣ политика есть просто-
«та и правда. Повѣрьте мнѣ безпокойства, если
«успѣютъ внушить вамъ оныя, и я тотчасъ
«ихъ разсѣю. Позвольте, Ваше Величество, сказать
«вамъ последнее слово: слушайтесь своего мнѣ-
«нія, своего чувства; они гораздо превосходнѣе
«всѣхъ даваемыхъ вамъ совѣтовъ. Прошу Ваше
«Величество принять мое письмо въ благопріят-

«номъ смыслѣ и не видѣтъ въ немъ ничего, «кромѣ клонящагося къ благу и къ спокойст- «вiю Европы и Вашего Величества.»

Прочитавъ это письмо Наполеона, я нисколько не усомнился, что новая война скоро возгорится между Францiею и Австрiею. Принятое въономъ Наполеономъ превосходство, какъ будто бы онъ писалъ къ одному изъ покорныхъ ему Принцевъ Рейнскаго Союза, долженствовало раздражить оскорбленную гордость наслѣдника Цесарей. Нападки, сдѣланные въ немъ на Вѣнскiй кабинетъ, вооружили всѣхъ членовъ онаго противъ Наполеона, а притомъ обманчивая надежда, послѣдняя отрада несчастiя, представлялась подъ соблазнительными видами глазамъ Австрiи; изъ того, что она была побѣждена, не слѣдовало еще, что она опять подвергнется томуже; она могла завоевать обратно потерянное ею, и война, которую Наполеонъ принужденъ былъ вести съ большою тратою людей и денегъ, представляла ей возможность успѣха, которой она не имѣла въ виду первый разъ; когда одна только Англiя была въ войнѣ съ Францiею, а особенно когда Великобританiя не имѣла, какъ при настоящихъ обстоятельствахъ, такой точки въ Европѣ, гдѣ бы она могла употреблять сухопутныя свои войска противъ могущества Наполеона.

Соблазненная этими мечтами Австрiя не за-

медлила сдѣлать приготовленія къ войнѣ; во всѣхъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ начали ополчаться, между тѣмъ, какъ Графъ Меттернихъ Австрійскій Посланникъ въ Парижѣ, согласно съ данными ему отъ двора его приказаніями, продолжалъ увѣрять въ расположеніи его Правительства къ миру. Я былъ извѣщаемъ моими корреспондентами о враждебныхъ замыслахъ Австріи и немедленно сообщалъ Правительству получаемыя мною свѣдѣнія; но, по ослѣпленію ли, или скорѣе потому, что Наполеонъ желалъ новой войны, въ которой онъ весьма очевидно не былъ бы зачинщикомъ, онъ допустилъ захватить себя въ расплохъ. Австрія, не смотря на подстреканія своихъ совѣтниковъ, сначала колебалась сдѣлать самый приступъ; но уступивъ внушеніямъ Англіи и Россіи, а особенно прельстясь денежными пособіями Великобританіи, Австрія обнаружила себя и начала непріязненныя дѣйствія, сперва не противъ Франціи; а противъ членовъ Рейнскаго Союза. 9 Апрѣля, Принцъ Карлъ, облеченный главнымъ начальствомъ надъ Австрійскими войсками, прислалъ къ Главнокомандующему Французскою арміею въ Баваріи слѣдующую ноту.

«На основаніи декларація Его Величества Им«ратора Австрійскаго Императору Наполеону, я «предупреждаю Г. Главнокомандующаго Фран«цузскими войсками, что мнѣ приказано итти

«съ моими войсками впередъ и поступать какъ «съ непріятелями со всѣми, кто окажетъ мнѣ «сопротивленіе.»

Курьеръ поспѣшно отвезъ копію съ этой ноты въ Стразбургъ, откуда она была сообщена въ Парижъ посредствомъ телеграфа.

Императоръ, удивленный но не приведенный въ смущеніе этимъ извѣстіемъ, получилъ его въ Сен-Клу 11 Августа, и чрезъ два часа послѣ того, онъ находился уже на дорогѣ въ Германію. Многосложность дѣлъ, тогда его занимавшихъ, казалось сообщила новую силу его дѣятельности. Когда онъ явился въ армію, то ни войска его, ни Гвардія не имѣли еще возможности поспѣть туда, и при этомъ то случаѣ онъ принялъ начальство надъ Баварцами, какъ будто усыновивъ тѣмъ Максимиліановыхъ солдатъ. Черезъ шесть дней по отъѣздѣ его изъ Парижа, армія Принца Карла была угрожаема. Главная Квартира Императора находилась въ Донавертѣ, откуда онъ издалъ къ своимъ солдатамъ одно изъ тѣхъ сильныхъ и краткихъ воззваній, которыя породили столько чудесъ.

«Солдаты,» говорилъ онъ имъ, «поземельныя «права Рейнскаго союза нарушены. Австрійскій «Генералъ хочетъ, чтобы мы обратились въ «бѣгство при видѣ его оружія и предали бы «ему нашихъ союзниковъ. Я прибылъ сюда съ «быстротою молніи. Солдаты, я былъ окруженъ

«вами тогда, какъ Австрійскій Государь пріѣхалъ «ко мнѣ на бивакъ въ Моравіи: вы слышали, «какъ онъ умолялъ меня о милосердіи и клял«ся въ братскомъ дружествѣ. Побѣжденная въ «трехъ войнахъ Австрія три раза была обяза«на всемъ нашему великодушію, и три раза «она оказалась вѣроломною! Прошедшіе наши «успѣхи служатъ намъ вѣрнымъ ручательствомъ «въ побѣдѣ, насъ ожидающей. Пойдемъ же и «да узнаетъ непріятель при видѣ нашемъ, сво«ихъ побѣдителей.»

Это воззваніе, сообщенное мнѣ съ нарочнымъ курьеромъ, равно какъ и нѣкоторыя другіе документы о положеніи обѣихъ армій, прибыли очень кстати для того, чтобы успокоить Сѣверъ, всегда готовый объявить себя противъ Наполеона, но всегда удерживаемый страхомъ его мести. Тогда мнѣ объяснились причины нѣкоторыхъ приказаній, полученныхъ мною прежде, когда Французскія войска были выведены изъ земель союза, не для того чтобы составить новый лагерь въ Булони, какъ Наполеонъ объявилъ то въ письмѣ своемъ къ Императору Австрійскому, но дабы итти въ Испанію. Это объяснило мнѣ приказанія Февраля мѣсяца, мною упомянутыя, и по которымъ я долженъ былъ всѣми зависящими отъ меня средствами ускорить наборъ войскъ въ земляхъ, при коихъ я находился Посланникомъ. Всё это скопленіе

происшествій конечно было пагубно для Европы и для Франціи, каковы бы ни были ея успѣхи; но оно доставляло благопріятный случай развернуться генію Императора. Подобно, какъ его любимый поэтъ Оссіанъ любилъ гремѣть на своей лирѣ, только посреди бурь, такъ и ему были нужны политическія бури; дабы дать полетъ его генію, нужно было стѣснить его со всѣхъ сторонъ необходимостью, и справедливость требуетъ сказать, что чѣмъ болѣе скопившіяся препятствія раздражали его нетерпѣніе, тѣмъ болѣе это подстрѣкало его исполинскій геній, иногда столь мелочной.

++

ГЛАВА X.

Начало кампаніи 1809 года —Отъѣздъ Бернадота въ армію.— Памятозлобіе Императора и неудовольствіе Маршала. — Письмо ко мнѣ Бернадота.—Быстрота похода Императора. —Проэктъ Англійской экспедиціи.—Планъ кампаніи Принца Карла. — Дипломатическія сношенія между Англіею и Австріею.—Англичане въ Куксгафенѣ. — Выходъ изъ Копенгагена.—Г. Дезаръ, агентъ Гамбургскаго Консульства, и Лордъ Стюартъ. — Безполезность козней Англіи. — Наполеонъ раненъ въ пятку. — Ратисбонское воззваніе.—Хвастовство, оправданное дѣломъ.—Маіоръ Шиль.— Хитрость шпіона.—Гамбургъ, угрожаемый и спасенный.— Твердость жителей.—Шиль въ Любекѣ. — Смерть Шиля и уничтоженіе его отряда.—Герцогъ Брауншвейгъ.—Эльскій, подражатель Шилю. —Генералъ Рейбель, лишенный начальства Іеронимомъ.—Уходъ Англичанъ изъ Куксгафена.

Въ продолженіи кампаніи 1809 года и особенно при началѣ оной, походъ Наполеона былъ еще быстрѣе, чѣмъ въ кампанію 1805

йода. Каждый курьеръ, прiѣзжавшiй въ Гамбургъ привозилъ намъ новыя вѣсти, или лучше сказать, чудеса. Какъ только Императоръ узналъ о нападенiи, сдѣланномъ Австрiйцами на Баварiю, то приказанiя тотчасъ были разосланы къ начальствующимъ войсками Генераламъ, дабы они какъ можно спѣшили къ театру войны. Князь Понте-Корво былъ потребованъ въ Большую-Армiю съ Саксонцами, бывшими подъ его командою и временно сложилъ съ себя Генералъ-Губернаторство Ганзейскихъ городовъ. Полковникъ Дамасъ заступилъ его мѣсто въ Гамбургѣ, но просто въ званiи Коменданта. Этотъ Офицеръ, одаренный превосходными качествами, никогда не подалъ повода ни къ малѣйшему ропоту или жалобѣ. Бернадотъ не былъ доволенъ своимъ положенiемъ, и дѣйствительно Императоръ, никогда не старавшiйся его выставить, потому что онъ не могъ простить ему сопротивленiя, обнаруженнаго имъ 18 Брюмера, всегда назначалъ его на такiя мѣста, гдѣ было можно прiобрѣсть немного славы и давалъ ему какъ можно меньше войскъ подъ начальство. Я получилъ отъ него отъ 6 Апрѣля письмо, котораго послѣднiя слова довольно показываютъ его неудовольствiе. Вотъ оно:

«Получивъ письмо Ваше, любезный Министръ, «я тотчасъ приказалъ написать къ Гамелине, «чтобы онъ окончилъ дѣло касательно театра;

«и самъ сверхъ того подтвердилъ ему тоже въ «письмѣ, написанномъ мною въ послѣдствіи; по«сему я полагаю, что все теперь совершенно «кончено. Мы стоимъ предъ Австрійцами; они «очень сильны въ Богеміи и предъ моимъ фрон«томъ; а у меня едва есть въ сборѣ пятнадцать «тысячъ Саксонцевъ. Прошу Васъ представить, «и проч. . . .

«I. БЕРНАДОТЪ.»

Не стану входить здѣсь въ подробности о второмъ Вѣнскомъ походѣ; ограничусь какъ и прежде относительно Тильзитской кампаніи тѣми обстоятельствами, которыя дошли до моего свѣдѣнія во время пребыванія моего въ Гамбургѣ, гдѣ должность моя становилась болѣе и болѣе затруднительною по мѣрѣ какъ какое либо движеніе обнаруживалось въ Германіи. Могу только увѣрить, что въ 1809 году нужна была вся быстрота, употребленная Императоромъ въ походѣ къ Вѣнѣ для того, чтобы предупредить козни, устроиваемыя противъ его Правительства; ибо въ случаѣ неуспѣха нашего оружія, ударъ былъ хорошо подготовленъ. Англія, обольщенная нѣкоторыми первоначальными успѣхами въ Португаліи и въ Испаніи, употребила при этомъ случаѣ всѣ возможные происки и вскорѣ составила проектъ экспеди-

ціи на Сѣверѣ, который ниспровергъ одинъ только успѣхъ Французскаго оружія.

Англійская экспедиція на Сѣверѣ Германіи долженствовала состоять изъ десяти тысячъ человѣкъ. Съ Іюня мѣсяца уже находилась въ Гейльголандѣ легкая артиллерія, одежда и ружья, довольно въ большомъ количествѣ; и я положительно узналъ, что Англійскій агентъ находившійся въ главной квартирѣ Австрійской арміи писалъ къ Г. Каннингу, чтобы онъ какъ можно поспѣшилъ обѣщанною высадкою на Сѣверъ.

Эрцгерцогъ Карлъ намѣревался собрать въ средоточіи Германіи большой корпусъ войскъ, составленный изъ отрядовъ Генерала Амъ-Эйде и Радосвовитца и изъ Англичанъ, присоединивъ къ нимъ тѣхъ людей, которыхъ надѣялись взбунтовать.

Англичане желали бы, чтобы Австрійскія войска нѣсколько болѣе вышли впередъ: Англійскій агентъ сдѣлалъ на этотъ счетъ нѣсколько замѣчаній Г. Стадіону, Австрійскому Министру; но Эрцгерцогъ лучше желалъ испытать эту диверсію, чѣмъ подвергнуть опасности Монархію, вышедъ изъ настоящаго своего бездѣйствія и покусясь перейти чрезъ Дунай предъ непріятелемъ, который никогда не допускалъ захватить себя въ расплохъ и напередъ уже расчиталъ всѣ возможные случаи.

Дабы обеспечить успѣхъ этой экспедиціи, Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Кинмекеръ былъ посланъ съ большимъ подкрѣпленіемъ и съ многочисленнымъ Штабомъ для принятія главнаго начальства надъ войсками, вступившими въ Саксонію и во Франконію, съ приказаніемъ быстро итти впередъ.

Эрцгерцогъ, составляя этотъ планъ, надѣялся или, что Императоръ Австрійскій отдѣлитъ большой корпусъ на помощь своимъ союзникамъ, или что онъ предоставитъ ихъ своей собственной оборонѣ. Въ первомъ случаѣ Эрцгерцогъ имѣлъ бы большое превосходство; а въ послѣднемъ все было приготовлено въ Гессенѣ и въ Гановрѣ къ тому, чтобы жители при приближеніи Австрійскихъ и Англійскихъ войскъ ополчились за одно дѣло съ ними.

Я могу засвидѣтельствовать совершенную точность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, ибо они дошли до меня чрезъ офиціяльное письмо, мною полученное. Что касается до движеній на Сѣверѣ, то къ помѣщенному уже выше, я могу прибавить нѣкоторыя другія подробности, достовѣрность коихъ также не подлежитъ сомнѣнію. Въ началѣ Іюля, Англичане подошли къ Куксгафену на двѣнадцати мелкихъ военныхъ судахъ. Высадивъ четыреста или пять сотъ матросовъ и десятковъ пять морскихъ солдатъ, они водрузили знамя на одной изъ наружныхъ построекъ.

На другой же день послѣ этой высадки въ Куксгафенъ, Англичане находившiеся въ Данiи, очистили Копенгагенъ, уничтоживъ выстроенную флотскими батарею. При выступленiи изъ Куксгафена, они взяли подъ стражу Г-на Дезара, исправлявшаго должность агента Гамбургскаго Консульства. Губернаторъ Ритцбуттель потребовалъ, чтобы его освободили, какъ гражданина этого города, но Англiйскiй Начальникъ Лордъ Стюартъ отвѣчалъ, что Г. Дезару будетъ оказано всевозможное уваженiе, хотя теперь еще и нельзя его освободить.

Для полученiя себѣ отъ Англичанъ свободы, Г. Дезаръ обязался Лорду Стюарту не имѣть болѣе переписки, ни съ Французскимъ Правительствомъ, ни со своими агентами и являться на Англiйскiй фрегатъ всякой разъ, какъ Лордъ того потребуетъ. Г. Дезаръ самъ увѣдомилъ меня о томъ, что страхъ принудилъ его сдѣлать.

Всѣ козни и покушенiя Англiи остались на Твердой Землѣ безуспѣшными, ибо при новой системѣ войны Императора, состоявшей въ овладѣнiи столицами—въ оныхъ не замедливали начинать переговоры о мирѣ. Онъ овладѣлъ Вѣною даже прежде, чѣмъ Англичане успѣли устроить упомянутую мною экспедицiю. Выѣхавъ изъ Парижа 11 Апрѣля, онъ былъ 17 въ Донавертѣ, а 23 овладѣлъ Ратисбономъ. Въ бою,

предшествовавшемъ вступленію въ этотъ городъ, Наполеонъ былъ раненъ въ пятку; но эта рана, правда что легкая, не заставила его ни на минуту отлучиться съ поля сраженія; между Данавертомъ и Ратисбономъ произошло также одно изъ знаменитѣйшихъ дѣлъ цѣлой кампаніи, столь изобильной блистательными подвигами. Даву, посредствомъ искуснаго и смѣлаго дѣйствія, достойно пріобрѣлъ себѣ титулъ Князя Экмюльскаго. Предъ выѣздомъ изъ Ратисбоно Императоръ издалъ къ своимъ солдатамъ еще краткій приказъ, въ которомъ, по обыкновенію своему напомнивъ имъ то, что они уже сдѣлали, онъ означалъ то, что имъ оставалось еще сдѣлать. Онъ говорилъ имъ: «Вы оправдали мои ожиданія. Вы замѣнили малолюдство вашею храбростью. Въ немногіе дни «вы одержали побѣды въ трехъ сраженіяхъ при «Таннѣ, Абенебергѣ и Экмюлѣ и въ трехъ битвахъ при Пейссингѣ, при Ладсгутѣ и при Ратисбоннѣ. Непріятель, обольщенный вѣроломнымъ «кабинетомъ, казалось не сохранилъ о насъ даже «воспоминанія. Вы явились ему болѣе грозными, чѣмъ когда либо; недавно еще онъ перешелъ чрезъ Иннъ и вторгнулся въ земли «нашихъ союзниковъ; недавно еще онъ хвалился, что внесетъ войну въ сердце нашего отечества; нынѣ—разбитый, устрашенный, онъ «бѣжитъ въ безпорядкѣ. Уже мой авангардъ пе-

«решелъ чрезъ Иннъ; прежде чѣмъ черезъ мѣ«сяцъ, мы будемъ въ Вѣнѣ

Фортуна казалась тогда столько покорствующею оружію Наполеона, что можно бы подумать, что она за удовольствіе считаетъ оправдывать даже самое хвастовство его; ибо дѣйствительно, не прошло мѣсяца между его воззваніемъ и вступленіемъ Французскихъ войскъ въ Вѣну. Но между тѣмъ какъ онъ, одерживая побѣды шелъ къ столицѣ Австріи, мы имѣли въ Гамбургѣ и въ окрестныхъ странахъ—сосѣда, возбуждившаго въ насъ безпокойство.

Знаменитый Прусскій партизанъ Маіоръ Шиллъ, поразбойничавъ въ Вестфаліи, устремился на Меклембургъ откуда, какъ я узналъ, онъ намѣревался внезапно обратиться къ Гамбургу. Онъ сказалъ въ Вестфаліи, что Гамбургъ заплатитъ за налоги, собранные имъ въ этой землѣ. Предводительствуя шестью стами Гусаръ, хорошо снаряженныхъ и исполненныхъ смѣлости, и двумя тысячами человѣкъ пѣхоты, плохо вооруженной, онъ овладѣлъ 15 Мая небольшою крѣпостцою Домитцомъ въ Меклембургѣ; а оттуда послалъ по обоимъ берегамъ Эльбы отряды, которые брали контрибуціи, останавливали и грабили дилижансы, стараясь притомъ узнавать вѣсти объ Англіи. Этотъ партизанъ внушалъ страхъ на пути своемъ; онъ налагалъ въ Меклембургѣ разные поборы,

еслиже отказывали въ удовлетвореніи его требованіямъ, то онъ бралъ силою. Кромѣ состоявшаго у него подъ начальствомъ отряда, онъ имѣлъ съ собою довольно большое число Вестфальскихъ плѣнниковъ; люди, которыхъ ему описали весьма преданными дѣлу Короля Прусскаго и Бурбоновъ, также къ нему присоединились. 19 Мая, отрядъ Шиллева корпуса, состоявшій изъ тридцати человѣкъ, вступилъ въ Висмаръ; имъ начальствовалъ нѣкто Графъ Молеке, который былъ прежде въ Прусской службѣ, а потомъ удалился въ свои земли, съ должностью, полученною имъ по милости Герцога. Забывъ то, чѣмъ былъ обязанъ своему благодѣтелю, онъ имѣлъ наглость послать къ нему съ требованіемъ о сдачѣ Стральзунда. Устрашенный приближеніемъ партизана Шилля, Герцогъ Мекленбургскій выѣхалъ съ дворомъ своимъ изъ Лудвигсбурга, своего обыкновеннаго мѣстопребыванія и удалился въ Доберанъ на берегу моря. Вышедъ изъ Мекленбурга, Шилль достигъ до Бергдорфа, въ четырехъ миляхъ отъ Гамбурга. Въ этомъ послѣднемъ городѣ распространилась тревога: нѣкоторые заговаривали даже о томъ, чтобы вступить съ Шиллемъ въ договоръ и послать ему денегъ, съ тѣмъ чтобы онъ удалился; но твердость бо́льшаго числа жителей отвергла эти робкіе совѣты. Я сговорился съ Комендантомъ города; нѣкоторыя

предосторожности были уже приняты: мы удвоили бдительность; таможенная казна, въ коей находилось болѣе милліона золотомъ, была отправлена подъ надежною стражею въ Гольштейнъ. Я принялъ эту мѣру для сбереженія казны, и отъ шайки Шилля и отъ тѣхъ людей, которые при подобныхъ обстоятельствахъ всегда легко предаются грабежу. Въ тоже время я послалъ къ Шиллю искуснаго шпіона, который напугалъ его картиною оборонительныхъ средствъ Гамбурга. Шилль отказался отъ замысловъ своихъ противъ этого города и оставивъ его въ лѣвѣ, вступилъ въ Любекъ, который онъ нашелъ безъ всякой обороны.

Между тѣмъ, какъ Шилль подходилъ къ Любеку, одинъ изъ его Гусаровъ, явился къ воротамъ этого города и потребовалъ квартиръ для двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, идущихъ по словамъ его въ слѣдъ за нимъ. Таможенный приставъ хотѣлъ было выстрѣлить по этому смѣлому квартиргеру, но онъ во весь духъ ускакалъ обратно.

Однакоже Генералъ-Лейтенантъ Грасіанъ выступившій изъ Берлина по приказанію Князя Нёшательскаго съ 2500 человѣкъ Голландскихъ войскъ и 3000 Шведовъ, неутомимо преслѣдовалъ Маіора Шилля. Спокойствіе скоро было возстановлено во всей странѣ, приведенной въ тревогу этимъ смѣлымъ предпріятіемъ. Шилль,

прошатавшись еще нѣсколько дней по берегамъ Балтійскаго моря, былъ догнанъ Генераломъ Грасіаномъ въ Стральзундѣ, откуда онъ намѣревался уѣхать моремъ въ Швецію. Онъ защищался какъ бѣшеный и былъ убитъ послѣ двухъ часоваго боя, а шайка его уничтожена. Триста его Гусаръ и двѣсти человѣкъ пѣхоты, успѣвшіе убѣжать изъ города, просили позволенія возвратится въ Пруссію; ихъ отвели къ Прусскому Генералу, Коменданту сосѣдняго города. Такая разбойничья война, какую велъ Шилль, не можетъ быть съ честью признана никакою Державою, себя уважающею; однакоже Англійское Правительство, всегда старавшееся возжигать и поддерживать мятежническія и разбойничьи войны, прислало Шиллю патентъ на Полковничій чинъ и полный мундиръ его новаго званія, съ увѣреніемъ, что всѣ его войска будутъ впредь состоять на жалованіи Англіи.

Шиллю вскорѣ явился подражатель высшаго званія; Герцогъ Брауншвейгъ-Эльскій въ Августѣ мѣсяцѣ 1809 года, искалъ чести сдѣлаться преемникомъ этого знаменитаго партизана. Имѣя у себя подъ начальствомъ много что двѣ тысячи человѣкъ, онъ нѣсколько дней обеспокоивалъ лѣвый берегъ Эльбы и 5 числа вступилъ въ Бременъ. При его приближеніи Французскій Вице-Консулъ удалился въ Остергульцъ. Офи-

церъ Герцога, прозванный въ этомъ краю вторымъ Шиллемъ, явился въ домъ Вице-Консула и потребовалъ 200 луидоровъ. Повѣренный въ дѣлахъ Вице - Консула, устрашенный угрозою этого Офицера предать все на разграбленіе, вступилъ съ нимъ въ переговоры и съ большимъ трудомъ успѣлъ отдѣлаться отъ него 80 луид., въ полученіи коихъ честный воръ далъ ему росписку отъ имени Герцога. Этотъ новый партизанъ не долго пробылъ въ Бременѣ; спѣша какъ можно скорѣе въ Голландію, онъ вышелъ изъ Бремена 6 числа вечеромъ, направя путь свой къ Дельменгорсту, гдѣ уже находился авангардъ его. Вестфальскія войска подъ начальствомъ Генерала Рейбеля вступили въ Бременъ 7 числа и не нашедъ тамъ Герцога Эльскаго, тотчасъ отправились за нимъ въ погоню. Датскимъ войскамъ, занимавшимъ Куксгафенъ, приказано было итти къ Бремерлеге для содѣйствія Вестфальцамъ и Голландцамъ. Въ это время Англичане подошли къ Куксгафену и высадили тамъ 3 или 4000 человѣкъ. Таможенные досмотрщики и немногіе матросы, находившіеся въ Куксгафенѣ, ушли въ Гамбургъ. Герцогъ Брауншвейгскій, постоянно преслѣдуемый, прошелъ чрезъ Германію отъ границъ Богеміи до Ельсфлета, небольшой гавани на лѣвомъ берегу Везера, куда онъ прибылъ 7 числа, ушедъ только одним днемъ впередъ отъ тѣхъ, которые

его преслѣдовали. Тотчасъ овладѣвъ всѣми перевозными судами, находившимися въ Ельсфлетѣ, онъ отплылъ на нихъ въ Гейльголандъ. Король Вестфальскій, приписавъ уходъ этого партизана небрежности Генерала Рейбеля, лишилъ его начальства надъ войсками. Этотъ поступокъ произвелъ дурное впечатлѣніе на общее мнѣніе.

Французскій Вице-Консулъ въ Бременѣ возвратился къ своему мѣсту. Чтоже касается до высадки, сдѣланной Англичанами въ Куксгафенѣ между тѣмъ какъ Датчане, занимавшіе этотъ портъ отправились преслѣдовать Герцога Брауншвейгскаго, то она не имѣла никакихъ послѣдствій. Датчане, по уходѣ Герцога, пришли обратно къ своему посту, откуда Англичане тотчасъ убрались. Такова была исторія двухъ человѣкъ, изъ которыхъ первый былъ дѣйствительно замѣчателенъ своею безпримѣрною смѣлостью. Они причинили много вреда жителямъ, возбудили важныя безпокойства и показали, что могутъ предпринять вольные отряды, когда наступитъ минута освобожденія Германіи.

++

ГЛАВА XI.

Проводникъ Наполеона и Дирнштейнскій замокъ. — Магнитическое предвидѣніе.—Ричардъ Львиное Сердце и Маршалъ Ланнъ.—Императоръ предъ вратами Вѣны.— Бомбардированіе и Эрцгерцогиня Марія Луиза.—Новое воззваніе Наполеона.—Оскорбленіе Императора Австрійскаго.—Воззваніе и Бюлетени.—Слишкомъ много дѣлъ за разъ.—Свободная торговля съ Англіею.—Удобство переписки.—Таможенные и провозъ запрещенныхъ товаровъ въ Гамбургѣ. — Шесть тысячъ контрабандистовъ.—Сахарный песокъ.—Провозъ товаровъ подъ видомъ похоронъ.— Безполезность наказаній.—Наблюденіе за печатаніемъ новостей въ Гамбургскомъ корреспондентѣ.—Исключеніе статей.

Раппъ, возвратившійся къ Императору для исправленія своей Адъютантской должности въ продолженіи Вѣнской кампаніи, разсказывалъ мнѣ одну черту, или лучше сказать, одно изъ тѣхъ сужденій Наполеона, которыя кажутся, если сравнить тогдашнія слова его съ событіями, въ послѣдствіи происшедшими, какимъ-то магнитическимъ предвидѣніемъ будущей

судьбины. Раппъ сказывалъ мнѣ, что за нѣсколько дней до взятія Вѣны, Императоръ велѣлъ своему проводнику говорить ему имяна всѣхъ деревень и малѣйшихъ развалинъ, попадавшихся на пути; вдругъ проводникъ указалъ ему на возвышеніи остатки почти совершенно развалившагося укрѣпленнаго замка: «Вотъ остатки древняго Дирнштейнскаго замка,» сказалъ проводникъ. Наполеонъ вдругъ остановился, принялъ на себя задумчивый видъ и нѣсколько минутъ неподвижно разсматривалъ эти развалины. Потомъ, обратясь къ Маршалу Ланну, ѣхавшему съ нимъ верьхомъ: «Смотри,» сказалъ ему Императоръ, «вотъ темница Ричарда, Львинаго Сердца. Онъ также какъ и мы, ѣздилъ въ «Сирію и въ Палестину. Львиное Сердце, храбрый мой Ланнъ, не былъ храбрѣе тебя (*). «Ему больше посчастливилось, чѣмъ мнѣ подъ «Сен-Жанъ д'Акрою. Австрійскій Герцогъ продалъ его Германскому Императору, который заточилъ его здѣсь. Это было время варварства. «Какая разница съ нашею образованностью. Видѣли, какъ я поступилъ съ Императоромъ Австрійскимъ, котораго я могъ взять въ плѣнъ. «И опять также поступлю. Не я хочу этого, а

(*) Надобно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Ланнъ, послѣ изгнанія своего въ Португальское посольство, пересталъ говорить *ты* Наполеону, то этотъ послѣдній часто говорилъ ему *ты*, что онъ обыкновенно дѣлалъ съ тѣми Генералами, которымъ онъ хотѣлъ показать свое расположеніе.

«время того требуетъ; надобно уважать короно-«ванныя главы. Побѣдителя заточать въ замокъ!..»

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, Императоръ былъ уже предъ вратами Вѣны, но на этотъ разъ доступъ къ столицѣ не такъ былъ легокъ, какимъ его сдѣлала въ 1805 году искусная отвага Ланна. Эрцгерцогъ Максимилiанъ, запершись въ городѣ, хотѣлъ было защищать его, хотя Французская армiя и занимала уже главныя предмѣстiя. Тщетно посылали къ Эрцгерцогу одного переговорщика за другимъ; Французскiе Посланные не только не были принимаемы, но съ ними дурно обходились, и одного изъ нихъ чернь чуть не убила; тогда начали бомбардировать городъ, и скоро произвели въ немъ пожаръ; однакоже Наполеонъ узнавъ, что одна изъ Эрцгерцогинь за болѣзнью осталась въ Вѣнѣ, приказалъ прекратить бомбардированiе. Странность Наполеоновой судьбины: эта Эрцгерцогиня Марiя Луиза! Наконецъ Вѣна открыла свои ворота Наполеону, который нѣсколько дней уже, какъ жилъ въ Шёнбруннскомъ дворцѣ; и Императоръ не пропустилъ этого случая напомнить своимъ солдатамъ новымъ воззванiемъ исполненiе, даже преждевременное, которымъ онъ окончилъ послѣднюю свою прокламацiю, изданную въ Ратисбонѣ.

«Солдаты,» говорилъ онъ имъ, «черезъ мѣ-

«слцъ послѣ того, какъ непріятель перешелъ «чрезъ Иннъ, въ тотъ же самый день, въ тотъ «же самый часъ, мы вступили въ Вѣну. Его «земское войско, его поголовное ополченіе, его «оплоты противопоставленные вамъ безсильною «яростью Принцевъ Лотарингскаго дома, не вы«держали вашихъ взглядовъ. Принцы этого до«ма оставили свою столицу, не какъ храбрые »солдаты, уступающіе обстоятельствамъ войны, «но какъ вѣроломцы, преслѣдуемые угрызеніл«ми своей собственной совѣсти. Бѣжавъ изъ «Вѣны, они простились съ жителями убійствомъ «и пожарами. Подобно Медеѣ, они убивали соб«ственныхъ дѣтей своихъ. Солдаты, народъ Вѣ«ны, по выраженію депутацій отъ ея предмѣ«стій оставленный и покинутый, да будетъ «предметомъ вашего вниманія. Я беру добрыхъ «ея жителей подъ мое особенное покровитель«ство: что касается до буйныхъ, злыхъ людей, «то я покажу надъ ними примѣръ строгости. «Солдаты, будьте добры для бѣдныхъ поселянъ, «для этого добраго народа, имѣющаго столько «правъ на наше уваженіе; не станемъ гордить«ся нашими успѣхами; а будемъ видѣть въ нихъ «только правосудіе Божіе, наказывающее не«благодарныхъ и вѣроломныхъ.»

Кто бы подумалъ, судя по тому, какъ Наполеонъ отзывался въ этой прокламаціи объ Императорѣ Австрійскомъ, что кампанія кончится

предположеніемъ брака съ его дочерью! Притомъ же мнѣ всегда казалось, что эта страсть Наполеона бранить своихъ непріятелей во всенародныхъ актахъ, была противна благоразумной политикѣ и не могла ничего прибавить къ его славѣ. Во время нашей съ нимъ дружбы, я часто позволялъ себѣ замѣчать ему это, и совѣты мои всегда были дурно принимаемы. Еслибъ впрочемъ кто либо сказалъ, что я охотно привожу воззванія Наполеона, то надобно также замѣтить, что я вовсе не помѣщаю его бюлетеней, и о причинѣ этого различія легко можно догадаться; воззванія его почти всегда были правдивы за исключеніемъ пророчествъ, которыя не всегда сбывались какъ послѣднее, о взятіи Вѣны. Они въ исторической своей части основывались на великихъ событіяхъ, свершившихся при глазахъ арміи, коей оныя были объявляемы; между тѣмъ какъ бюлетени его, предназначенные для обмана жителей внутренности Франціи и иноземцевъ, слишкомъ хорошо оправдали пословицу: *Лжетъ какъ Бюлетень.*

Императоръ началъ вдругъ слишкомъ много дѣлъ для того, чтобы равно наблюдать за исполненіемъ всѣхъ оныхъ. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ онъ горделиво торжествовалъ на поляхъ Австріи, любимая его Континентальная система подвергалась всякаго рода неудачамъ.

Торговля съ Англіею на Ольденбургскихъ берегахъ производилась точно какъ въ мирное время. Газеты и письма изъ Англіи приходили на Твердую Землю, и оттуда посылались въ Англію, какъ будто бы Франція была соединена съ Великобританіею узами наилучшаго согласія. Въ Гамбургѣ продавались товары доставленные чрезъ Люнебургъ, Нибургъ или Гановръ по той же самой цѣнѣ, какъ и во время мира. Однимъ словомъ, дѣла были въ такомъ положеніи, что казалось, какъ будто не существуетъ никакого указа о блокадѣ относительно Британскихъ острововъ.

Когда таможеннымъ досмотрщикамъ удавалось захватить какіе либо товары, то у нихъ отнимали оные вооруженною рукою. 2 Іюля произошло очень жаркое дѣло въ Бринскгамѣ между таможенными и поселянами, и послѣдніе овладѣли осмнадцатью телѣгами, нагруженными Англійскими товарами. Съ обѣихъ сторонъ были раненые. Кромѣ того, что такое совершенное неисполненіе указовъ Императора было противно системѣ, принятой имъ относительно Англійской торговли, оно сдѣлалось опаснымъ въ ту минуту, когда болѣе, чѣмъ когда либо занялись Англійскою экспедиціею, мною упомянутою. Это удобство сношеній всѣхъ родовъ, съ большимъ пространствомъ морскаго берега между Эмсомъ и Везеромъ, доставляло

Англіи средства пріобрѣтать себѣ сообщниковъ и могло много помочь имъ въ исполненіи ихъ замысловъ.

Впрочемъ, хотя торговля съ Англіею пользовалась большою свободою на довольно значительномъ пространствѣ морскаго берега, но въ Гамбургъ Англійскіе товары провозились не иначе, какъ обманомъ; и я не думаю, чтобы искуство запрещеннаго ввоза и хитрости контробандистовъ для того, чтобы ускользнуть отъ таможеннаго досмотра, были когда либо доведены до такой степени. Болѣе шести тысячъ человѣкъ простаго народа проводили день въ ходьбѣ по двадцати разъ изъ Альтоны въ Гамбургъ; эта контробанда производилась такими средствами, о которыхъ благопристойность заставляетъ меня умолчать. Но огромный барышъ, получаемый отъ того чрезъ возвышеніе цѣнъ на колоніяльныя произведенія, побудилъ къ разнымъ изобрѣтеніямъ, дабы избавиться отъ таможеннаго досмотра. Я приведу здѣсь только два, довольно замѣчательныя.

На лѣвой сторонѣ короткой дороги, ведущей изъ Гамбурга въ Альтону, находятся ямы, изъ которыхъ доставали песокъ для постройки домовъ, а въ особенности для мощенія улицъ. Вздумали починивать широкую и длинную Гамбургскую улицу, ведущую къ Альтонскимъ воротамъ. Ночью наполняли ямы, изъ которыхъ

добывался песокъ и тѣ же небольшія телѣги, на которыхъ онъ обыкновенно былъ привозимъ въ Гамбургъ, были нагружаемы сахарнымъ пескомъ походившимъ цвѣтомъ на простой песокъ; его только покрывали слоемъ настоящаго песку толщиною въ дюймъ. Щупы таможенныхъ досмотрщиковъ удобно проходили сквозь эту тонкую оболочку и покрытый оною сахарный песокъ. Эта продѣлка долго существовала; но мощеніе улицы нисколько не подвигалось впередъ. Прежде, чѣмъ я узналъ настоящую причину этой медленности, я принесъ на нея жалобу, ибо эта улица вела на дачу, которую я имѣлъ близъ Альтоны и куда я всякой день ѣздилъ. Таможенные, наконецъ также какъ и я нашли, что мощеніе слишкомъ долго тянется, и однажды телѣги съ сахарнымъ пескомъ были остановлены и захвачены. Надобно было придумывать другое средство.

На пространствѣ, отдѣляющемъ Гамбургъ отъ Альтоны, находится небольшое предмѣстіе, расположенное на правомъ берегу Эльбы. Это предмѣстіе населено матросами, портовыми работниками и довольно большимъ числомъ хозяевъ домовъ. Жителей этого города хоронятъ на Гамбургскомъ кладбищѣ. Вотъ начали, чаще обыкновеннаго ѣздить дроги съ обычными украшеніями, обрядами и погребальнымъ пѣніемъ. Удивленные такою чрезвычайною и внезапною

смертностью Гамбургцевъ, таможенные наконецъ вздумали разсмотрѣть поближе одного изъ этихъ покойниковъ и открыли сахаръ, кофе, ваниль, индиго и проч. Пришлось отказаться и отъ этого средства, но пріискали другія.

Виновные подвергались наказаніямъ и отобранію товаровъ; но это не мѣшало имъ безпрестанно бороться, болѣе хитростью, но иногда и силою противъ притѣсненія, которое желая разорить Англію, разоряло Европу, заставляя ее платить за товары въ пятеро и въ шестеро противъ настоящей цѣны. Нельзя не удивляться тому, что эта нелѣпая система такъ долго существовала; но Императоръ никогда не хотѣлъ открыть глазъ на эту язву, грызшую торговлю Европы, безъ всякаго вреда для Англіи.

Будучи до чрезвычайности щекотливъ на счетъ всего, что могли объ немъ говорить и думать, Наполеонъ въ продолженіе Вѣнской кампаніи безпрестанно насылалъ мнѣ изъ Главной Квартиры приказанія наблюдать не за строгостію таможенъ, но за другимъ родомъ произведеній, гораздо болѣе устрашавшимъ Императора, чѣмъ ввозъ Англійскихъ товаровъ, за печатаніемъ и распространеніемъ новостей. Сообразно съ этими наставленіями, безпрестанно подтверждаемыми, я обращалъ особенное вни-

маніе на редакцію Корреспондента. Легко себѣ представить, какъ важенъ былъ этотъ журналъ съ его шестидесятью тысячами подписчиковъ. Я помѣщалъ въ немъ все, что находилъ приличнымъ: всѣ бюлетени, всѣ воззванія, всѣ акты Французскаго Правительства, всѣ статьи изъ Монитёра и изъ другихъ Французскихъ журналовъ. Я часто исключалъ изъ него противорѣчившія извѣстія, которыя хотя уже и всѣми знаемыя, получили бы больпій вѣсъ чрезъ напечатаніе оныхъ въ такомъ вездѣ читаемомъ журналѣ; если иногда и былъ помѣщаемъ въ немъ какой нибудь Австрійскій бюлетень, извлеченный изъ другихъ Нѣмецкихъ газетъ, издаваемыхъ въ державахъ Рейнскаго Союза, то тутъ же печаталась статья, способная уничтожить, или покрайней мѣрѣ смягчить дѣйствіе этихъ бюлетеней. Этого было еще мало. Когда Король Виртембергскій, въ письмѣ своемъ къ Министру Внѣшнихъ Сношеній упрекнулъ Корреспондента въ томъ, что онъ распространяетъ всё, что Австріи угодно сдѣлать извѣстнымъ и издается въ духѣ, часто противномъ *правому дѣлу*, то я отвѣтствовалъ на эти несправедливые упреки, исходатайствовавъ у Синдика Цензора повелѣніе, не помѣщать въ Гамбургскихъ журналахъ *никакого* приказа Австрійской арміи, *никакого* бюлетеня Эрцгерцога, *никакого*

письма изъ Праги, и словомъ сказать, ничего, почерпнутаго изъ другихъ Нѣмецкихъ журналовъ, если только эти статьи не были уже помѣщены во Французскихъ повременныхъ изданiяхъ.

ГЛАВА XII.

Именины Наполеона — Невѣроятная лесть духовенства. — Изреченіе Плинія. — Великія дѣла, свершенныя Императоромъ. — Пожалованіе Князьями и Герцогами. — Поѣздка моя въ Любекъ. — Поллонъ д'Аликсъ — Оправдавшееся предчувствіе. — Извѣщеніе отъ Вестфальской Полиціи. — Взятіе д'Аликса подъ стражу и отсылка его въ Парижъ. — Путешествіе Короля Вестфальскаго. — Прежнее письмо Іеронима и письмо Короля Вестфальскаго, содержащія въ себѣ требованія денегъ. — Не удавшійся заемъ. — Выдача въ долгъ трехъ сотъ тысячъ франковъ на уплату жалованья войскамъ и снабженіе ихъ необходимыми вещами. — Подарокъ, присланный мнѣ Іеронимомъ. — Досада Императора. — Отосланный назадъ подарокъ. — Врожденная недовѣрчивость Наполеона. — Ложное предложеніе козней со стороны Іеронима. — Правильный ходъ дѣла. — Причина охотной выдачи въ заемъ трехъ сотъ тысячъ франковъ.

Воспоминанія мои 1809 года въ Гамбургѣ, приводятъ меня къ празднику именинъ Наполеона. Извѣстно, что родясь 15 Августа, онъ вставилъ соименнаго себѣ Святаго въ Импера-

торскій календарь, въ самый день своего рожденія. Празднованіе въ то же число Успенія подало тогда поводъ къ непостижимымъ ласкательствамъ. Какъ, не имѣя очевиднѣйшихъ тому доказательствъ повѣрить, что слова, которыя я приведу ниже, были произнесены на каѳедрѣ? Дѣйствительно церковныя рѣчи Имперіи составили бы любопытное собра́ніе хотя и не всѣ онѣ столь сильны, какъ слѣдующій отрывокъ: «Всевышній, въ святомъ своемъ милосер«діи, избралъ Наполеона въ представители свои «на земли. Царица Небесная ознаменовала вели«колѣпнѣйшимъ даромъ день достославнаго сво«его восшествія въ горнюю обитель. Святая «Дѣва! особенную любовь твою къ Французамъ «и всемогущее вліяніе твое у сына твоего до«казываетъ то, что въ главный твой праздникъ «произошло рожденіе Наполеона. Богу было «угодно, дабы Успеніе твое породило сего героя.»

Это одно только извлеченіе изъ отвратительныхъ похвалъ, которыя расточались Наполеону, и точно должны были вскружить ему голову. Я помню, что тогда я очень негодовалъ на нихъ по причинѣ зла, ими причиняемаго. Льстецы Наполеона отодвинули для него предѣлы раболѣпія; эта постыдная лесть, часто даже походившая на насмѣшку, почти заставляла думать, что хотятъ оправдать сказанное Пливіемъ: *Что Государямъ ненавидимымъ всегда болѣе*

льстять. Однакоже я не думаю, чтобы здѣсь кстати было сдѣлать это примѣненіе. Наполеонъ сдѣлалъ слишкомъ много хорошихъ и великихъ вещей для того, чтобы можно было къ нему это примѣнить; но тѣмъ не менѣе придетъ время, а можетъ быть оно уже и пришло, когда назовутъ подлыми обманщиками тѣхъ которые говорили, что Богъ избралъ Наполеона своимъ представителемъ на землѣ; что Богъ, сотворивъ Бонапарте, отдохнулъ; что онъ благополучнѣе Августа, добродѣтельнѣе Траяна; что онъ имѣетъ право на алтари, на храмы и проч.; — омерзѣніе не дозволяетъ мнѣ продолжать.

Это 15 Августа, столь благопріятное для хвалителей было въ тотъ годъ очень счастливо для людей, пожалованныхъ Княземъ Ваграмскимъ, Княземъ Эсслингскимъ, Княземъ Экмюльскимъ и для семи другихъ, сдѣланныхъ Герцогами. Это было положительно. Что значатъ нелѣпицы при полученіи знатнаго титула и богатаго помѣстья? Сколь немногіе люди поколебались бы, еслибъ ихъ подвергнуть испытанію!

Въ Гамбургѣ, мы отпраздновали день Св. Наполеона также, какъ и въ прошлые годы, большими обѣдами, плошками и нѣкоторыми общественными увеселеніями, что все ужасно какъ мнѣ надоѣло. За нѣсколько дней до этого праздника я ѣздилъ въ Любекъ, и во время кратка-

го моего тамъ пребыванія пріѣхалъ туда нѣкто Поллонъ д'Аликсъ, называвшій себя де Нёшато. Его скрытные поступки, неосторожныя рѣчи и сношенія съ людьми извѣстными за враговъ Франціи, возбудили мое подозрѣніе, и я приказалъ взять его подъ стражу. По опечатаніи бумагъ его, онъ былъ отправленъ въ Гамбургъ и отданъ въ руки начальника тамошнихъ Жандармовъ. Донесеніе сего Офицера, и сдѣланный Поллону д'Аликсу, допросъ представили мнѣ его столь подозрительнымъ, что я принужденнымъ нашелся отправить его въ Парижъ. Впрочемъ я скоро увидѣлъ, что я не ошибся въ догадкахъ моихъ объ этомъ человѣкѣ. Не знаю, какое-то предчувствіе заставило меня употребить съ нимъ мѣру, къ которой я очень не любилъ прибѣгать безъ доказательства вины. Я однакоже былъ радъ тому, что велѣлъ его задержать, ибо между тѣмъ какъ это по моему приказанію исполнялось, въ Гамбургъ пришло на мое имя письмо отъ Главнаго Директора Полиціи Вестфальскаго Королевства, который сообщалъ мнѣ, что этотъ Поллонъ д'Аликсъ бродяга, и просилъ меня взять его подъ стражу. Письмо, по случаю моего отсутствія было вручено Начальнику Жандармовъ, который прислалъ въ Любекъ приказъ задержать его въ то время, какъ я уже принялъ эту мѣру. Директоръ Вестфальской Полиціи описывалъ этого человѣка

чрезвычайно опаснымъ; я не знаю, что съ нимъ сдѣлала Парижская Полиція.

Чрезъ нѣсколько времени по задержаніи Поллона д'Аликса, Король Вестфальскій объѣзжалъ свои владѣнія. Изъ братьевъ Наполеона я зналъ его меньше всѣхъ, и онъ очевидно имѣлъ менѣе всѣхъ ихъ личныхъ достоинствъ. Вся переписка его со мною ограничивается сохранившимися у меня двумя письмами, коихъ сближеніе кажется мнѣ такъ любопытнымъ, что я рѣшаюсь опять привести здѣсь то, которое онъ писалъ мнѣ будучи еще Флотскимъ Лейтенантомъ, Командиромъ Кончика, хотя я и помѣстилъ его уже въ моихъ Запискахъ. Онъ писалъ мнѣ тогда:

«Предупреждаю тебя, любезный Бурієннъ, «что я далъ на твое имя заемное письмо въ «*двадцать тысячъ* франковъ; я писалъ объ «этомъ къ Первому Консулу съ послѣдимъ судномъ, и онъ вѣрно тебѣ уже объ этомъ говорилъ.

«Я встрѣтилъ одного изъ твоихъ друзей въ «Сен-Пієррѣ; это Генералъ Кастелла, здѣшній «Начальникъ; я прибылъ сюда 15 Брюмера и «провелъ только недѣлю въ Форъ-де-Фронсѣ.

«Прощай, любезный Бурієннъ, обнимаю «тебя.

«І. БОНАПАРТЕ.»

Это письмо было отъ 23 Ноября 1802. То, которое помѣщается ниже, написано почти семью годами позже, ибо на немъ выставлено 6 Сентября 1809 года, въ четыре часа вечера. Вотъ оно:

«Господинъ Буріеннъ,

«Я буду десятаго числа въ Гановрѣ; если вы «можете пріѣхать туда на сутки, то мнѣ очень «будетъ пріятно. Вы мнѣ этимъ доставите воз«можность устранить всѣ затрудненія, могущія «встрѣтиться при займѣ, который я желаю сдѣ«лать у Гамзейскихъ городовъ. Мнѣ пріятно ду«мать, что вы сдѣлаете все, отъ васъ завися«щее, для доставленія мнѣ успѣха. Въ настоя«щую минуту этотъ заёмъ для моего Государ«ства чрезвычайно важенъ. Онъ представляетъ «*болѣе чѣмъ достаточныя обеспеченія*, но не «принесъ бы мнѣ никакой пользы, еслибъ не «былъ сдѣланъ покрайней мѣрѣ на два года.

«Какъ письмо сіе не имѣетъ другой цѣли, то «я молю Бога, Г. Буріеннъ да сохранитъ онъ «васъ подъ своимъ святымъ кровомъ.

«ІЕРОНИМЪ БОНАПАРТЕ.»

Спрашиваю теперь, если сравнить между собою эти два письма, не забавная ли въ самомъ дѣлѣ вещь, что Іеронимъ писалъ ко мнѣ два раза, будучи Флотскимъ Лейтенантомъ, а потомъ Королемъ Вестфальскимъ и оба раза съ требованіемъ денегъ. Вексель Флотскаго Офице-

ра не очень меня затруднилъ; обошлось тѣмъ, что Бонапарте пожурилъ *маленькаго повѣсу*, какъ онъ тогда называлъ Іеронима; но дѣло относительно Его Величества Короля Вестфальскаго, было гораздо щекотливѣе. Я не смѣлъ содѣйствовать ему въ этомъ случаѣ безъ согласія на то Наполеона; а какъ Императоръ находился въ это время въ Шёнбруннѣ, то не имѣя возможности испросить его повелѣніе, я счелъ безполезнымъ представлять ему объ этомъ, и отдѣлался отъ Іеронима уверткою.

Вотъ въ чемъ было дѣло: Іеронимъ желалъ занять въ Гамбургѣ три милліона франковъ; но заимодавцы не являлись; они не нашли, подобно какъ Его Вестфальское Величество, что заемъ его представляетъ *болѣе чѣмъ достаточныя обезпеченія*; никто не хотѣлъ развязать кошелька своего, и заемъ не состоялся.

Не желая безъ соизволенія Императора употребить кредитъ, доставляемый мнѣ моимъ положеніемъ для успѣха Іеронимова дѣла, я однакоже старался быть ему полезнымъ и отчасти успѣлъ въ томъ; но все, что я могъ выхлопатать, состояло въ склоненіи Сената дать ему сто-тысячъ франковъ на уплату части невыданнаго имъ войскамъ жалованья и двухъ сотъ-тысячъ франковъ на необходимѣйшія издержки для снабженія сапогами, башмаками и сѣдлами дивизіи его арміи, оставленной имъ въ Гамбур-

гѣ и терпящей во всемъ недостатокъ. Изъ этой же суммы онъ снарядилъ и снабдилъ лошадьми двадцать пять своихъ Лейбъ-Гвардейцовъ, которые находились въ большой нуждѣ. Вся Германія представляла повсюду картину нищеты, какъ у союзниковъ, такъ и у непріятелей Франціи.

Что касается до Іеронима, то онъ возвратился въ Кассель, весьма огорченный тѣмъ, что его попытка займа не имѣла успѣха. Однакоже черезъ нѣсколько дней по возвращеніи его въ столицу, я получилъ отъ него табакерку съ его портретомъ, осыпаннымъ бриліантами и письмо, въ которомъ онъ благодарилъ меня за то, что мнѣ удалось сдѣлать для вспомоществованія его несчастнымъ солдатамъ. Подарокъ Іеронима, по истинѣ причинилъ мнѣ болѣе досады, чѣмъ удовольствія, ибо я не любилъ получать никакихъ одолженій отъ членовъ Наполеоновой фамиліи; однакоже мнѣ и въ голову не пришло, чтобы возможно было отказаться отъ знака воспоминанія, пожалованнаго коронованною главою. Наполеонъ, какъ увидятъ, судилъ иначе. Надобно знать, что я не донесъ Правительству о попыткѣ Короля Вестфальскаго сдѣлать заемъ; только въ донесеніи моемъ отъ 22 Сентября Министру Внѣшнихъ Сношеній, я сообщилъ къ свѣдѣнію, что дивизія Вестфальскихъ войскъ, простоявъ двѣ недѣли въ

Гамбургѣ, выступила оттуда для занятія позиціи между Везеромъ и Эльбою, и что мнѣ удалось быть полезнымъ этимъ войскамъ. Въ томъ же донесеніи я извѣщалъ о подаркѣ, присланномъ мнѣ Іеронимомъ съ просьбою принять оный, *какъ знакъ особеннаго его уваженія.*

Не знаю, что именно въ этомъ *знакѣ особеннаго уваженія* могло такъ сильно раздражить Наполеона, но онъ прислалъ ко мнѣ курьера съ приказаніемъ, какъ можно скорѣе отослать къ Іерониму обратно сдѣланный имъ мнѣ подарокъ и съ сильнымъ упрекомъ за то, что я принялъ оный, безъ его на сіе соизволенія. Я отослалъ бриліанты, но оставилъ у себя портретъ. Изъ этого легко можно было видѣть, что дѣлая своихъ братьевъ Королями, Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы они дѣйствовали по Царски, и что въ малѣйшихъ распоряженіяхъ по ихъ власти онъ желалъ держать ихъ у себя подъ опекою. Зная врожденную недовѣрчивость Бонапарте, я подумалъ и, вѣроятно не безъ основанія, что онъ вообразилъ себѣ, что Іеронимъ, подвинувъ войска свои до Гамбурга, употребилъ какія нибудь угрозы для успѣха займа своего, или покрайней мѣрѣ прибѣгнулъ къ какому нибудь средству соблазна. Я еще болѣе убѣдился въ этомъ предположеніи, когда Наполеонъ осыпалъ меня жесточайшими упреками за то, что я съ самаго начала не донесъ ему

обо всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла; онъ также думалъ, что Iеронимъ повиновался чьимъ либо внушенiямъ и мнѣ чрезвычайно какъ было трудно убѣдить его въ томъ, что заемъ, который Король Вестфальскiй желалъ сдѣлать въ Гамбургѣ, былъ слѣдствiемъ одной его собственной воли. Наконецъ, послѣ многихъ объясненiй, Наполеонъ увидѣлъ, что все было сдѣлано въ совершенномъ порядкѣ; что Банкиръ Кассельскаго Двора прiѣзжалъ для этого дѣла въ Гамбургъ, и вступилъ объ ономъ въ переговоры съ двумя тамошними торговыми домами, которыхъ условiя показались ему непомѣрными; почему заемъ не состоялся, и что словомъ сказать, все это дѣло произошло какъ будто между двумя частными лицами. Что же касается до трехъ сотъ тысячъ франковъ, которые по моему убѣжденiю Сенатъ рѣшился дать въ заемъ Iерониму, то Сенатъ сдѣлалъ это безъ большихъ затрудненiй и по весьма простой причинѣ, находя въ томъ свою выгоду, ибо чрезъ это онъ удалялъ отъ города Вестфальскую дивизiю, которой присутствiе, вѣроятно обошлось бы ему гораздо дороже.

++

ГЛАВА XIII.

Дѣла Императора и замыслы Бонапарте. — Возвращеніе къ прежней мысли о возмущеніи Венгріи. — Посѣщеніе Ваграмскаго поля битвы. — Владѣнія Папы присоединены къ Имперіи, и Римъ объявленъ вторымъ Императорскимъ городомъ — Папа на жалованьѣ. — Несправедливость и неблагодарность. — Огорченіе Наполеона при извѣстіи о Талавейрской битвѣ. — Первые подвиги Артура Веллеслея — Англичане въ Голландіи. — Замедлившіеся переговоры. — Желаніе Наполеона отомстить Испаніи. — Бѣдствія, претерпѣваемыя Германіею. — Опасность, коей Императоръ подвергался въ Шёнбруннѣ. — Штапсъ — Разсказъ Раппа — Штапсъ въ Шёнбруннѣ. — Желаніе его переговорить съ Императоромъ — Открытый убійца. — Признаніе, и чрезвычайное хладнокровіе. — Штапсъ допрошенъ Наполеономъ — Обѣщанное и отвергнутое помилованіе. — Изступлённая любовь къ отечеству — Замѣчательныя отвѣты. — Призывъ Корвизара. — Новый допросъ. — Изумленіе Императора. — Выходка Наполеона противъ иллюминатовъ. — Обвиненіе дворовъ Берлинскаго и Веймарскаго. — Сравненіе между Шиллемъ и Штапсомъ. — Откровенность Раппа. — Штапсъ ни въ чемъ не признается. — Умъ Наполеона пораженъ этимъ молодымъ

человѣкомъ.—Подробности о смерти Штапса.—Влiянiе его попытки на заключенiе мира.—Приказанiя Г. Шампаньи. —Счастливая поспѣшность этого Министра къ заключенiю мира.

Каждое изъ дѣлъ Императора напоминало мнѣ одинъ изъ замысловъ Бонапарте, и откровенно признаюсь, что до тѣхъ поръ, пока фортуна осуществила эти замыслы, я иногда считалъ ихъ мечтами, тогда какъ оные были мнѣ ввѣряемы; даже самъ я думалъ, что вижу сонъ, когда гонецъ привозилъ мнѣ вѣсть о какой нибудь великой политической рѣшимости, принятой Наполеономъ и когда я вспоминалъ, что эта рѣшимость была только исполненiемъ слова, сказаннаго случайно въ нашихъ дружескихъ разговорахъ, тогда какъ онъ еще видѣлъ во мнѣ только соученика Брiенской Школы и показывалъ видъ, что имѣетъ ко мнѣ такую же привязанность, какую я дѣйствительно въ то время питалъ къ нему. Такимъ образомъ, напримѣръ, я помню, что до Кампо-Формiйскаго трактата, Бонапарте сказалъ мнѣ однажды вечеромъ при Бертье: «Съ Венгрiею можно будетъ что нибудь сдѣлать; если Австрiйское Правительство не поторопится кончить дѣло, то бунтъ въ этомъ краю не сдѣлаетъ дурнаго, а ничего нѣтъ легче: Венгерцы не такiе равнодушные люди, какъ жители прочихъ Австрiйскихъ областей.» То что Бонапарте мелькомъ

привелъ въ исполненіе одинъ изъ нихъ, который охладилъ къ нему во Франціи великое количество умовъ, взявшихъ сторону его Правительства. Черезъ пять дней после бомбардированія Вѣны, т. е. 17 Маія, Императоръ издалъ указъ, въ силу коего владѣнія Папы присоединялись къ Французской Имперіи, а Римъ былъ объявленъ Императорскимъ городомъ. Такимъ образомъ всякой разъ, когда жребій оружія благопріятствовалъ ему въ одной точкѣ, онъ пользовался имъ для удовлетворенія своей потребности завладѣнія землями въ другомъ мѣстѣ. Въ продолженіе перваго Вѣнскаго похода, онъ такимъ же образомъ распорядился на счетъ Неаполитанскаго Королевства; въ Тильзитскую кампанію онъ основалъ на счетъ Пруссіи Вестфальское Королевство и раздробилъ владѣнія Папы, дабы прибавить три Департамента къ Королевству Италіи. Въ этотъ разъ онъ совершенно исключилъ церковь изъ числа мірскихъ Державъ. Не стану разсуждать, хорошо ли это или дурно было въ политическомъ отношеніи, но нельзя назвать это со стороны Наполеона храбрымъ дѣломъ, ибо прошло уже то время, когда Юлій II-й отлагалъ ключи Св. Петра для того, чтобы препоясаться мечемъ Св. Павла. Сверхъ того, это была еще несправедливость, а послѣ снисходительности Папы, дѣло самой черной неблагодарности. Однакоже актъ при-

соединенія не отнималъ у Папы его мѣстопребыванія; но онъ оставался только первымъ Эпископомъ Христіанства съ двумя милліонами жалованья. Извѣстно, какія гоненія послѣдовали за этимъ первымъ дѣйствіемъ, и такова сила уваженія, внушаемаго добродѣтелью старца, что даже въ Протестантскихъ земляхъ, всѣ вообще вознегодовали на поступки Наполеона съ Піемъ VII-мъ.

Наполеонъ, будучи еще въ Вѣнѣ, узналъ о Талавейрскомъ дѣлѣ. Меня увѣдомили письмомъ изъ Главной Квартиры, что онъ очень былъ имъ огорченъ и не скрылъ сильной досады, имъ ощущенной. Я право думаю, что онъ привязался къ завоеванію Испаніи именно по причинѣ трудностей, къ тому представлявшихся, и онъ видѣлъ это завоеваніе, если не вовсе отъ него ускользнувшее, то покрайней мѣрѣ теряющееся въ случайностяхъ сомнительной будущности. При Талавейрѣ сдѣлалось первоначально извѣстнымъ имя человѣка, которое может быть имѣло бы славу, еслибъ не слишкомъ старались превозносить оную. Это былъ первый блистательный подвигъ Артура Веллеслея, коего послѣдніе успѣхи, какъ бы оные ни были пріобрѣтены, имѣли столь обширныя послѣдствія.

Между тѣмъ, какъ мы подверглись этой неудачѣ въ Испаніи, Англичане сдѣлали попытку

экспедиціи въ Голландію, гдѣ они уже овладѣли островомъ Вальхерномъ; правда что они скоро принужденными нашлись оттуда выступить; но какъ въ эту минуту Французскія и Австрійскія арміи находились въ бездѣйствіи по перемирію, заключенному въ Знаимѣ, въ Моравіи; то неблагопріятныя для Наполеона извѣстія оживляли нѣсколько надежды Австрійскихъ Дипломатовъ, которые нарочно тянули переговоры въ надеждѣ, что новыя неудачи доставятъ имъ болѣе благопріятныя условія. Эти замедленія выводили изъ терпѣнія Императора, который горѣлъ желаніемъ устремить всѣ свои силы противъ Англіи и Испаніи, двухъ враговъ, коихъ ему оставалось еще преодолѣть послѣ заключенія мира. Испанія въ особенности привлекала къ себѣ его взоры, и ему очень хотѣлось поскорѣе отомстить ей за Талавейрское пораженіе. Однакожъ, какъ скоро увидятъ, не столько по этой причинѣ, какъ для того, чтобы поскорѣй кончить дѣло, Наполеонъ показалъ нѣсколько уступчивости въ своихъ требованіяхъ; причина, болѣе личная, чѣмъ политическая, подѣйствовала на умъ его и заставила его рѣшиться.

Въ продолженіе этихъ-то переговоровъ, коихъ конецъ какъ будто все далѣе и далѣе былъ отодвигаемъ, Наполеонъ подвергся опасности, болѣе существенной, чѣмъ его Ратисбонская

рана. Германія находилась въ такомъ страждущемъ положеніи, которое трудно бы описать, и которое еще болѣ было ощутительно чрезъ присутствіе значительнаго числа войскъ, всегда тяжкое и притѣснительное, какова бы ни была твердость начальниковъ къ поддержанію дисциплины; ученіе просвѣтителей (illuminisme) дѣлало тамъ уже большіе успѣхи, а изступленная любовь къ отечеству овладѣла умами нѣкоторыхъ молодыхъ людей съ неменьшею силою, съ какою царствовалъ фанатизмъ вѣры, котораго Генрихъ IV палъ жертвою.

Одинъ молодой человѣкъ вознамѣрился умертвить Наполеона, дабы избавить Германію отъ того, котораго онъ считалъ бичемъ ея. Раппъ находился при Императорѣ, также какъ и Бертье, въ ту минуту, какъ онъ былъ взятъ подъ стражу, и я увѣренъ, что сообщу объ этомъ происшествіи самыя точныя, самыя достовѣрныя свѣдѣнія, помѣстивъ здѣсь разсказъ, мною слышанный; и при этомъ случаѣ я еще разъ могу порадоваться сдѣланной мною привычкѣ записывать самыя любопытныя происшествія. Разговаривая объ этомъ дѣлѣ съ Раппомъ, мы взаимно ввѣрили другъ другу извѣстныя намъ обстоятельства этого же рода, и читатели ниже увидятъ, какой еще другой Германецъ, гораздо достопримѣчательнѣе Шёнбрунискаго изувѣра,

совсѣмъ съ иною мыслью предпринялъ подобное же намѣреніе.

«Мы находились въ Шёнбруннѣ,» сказалъ мнѣ Раппъ, «гдѣ Императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ; я уже замѣтилъ въ концѣ одной колонны стоящаго молодаго человѣка; когда же войска двинулись для прохожденія церемоніяльнымъ маршемъ, то я увидѣлъ, что этотъ молодой человѣкъ подошелъ къ Императору, находившемуся въ эту минуту между Бертье и мною. Князь Нёшательскій, принявъ его за желающаго подать просьбу, двинулся впередъ, дабы сказать ему, что онъ мнѣ долженъ вручить ее, ибо я въ тотъ день былъ дежурнымъ Адъютантомъ. Онъ объявилъ, что желаетъ говорить съ самимъ Наполеономъ, и Бертье опять сказалъ ему, что онъ долженъ обратиться ко мнѣ. Онъ нѣсколько отдалился, повторяя, что хочетъ говорить съ Наполеономъ. Вскорѣ онъ опять подошелъ и очень близко къ Императору. Я удалилъ его, сказавъ ему по Нѣмецки, чтобы онъ подождалъ до окончанія смотра, и что если онъ имѣетъ что нибудь сказать, то его выслушаютъ. Я внимательно наблюдалъ за нимъ, ибо настойчивость его начала казаться мнѣ подозрительною. Я замѣтилъ, что правая рука его лежала на лѣвой сторонѣ его сертука у кармана, изъ котораго высовывался конецъ бумаги. Не знаю, какъ-то случайно гла-

за мои встрѣтились съ его глазами; но меня поразилъ взглядъ его и какой-то рѣшительный видъ, показавшійся мнѣ неестественнымъ. Увидѣвъ тогда находившагося неподалеку отъ насъ Жандармскаго Офицера, я подозвалъ его къ себѣ и приказалъ ему взять этого молодаго человѣка, не дѣлать ему никакого насилія, но задержать его безъ шума во дворцѣ до окончанія смотра. Все это,» прибавилъ Рапнъ, «сдѣлалось въ меньшее время, чѣмъ пока я тебѣ разсказываю, и въ эту минуту всѣ такъ были заняты смотромъ, что никто не замѣтилъ происшедшей сцены. Мнѣ скоро пришли объявить, что у этого молодаго человѣка, по имени Штапса, найденъ огромный кухонный ножъ. Я тотчасъ отыскалъ Дюрока, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ комнату, въ которую былъ отведенъ Штапсъ. Мы нашли его сидящимъ на постелѣ и погруженнымъ въ задумчивость, но не испуганнымъ. Онъ имѣлъ при себѣ портретъ молодой женщины, бумажникъ и кошелекъ, въ которомъ были только двѣ золотыя монеты, кажется, два старые Французскіе луидора. Тогда я спросилъ у него объ имени, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что можетъ сказать его только Наполеону. На вопросъ мой, какое употребленіе онъ хотѣлъ сдѣлать изъ ножа, при немъ найденнаго, онъ отвѣчалъ тоже самое: «Я могу сказать только Наполеону. — Назначалиль

«вы его,» прибавилъ я, «къ покушенію противъ его жизни?—Да, сударь.—По какой причинѣ?—Я могу сказать только Наполеону.»

«Это происшествіе показалось мнѣ столь необычайнымъ, что я долгомъ счелъ донести объ ономъ Императору. Когда я пересказалъ ему случившееся, то онъ нѣсколько задумался, ибо ты знаешь, какъ мысли объ убійствѣ его тревожатъ; онъ велѣлъ мнѣ привести этого молодаго человѣка къ нему въ кабинетъ; но отдалъ это приказаніе такимъ голосомъ, какого ни ты, ни я, никогда отъ него не слыхали; онъ безпрестанно водилъ правою рукою себѣ по лбу, и съ испытующимъ видомъ смотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ. Бертье, Бернадотъ, Савари и Дюрокъ при томъ находились, и я замѣтилъ, что глаза Императора попеременно устремлялись то на того, то на другаго, хотя онъ бы долженъ былъ знать, что каждый изъ насъ готовъ бы пожертвовать своею жизнью для его службы. Два Жандарма, согласно съ отданнымъ мною имъ приказаніемъ, привели Штапса предъ Наполеона. Бѣдный молодой человѣкъ, не смотря на свой злодѣйскій умыселъ, имѣлъ въ лицѣ своемъ нѣчто привлекательное, невольно къ нему располагающее. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ могъ отпереться; но была ли возможность спасти молодаго человѣка, который самъ хочетъ погубить себя? Императоръ, по

приведенiи предъ него Штапса, спросилъ у него, говоритъ ли онъ по Французски; Штапсъ отвѣчалъ, что очень мало, и какъ тебѣ извѣстно, что послѣ тебя, я больше всѣхъ знаю по Нѣмецки, то мнѣ приказано было допросить его на этомъ языкѣ, и вотъ точное изложенiе допроса, который я принужденнымъ нашелся ему сдѣлать. Впрочемъ, въ этомъ допросѣ я былъ только переводчикомъ: по введенiи Штапса, Наполеонъ такъ спѣшилъ узнать его отвѣты, что въ разговорѣ, который я тебѣ сообщу, я исполнялъ только должность Секретаря-Переводчика, ибо говорилъ самъ Императоръ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Откуда ты?

ШТАПСЪ.—Изъ Норрембурга.

ИМПЕРАТОРЪ.—Что дѣлаетъ отецъ твой?

ШТАПСЪ.—Онъ Протестантскiй Священникъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Который тебѣ годъ?

ШТАПСЪ.—Осмнадцать лѣтъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Что ты хотѣлъ сдѣлать ножемъ своимъ?

ШТАПСЪ.—Убить васъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Ты съумасшедшiй, молодой человѣкъ, ты иллюминатъ?

ШТАПСЪ.—Я не съумасшедшiй, и не знаю, что значитъ быть иллюминатомъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Стало быть ты боленъ.

ШТАПСЪ.—Я не боленъ; я совершенно здоровъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—За что же ты хочешь убить меня?

ШТАПСЪ.—За то, что вы дѣлаете несчастнымъ мое отечество.

ИМПЕРАТОРЪ.—Сдѣлалъ ли я тебѣ какое нибудь зло.

ШТАПСЪ.—Такое, же какъ и всѣмъ Нѣмцамъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Кто тебя послалъ? Кто тебя побудилъ къ этому злодѣйству?

ШТАПСЪ.—Никто; одно только внутреннее убѣжденіе, что убивъ васъ, я окажу величайшую услугу моему отечеству и Европѣ, вложило мнѣ въ руку оружіе.

ИМПЕРАТОРЪ.—Въ первый ли разъ ты меня видишь?

ШТАПСЪ.—Я видѣлъ васъ въ Эрфуртѣ, при свиданіи вашемъ съ Императоромъ Россійскимъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Не имѣлъ ли ты и тогда намѣренія убить меня?

ШТАПСЪ.—Нѣтъ; я думалъ, что вы не будете болѣе воевать съ Германіею; я былъ однимъ изъ величайшихъ вашихъ почитателей.

ИМПЕРАТОРЪ.—Давно ли ты въ Вѣнѣ?

ШТАПСЪ.—Десять дней.

ИМПЕРАТОРЪ.—Отъ чегожъ ты такъ долго медлилъ въ исполненіи твоего умысла?

ШТАПСЪ.—Я пріѣхалъ въ Шенбруннъ, не-

дѣлю тому назадъ, съ намѣреніемъ убить васъ; но разводъ только что кончился и я отложилъ исполненіе моего намѣренія до нынѣшняго дня.

ИМПЕРАТОРЪ.—Ты сумасшедшій, говорю я тебѣ, или ты боленъ.

«Императоръ, въ этомъ мѣстѣ допроса, приказалъ позвать Корвизара; Штапсъ спросилъ, кто такой Корвизаръ; я объявилъ ему, что это Докторъ, на что онъ сказалъ мнѣ: «Я не имѣю въ немъ нужды.» Послѣ сего мы до прихода Доктора хранили молчаніе, а Штапсъ въ продолженіе этого времени показывалъ величайшее безстрастіе. По приходѣ Корвизара, Наполеонъ приказалъ ему пощупать у молодаго человѣка пульсъ, что онъ немедленно исполнилъ, а Штапсъ сказалъ ему съ большимъ хладнокровіемъ: «Неправдали, Сударь, что я не боленъ? — Онъ совершенно здоровъ,» отвѣчалъ Корвизаръ, обращаясь къ Императору. — «Я вамъ это сказывалъ,» подхватилъ Штапсъ, произнеся эти послѣднія слова съ какимъ-то удовольствіемъ.

«Я дѣйствительно былъ пораженъ хладнокровіемъ и безстрастіемъ Штапса; даже самого Императора, казалось, изумила увѣренность этого молодаго человѣка. Чрезъ нѣсколько секундъ, онъ опять заговорилъ съ нимъ:

ИМПЕРАТОРЪ.—У тебя восторженная голова, ты погубишь свое семейство. Я подарю тебѣ жизнь, если ты попросишь у меня проще-

нія въ злодѣйствѣ, которое ты хотѣлъ свершить и которое должно тебя огорчать.

ШТАПСЪ.—Я не хочу прощенія; мнѣ только очень больно, что мнѣ не удалось.

ИМПЕРАТОРЪ.—Прошу покорно! кажется, что преступленіе ничего для тебя не значитъ.

ШТАПСЪ.—Убить васъ не есть преступленіе: это долгъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Чей портретъ при тебѣ найденъ?

ШТАПСЪ.—Молодой, дѣвушки, которую я люблю.

ИМПЕРАТОРЪ.—Ее конечно очень огорчитъ случившееся съ тобою?

ШТАПСЪ.—Ее огорчитъ то, что мнѣ не удалось; она столькоже васъ ненавидитъ, какъ и я.

ИМПЕРАТОРЪ.—Но наконецъ, если я тебя помилую, будешь ли ты мнѣ за то благодаренъ?

ШТАПСЪ.—Я тѣмъ не менѣе убью васъ.

«Наполеонъ,» продолжалъ Раппъ, «былъ въ такомъ изумленіи, въ какомъ я никогда его не видывалъ. Отвѣты Штапса и его непоколебимая рѣшительность до такой степени его поразили, что я не могу тебѣ описать. Онъ приказалъ увести плѣнника. По выходѣ его Наполеонъ обратился къ намъ: «Вотъ,» сказалъ онъ, «слѣдствія этого ученія просвѣтителей, за-

ражающаго Германію. Прекрасныя правила, могу сказать, и прекрасное просвѣщеніе! оно-то превращаетъ молодыхъ людей въ убійцъ; но съ иллюминатами нечего дѣлать; секту нельзя уничтожить пушечными выстрѣлами.»

«Побранивъ еще иллюминатовъ, Наполеонъ вошелъ въ свой кабинетъ съ Бертье, и это происшествіе, котораго старались не пускать въ огласку, сдѣлалось предметомъ разговоровъ между жителями Шёнбруннскаго замка. Вечеромъ, Императоръ приказалъ позвать меня къ себѣ: «Раппъ,» сказалъ онъ мнѣ, «знаешь ли ты, что происшествіе, случившееся сегодня утромъ, очень необычайно. Я не могъ повѣрить, чтобы этотъ молодой человѣкъ былъ въ состояніи одинъ вознамѣриться меня убить. Подъ этимъ что нибудь кроется. Меня не увѣрятъ въ томъ, что Берлинскія и Веймарскія козни тутъ не участвуютъ.—Государь, позвольте мнѣ сказать Вашему Величеству, что эти подозрѣнія нимало не кажутся мнѣ основательными; Штапсъ дѣйствовалъ самъ собою; его хладнокровный видъ и самое изувѣрство очевидно то доказываютъ. —Я тебѣ говорю, что тутъ участвуютъ женщины, жаждущія мести; еслибъ я въ томъ увѣрился, то похитилъ бы ихъ изъ среди Двора ихъ!—Ахъ, Государь, ни одна женщина и ни одинъ мужчина при этихъ двухъ Дворахъ, не въ состояніи возъимѣть такой лютый умыселъ.

—Въ этомъ я нисколько не убѣжденъ.—«Ты знаешь,» продолжалъ Раппъ, «какъ Императоръ любитъ, чтобы соглашались съ нимъ тогда, какъ онъ уже составилъ себѣ мнѣнiе, отъ котораго не хочетъ отстать. Я испыталъ то въ этомъ мѣстѣ нашего разговора, ибо переставъ вдругъ говорить мнѣ *ты*, что онъ всегда дѣлаетъ, когда находится въ веселомъ расположенiи духа,— онъ прибавилъ, не перемѣняя впрочемъ тона: «Что вы ни говорите, господинъ Генералъ, а меня не любятъ ни въ Берлинѣ, ни въ Веймарѣ.—Въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя, Государь; но можете ли вы ожидать, чтобы васъ любили при этихъ двухъ Дворахъ; и изъ того, что васъ не любятъ, должно ли заключать, что васъ хотятъ убить? — Я знаю, какъ раздражены противъ меня эти женщины; но потерпимъ. Напиши къ Генералу Лауеру, что я поручаю ему допросить Штапса; и особенно скажи ему, чтобы онъ постарался склонить его къ какому нибудь признанiю.

«Согласно съ волею Императора, я написалъ, но отъ Штапса не могли добиться никакого признанiя; при допросѣ, сдѣланномъ ему Генераломъ Лауеромъ, онъ повторилъ почти тоже самое, что онъ сказалъ Наполеону; рѣшимость его и спокойствiе ни на минуту не измѣнились, и онъ настоятельно увѣрялъ, что онъ одинъ предпринялъ это дѣло, и не имѣлъ никого по-

Digitized by Google

вѣреннымъ; но Императоръ такъ былъ пораженъ умысломъ Штапса, что онъ опять заговорилъ со мною о немъ въ самый день отъѣзда нашего изъ Шёнбрунна. Мы были одни и онъ сказалъ мнѣ: «Этотъ несчастный Штапсъ не выходитъ у меня изъ головы. Думая о немъ, я совершенно теряюсь въ мысляхъ; нѣтъ, я не могу постигнуть, чтобы молодой человѣкъ такихъ лѣтъ, Нѣмецъ, получившій воспитаніе и въ особенности Протестантъ, въ состояніи былъ предпринять и захотѣлъ бы исполнить такое злодѣйство. Посуди самъ; говорятъ объ Италіянцахъ, будто бы этотъ народъ склоненъ къ убійствамъ; а между тѣмъ ни одинъ Италіянецъ не покусился на жизнь мою; это свыше моихъ понятій. Освѣдомься, какимъ образомъ онъ умеръ и потомъ скажи мнѣ.»

«Генералъ Лауеръ сообщилъ мнѣ желаемыя Императоромъ свѣдѣнія, по которымъ, какъ я донесъ и Наполеону, Штапсъ, сдѣлавшій свое покушеніе 23 Октября, былъ казненъ 27-го въ семь часовъ утра, не ѣвъ ничего съ 24 числа. Когда ему принесли пищу, то онъ отказался, говоря: «У меня остается еще довольно силъ для того, чтобы дойти до мѣста казни» Когда ему объявили, что миръ заключенъ, то онъ обнаружилъ сильное огорченіе и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Прибывъ на мѣсто казни, онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Да здравст-

вуетъ свобода! да здравствуетъ Германiя! Смерть ея тирану! и палъ.»

Таково содержанiе записаннаго мною разговора, который я имѣлъ съ Раппомъ, прогуливаясь вмѣстѣ съ нимъ въ саду прежняго Монморенскаго отеля, въ которомъ жилъ Раппъ на углу Плюметской улицы и булевара. Я помню что онъ показывалъ мнѣ и ножъ Штапса, отданный ему Императоромъ, и который былъ не что иное, какъ очень обыкновенный, большой кухонный ножъ. Къ этимъ подробностямъ я могу прибавить очень любопытное обстоятельство, почерпнутое мною изъ другаго, но столь же достовѣрнаго источника. Объ этомъ обстоятельствѣ я уже намекнулъ, упомянувъ о личныхъ Императору причинахъ, которыя ускорили заключенiе мира. Мнѣ доказано, что умыселъ новаго Нѣмецкаго Муцiя Сцеволы имѣлъ значительное влiянiе на сдѣланныя Императоромъ уступки, и что Наполеонъ боялся, чтобы Штапсу, подобно убiйцѣ Порсенны, не нашлись подражатели между Германскими иллюминатами. При этомъ случаѣ я сдѣлаю замѣчанiе на счетъ того, какъ должно было служить Императору, дабы въ тоже время служить и истиннымъ выгодамъ Францiи. Я уже довольно говорилъ о томъ, сколько разъ Наполеону служили съ тѣмъ излишнимъ рвенiемъ, которое можно назвать несчастнымъ; но если во многихъ обстоятельствахъ, непосредственные исполнители его

воли должны были бы избавлять его отъ опасностей торопливости, замедливая исполненіемъ приказовъ, отданыхъ въ первомъ движеніи, производимомъ тою раздражительностью, которая требуетъ, чтобы за приказаніемъ тотчасъ слѣдовало исполненіе,—то бывали и такіе случаи, въ которыхъ быстрота исполненія имѣла существенное достоинство; искуство состояло тогда въ томъ, что бы, такъ сказать, на лету ловить лучъ, исторгнувшійся у Наполеона въ минуту сильнаго, но преходящаго впечатлѣнія, — для того чтобы предохранить его отъ обращенія вспять, могшаго быть для него пагубнымъ. При различеніи обстоятельствъ, въ которыхъ слѣдовало замедлить или ускорить повиновеніемъ—въ особенности обнаруживалась прозорливость его Министровъ. Такимъ образомъ читатели видѣли, что Г. Талейранъ часто услуживалъ Наполеону своими замедленіями; преемникъ его Г. Шампаньи не менѣе услужилъ ему въ Вѣнѣ въ эпоху, мною упоминаемую, схвативъ, какъ говорится, ядро на лету.

Извѣстно, что послѣ Ваграмскаго сраженія, переговоры открылись въ Раабѣ. Хотя миръ сдѣлался почти равно необходимымъ для обѣихъ Державъ, и хотя оба Императора, казалось, равно его желали, но онъ однакоже не заключался. Это происходило отъ того, что по возобновленія непріятельныхъ дѣйствій послѣ Знаим-

скаго перемирія, продолжавшагося только мѣсяцъ, подобно какъ при переговорахъ, предшествовавшихъ знаменитому Вестфальскому трактату, требованія договаривавшихся сторонъ стали измѣняться сообразно съ судьбою ихъ оружія. Надобно сознаться, что при Раабскихъ переговорахъ положеніе обѣихъ сторонъ не было равно; однакоже Австрія, хотя и побѣжденная, спорила еще на счетъ нѣкоторыхъ условій. Г. Шампаньи съ рѣдкимъ счастіемъ успѣлъ склонить Австрійскаго уполномоченнаго, Князя Лихтенштейна, къ согласію на важнѣйшія изъ этихъ условій, на всѣ тѣ, которыя относились къ новымъ разграниченіямъ Австрійскихъ земель; и достойно замѣчанія, что затрудненія происходили со стороны Наполеона: Требованія его возрастали въ прямомъ содержаніи съ готовностью Австріи согласиться на оныя; онъ неохотно утверждалъ статьи, выговоренныя его Министромъ, боясь заключенія акта, который положитъ конецъ его завоеваніямъ и распространенію его могущества. И такъ переговоры прервались, и Г. Шампаньи нѣсколько дней уже не видался съ Княземъ Лихтенштейномъ, тогда какъ Штапсъ сдѣлалъ свое покушеніе.

Тотчасъ послѣ допроса, сдѣланнаго Наполеономъ этому молодому изувѣру, онъ послалъ за Г-мъ Шампаньи. «Въ какомъ положеніи пере-

говоры?» спросилъ онъ у него. Когда же Министръ донесъ ему о томъ: «Я хочу,» сказалъ Императоръ, «чтобы они тотчасъ были возобновлены; кончите, я желаю мира; не затрудняйтесь нѣсколькими миліонами болѣе или менѣе въ вознагражденіи, требуемомъ мною отъ Австріи; въ этой статьѣ вы можете сдѣлать уступку; я хочу конца и полагаюсь на васъ.»

Судя по этому, не очевидно ли, какъ я сказалъ, что покушеніе Штапса было причиною заключенія мира?

Тогда-то быстрота, съ коею Г. Шампаньи исполнилъ волю Императора, не дозволила сему послѣднему отдумать то, что ему внушило первое движеніе. Министръ поспѣшилъ написать къ Князю Лихтенштейну; въ тотъ же вечеръ оба уполномоченные съѣхались въ Раабѣ; статьи договора, оставшіяся нерѣшенными, были разсмотрѣны, соглашены и въ туже ночь подписаны. Я узналъ отъ одной вѣрной особы, находившейся тогда въ Шёнбруннѣ, что когда на другой день утромъ Г. Шампаньи явился къ Императору съ заключеннымъ мирнымъ договоромъ, то Наполеонъ едва просмотрѣлъ его; одобрилъ его во всѣхъ частяхъ и изъявилъ Министру свою живѣйшую признательность за быстроту, съ которою заключеніе договора послѣдовало за изъявленною имъ волею. Для того, кто знаетъ Наполеона, оче-

виднымъ покажется, что еслибъ это дѣло продлилось нѣсколько дней, и въ это время Императоръ одержалъ бы какую нибудь значительную выгоду, то онъ не отступился бы ни отъ котораго изъ своихъ требованій, и гордость побѣдителя пересилила бы человѣческое благоразуміе. Сколько разъ я имѣлъ случаи видѣть этому опыты! сколько разъ я видалъ, что Наполеонъ выходилъ изъ кабинета съ мудрыми, умѣренными мыслями; а потомъ, объѣхавъ ряды солдатъ, которыхъ онъ пріучилъ побѣждать подъ его предводительствомъ, вдругъ былъ пораженъ какимъ-то упоеніемъ, возвращался къ исполинскимъ замысламъ, и оставя въ сторонѣ благоразумную свою рѣшимость, пускался въ неопредѣлительность будущности, которую воображеніе всегда показывало ему столь обширною и блистательною. А посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ усердіе Г-на Шампаньи было очень счастливымъ усердіемъ, которому Франція и Австрія были обязаны заключеніемъ мира.

++

ГЛАВА XIV.

Слѣдствія присоединенія Папскихъ владѣній къ Имперіи.—Всеобщее неодобреніе. — Заблужденіе Императора на счетъ Римскаго Двора.—Указъ о взятіи земель и булла отлученія отъ Церкви.—Безпокойство, причиненное Наполеону сопротивленіемъ Папы.—Папа увезенный и блуждающій по Италіи.—Сближеніе чиселъ—Четырнадцатое Іюля и Маршалъ Макдональдъ.—Маршальскій жезлъ, данный на полѣ битвы, и слова Наполеона.—Принцъ Мекленбургскій.—Возвращеніе изъ Англіи и затрудненія при выходѣ на берегъ.—Строгость приказаній Наполеона.—Братъ и сестра. — Датская Наслѣдная Принцесса и разлука съ мужемъ. — Снисходительное письмо Короля Датскаго и отеческая строгость — Свѣдѣніе, сообщенное мнѣ Барономъ Плессеномъ.—Поведеніе Наслѣдной Принцессы въ Альтонѣ.—Генералъ Моранъ въ Гамбургѣ.—Общее о немъ сожалѣніе, и бичъ Гамбурга.

Возвращаюсь теперь къ тѣмъ событіямъ 1809 года, которыми я не хотѣлъ до сихъ поръ заняться изъ опасенія, чтобы не прервать разсказа о происшествіяхъ, изложенныхъ мною съ

моихъ записокъ или воспоминанiй. Читатель конечно уже привыкъ къ моимъ переходамъ отъ одной эпохи къ другой, и если онъ видалъ что либо въ свѣтѣ, то онъ знаетъ, что ничто столь неизмѣнчиво, какъ поле воспоминанiй, гдѣ одна вещь призываетъ за собою другую, ей соотвѣтствующую, не заботясь о томъ, подходитъ ли она въ точности къ хронологическому порядку событiй. Я сказалъ въ предъидущей главѣ то, что я узналъ отъ друга моего Раппа о покушенiи Штапса и о влiянiи этого злодѣйства на заключенiе мира. Императоръ внезапно выѣхалъ изъ своей Главной Квартиры въ Шёнбруннъ, не подписавъ даже предварительныхъ условiй мира, долженствовавшаго быть заключеннымъ съ Австрiею; теперь я возвращусь къ невыгоднымъ послѣдствiямъ событiя, мною упомянутаго; я хочу говорить о присоединенiи по указу Папскихъ владѣнiй къ Французской Имперiи. Очевидно, что находясь въ Гамбургѣ, я не могъ видѣть того, что произошло тогда въ Италiи и въ Римѣ; но я довольно увѣренъ въ источникахъ, откуда получены эти свѣдѣнiя, для того, чтобы поручиться за ихъ точность.

Выше сказано, что указомъ 17 Маiя, изданнымъ Императоромъ въ Вѣнскомъ лагерѣ, владѣнiя Папы были присоединены къ Имперiи, и что Святый Отецъ, съ дозволенiемъ жить въ Римѣ, долженствовалъ получать по два миллiо-

на въ годъ содержанія. Я упомянулъ также о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ этою мѣрою даже на Германскихъ Протестантовъ, по той причинѣ, что сіи послѣдніе, хотя и не признавая духовной власти Папы, съ жадностью хватались за все, подкрѣплявшее ихъ ненависть противъ Наполеона. Привыкшій къ безпрекословному, слѣпому повиновенію всего, его окружавшаго, Наполеонъ вообразилъ себѣ, что Римскій Дворъ смирится предъ новымъ могуществомъ короны Франціи, соединенной съ желѣзною короною; но Пій VII, считая себя охранителемъ мірской власти столько же, какъ и духовнаго владычества, передаваемаго всѣмъ наслѣдникамъ царства Св. Петра, не захотѣлъ благословить оковъ, коими Наполеону разсудилось обременить его. Указу объ отнятіи земель, Пій VII противопоставилъ буллу отлученія отъ Церкви. Сообщенное мнѣ купеческое письмо извѣстило меня объ этой странной рѣшимости Святаго Отца; но признаюсь, что видѣнная мною самимъ покорность, или лучше сказать самоотверженіе Папы въ Парижѣ, не дозволило мнѣ тому повѣрить, когда одинъ изъ моихъ агентовъ, наблюдавшій въ Альтонѣ за духомъ и расположеніемъ эмигрантовъ, привезъ мнѣ списокъ съ буллы Пія VII, которую онъ досталъ у одного человѣка, имѣвшаго къ нему довѣренность. Не знаю, былъ ли гдѣ нибудь на-

печатанъ этотъ важный актъ; покрайней мѣрѣ, я не нашелъ его ни въ одной книгѣ. Вотъ онъ:

«Властïю Бога Всемогущаго, Святыхъ Апосто-«ловъ Петра и Павла, и нашею собственною, «мы объявляемъ, что вы и всѣ ваши сподвиж-«ники, за сдѣланное вами преступленïе,—заслу-«жили отлученïе отъ Церкви, коему (сообразно «съ формою нашихъ Апостольскихъ буллъ, вы-«ставляемыхъ въ извѣстныхъ мѣстахъ города), «мы объявляемъ подлежащими всѣхъ тѣхъ, ко-«торые съ послѣдняго насильственнаго вторже-«нïя въ градъ нашъ, происшедшаго 22 Февраля «прошедшаго года, свершили какъ въ Римѣ, «такъ вообще въ Церковныхъ земляхъ, преступ-«ленïя, противъ коихъ мы неоднократно проте-«стовали, не только чрезъ нашихъ Государст-«венныхъ Секретарей, но въ особенности въ на-«шихъ двухъ Консисторïальныхъ посланïяхъ отъ «14 Марта и отъ 11 Iюля 1808 года. Мы рав-«номѣрно объявляемъ отлученными отъ Церкви «всѣхъ тѣхъ, которые были уполномоченными, «исполнителями и совѣтниками, и вообще всѣхъ «тѣхъ, которые содѣйствовали исполненïю сихъ «преступленïй, или сами свершали оныя.»

Хотя я и довольно былъ увѣренъ въ агентѣ, сообщившемъ мнѣ этотъ документъ, однакоже признаюсь, что въ первую минуту я счелъ его подложнымъ, такъ онъ былъ несообразенъ съ нравами того времени и, какъ я сказалъ, съ ха-

рактеромъ Пія VII-го. Въ этомъ предположеніи, я сообщилъ съ него копію Фуше, который отвѣтомъ своимъ разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія на счетъ подлинности отлучительной буллы.

Я послѣ узналъ, что Императоръ, получивъ въ Вѣнѣ извѣстіе о нравственномъ сопротивленіи Папы и о употребленіи единственнаго оружія, которое Святый Отецъ могъ противъ него употребить, — очень встревожился на счетъ послѣдствій этого дѣла; но какъ онъ никогда не хотѣлъ ворочаться назадъ, особенно сдѣлавъ въ чемъ нибудь промахъ, то не приказавъ ничего опредѣлительно, онъ объяснился съ достаточною двусмысленностію для того, чтобы преданнѣйшіе его слуги поняли его намѣренія и приняли на себя отвѣтственность исполненія оныхъ. Вотъ все, что я могъ на этотъ счетъ развѣдать, ибо я уже вмѣстѣ съ другими узналъ, что почью съ 5 на 6 Іюля Папа былъ увезенъ изъ Рима Генераломъ Раде. Извѣстно, что несчастный Первосвященникъ блуждалъ изъ города въ городъ, и что никто не хотѣлъ принять къ себѣ знаменитаго плѣнника; что Элиза отправила его въ Туринъ; что изъ Турина Принцъ Боргезе препроводилъ его во внутренность Франціи; что вмѣсто почетной стражи его провожалъ взводъ Жандармовъ; и что наконецъ Наполеонъ отослалъ его обратно въ Савону, въ область Принца Боргезе, въ-

роятно для того, дабы искусно напомнить своему зятю, что прежде чѣмъ онъ удостоился чести войти съ нимъ въ родство, онъ былъ обязанъ своею знатностью Павлу V-му. Во всякомъ случаѣ, это происшествіе, хотя весьма предосудительное, не могло послужить доказательствомъ, чтобы Небо тотчасъ отмщало за оскорбленія, нанесенныя Главѣ Церкви, ибо тотъ самый день, который послѣдовалъ за ночью похищенія Папы, освѣтилъ Ваграмскую побѣду.

Разсматривая извѣстія, получаемыя мною изъ Главной Квартиры въ продолженіе Вѣнскаго похода, я былъ пораженъ еще однимъ сближеніемъ чиселъ, на которое при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, я не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія. Въ день 14 Іюля, знаменитый въ лѣтописяхъ нашей Революціи взятіемъ Бастиліи и Федераціею, котораго празднованіе Бонапарте сохранялъ до тѣхъ поръ, пока онъ довольствовался титуломъ Перваго Консула, произошло на полѣ битвы достопамятное событіе. Въ этотъ день, образецъ Французской чести— Макдональдъ, который чрезъ цѣпь чудесъ провелъ Италіянскую армію въ сердце Австрійскихъ владѣній, получилъ званіе Маршала, на полѣ сраженія, отъ Наполеона, который сказалъ ему: «Между нами, на жизнь и на смерть.» Такимъ образомъ увидѣли вѣрнаго друга Моро, послѣ

побѣды надъ Австрійцами при Піавѣ и послѣ содѣйствія Раабской битвѣ, одержавшаго гораздо болѣе трудную побѣду тѣмъ, что онъ силою своего достоинства и славою своей службы принудилъ Наполеона заглушить въ себѣ непріязнь, ощущаемую имъ къ благороднымъ почитателямъ неомраченной еще тогда славы побѣдителя Гогенлинденскаго. Эта побѣда стоила дороже трехъ выигранныхъ битвъ, и я помню, что пожалованіе Макдональда Маршаломъ менѣе увеличило его воинскую славу, чѣмъ сдѣлало чести Императору; таково покрайней мѣрѣ было общее мнѣніе.

Посреди занятій, которыми обременялъ меня надзоръ за людьми, пріѣзжавшими въ Ганзейскія земли, и при любопытныхъ извѣстіяхъ, получаемыхъ мною изъ Большой Арміи, я имѣлъ удовольствіе опять увидѣться съ сыномъ царствующаго Герцога Меклембургъ-Шверинскаго, о которомъ была уже рѣчь въ моихъ Запискахъ. Старшій сынъ его, Принцъ Адольфъ, прибылъ въ концѣ Августа въ Гейльголандъ на обратномъ пути изъ путешествія своего въ Англію. Онъ имѣлъ паспортъ отъ Г. Каннинга, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ не было большимъ одобреніемъ въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя распространялось вліяніе Императора. Принцъ Адольфъ, желая возвратиться въ Шверинъ, просилъ позволенія выйти на берегъ въ

Куксгафенѣ съ одиннадцатью человѣками, составлявшими его свиту; но въ эту минуту приказанія Императора на счетъ лицъ, прiѣзжающихъ изъ Англiи, были таковы, что даже не дозволялось принимать переговорщиковъ; а посему Французскiй Флотскiй Начальникъ въ Куксгафенѣ, принужденнымъ нашелся отказать въ требованiи молодаго Принца Мекленбургскаго, который вышелъ на берегъ въ Гузумѣ, испросивъ на то дозволенiе Датскаго Короля. Онъ прiѣхалъ въ Альтону по Эйдеру, и когда чрезъ нѣсколько дней посѣтилъ меня въ загородномъ моемъ домѣ въ Голштинiи, то я узналъ отъ него о всѣхъ препятствiяхъ, встрѣченныхъ имъ при выходѣ на берегъ.

По прiѣздѣ въ Ганзейскiя области брата, скоро прибыла туда и сестра: я говорилъ уже о Принцессѣ Фридерикѣ-Шарлоттѣ, супругѣ Наслѣднаго Принца Датскаго, Христiана-Фридриха. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ эта Принцесса прiѣхала въ Альтону изъ Копенгагена, откуда она принуждена была удалиться. Я окончу здѣсь исторiю этой Принцессы, которой судьба долго составляла предметъ разговоровъ въ Гамбургѣ, во время моего тамъ нахожденiя.

Король Датскiй написалъ къ Герцогу Мекленбургскому, отцу Принцессы. Въ письмѣ своемъ Король говорилъ: «Я живо чувствую положенiе Принцессы; ея огорченiе сильно меня

«тронуло, и она внушаетъ мнѣ искреннее уча-«стіе. Передъ отъѣздомъ своимъ, она изъявила «мнѣ желаніе жить въ Голштиніи подъ моимъ «покровительствомъ, и я готовъ исполнить въ «этомъ отношеніи ея желаніе.» Написавъ это письмо къ Герцогу Мекленбургскому, Король Датскій послалъ въ Шверинъ своего Тайнаго Совѣтника Г. Данкера, съ наставленіями и полномочіемъ для условленія съ Герцогомъ на счетъ того, какъ приличнѣе будетъ поступить въ сихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ предварительно было положено, чтобы Принцесса оставалась въ Альтонѣ до тѣхъ поръ, пока опредѣлится что нибудь рѣшительное на счетъ судьбы ея.

Баронъ Плессенъ, Государственный Министръ Герцога Мекленбургскаго, сообщилъ мнѣ это письмо Короля Датскаго. Герцогъ очень былъ доволенъ тѣмъ, что Король соглашается на пребываніе Принцессы въ Голштиніи. Она пользовалась тамъ всѣми почестями, присвоенными въ Даніи сану Королевскаго Высочества. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ своемъ, она посѣтила жену мою и пригласила насъ на свои собранія и вечера, которыя были очень блистательны и, подобно какъ въ первый пріѣздъ свой, нѣсколько разъ удостоивала своимъ присутствіемъ бывшія у насъ собранія.

Около этой же эпохи, по окончаніи Австрій-

скаго похода, Генералъ Моранъ прiѣхалъ въ Гамбургъ для исправленiя должности Генералъ-Губернатора; это былъ человѣкъ, наиболѣе способный прилично замѣнить Бернадота, коего память осталась всегда драгоцѣнною жителямъ Ганзейскихъ городовъ. Сношенiя, которыя я имѣлъ съ Генераломъ Мораномъ, были какъ нельзя болѣе прiятны и удобны; отъѣздъ его возбудилъ всеобщее сожалѣнiе, и поступки его отличались такимъ правдолюбiемъ и благорасположенiемъ, что объ немъ бы пожалѣли даже и тогда, еслибъ онъ не имѣлъ себѣ преемникомъ Даву, прозваннаго, на всемъ Сѣверѣ, бичемъ Гамбурга.

ГЛАВА XV.

Уничтоженіе Германской Имперіи.—Два Франциска Первые —Условія Шёнбрунскаго трактата.—Доля Наполеона и доля его союзниковъ.—Австрія лишается приморскихъ земель.—Генералъ-Губернаторство Иллирійскихъ Провинцій.— Наполеонъ въ Нимфенбургѣ и у Короля Виртембергскаго.— Умнѣйшій Государь въ Европѣ. — Наполеонъ въ Фонтенебло, и первая рѣчь о разводѣ.—Прибытіе въ Тюлери съ однимъ провожатымъ.—Г. Монталиве, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.—Вѣчныя подозрѣнія Полиціи.— Французская и Нѣмецкая книжки.—Г. Реймарусъ, тесть Г. Рейнгарда, и Гецъ.—Генералъ Молиторъ въ Гамбургѣ. — Число Французскихъ войскъ въ Ганзейскихъ городахъ.— Вѣсть о бракѣ Наполеона съ Маріею-Луизою.—Два эстафета.— Всеобщій восторгъ.—Надежда на продолжительный миръ.— Возвышеніе курса Австрійскихъ ассигнацій. — Евгеній наслѣдникъ Князя Примаса.—Охладившійся восторгъ и тяжести, возложенныя на Ганзейскіе города.—Новыя просьбы о выдачѣ жалованья войскамъ. — Двадцать пять милліоновъ съ одного города.—Эпоха ссоры Наполеона съ Лудовикомъ.—Первое путешествіе новой Императрицы. — Наполеонъ въ Голландіи.— Несчастное положеніе этой страны. — Зародышъ будущей войны съ Россіею.—Сбывшееся предвидѣніе.

Я уже сказалъ выше, что быстрота, съ которою Г. Шампаньи воспользовался миролю-

Digitized by Google

бивыми расположеніями Императора, произвела заключеніе договора, извѣстнаго подъ именемъ Шёнбрунскаго трактата. Этимъ трактатомъ древнее зданіе Германской Имперіи было ниспровергнуто и Францискъ II-й сдѣлался Францискомъ I-мъ, Императоромъ Австрійскимъ. Подобно своему соименнику во Франціи, новый Францискъ I-й не могъ сказать, что все потеряно, кромѣ чести, ибо честь была нѣсколько оскорблена и не все прочее было потерянo. Однакоже Австрійская Монархія подверглась тяжкимъ пожертвованіямъ; и также какъ послѣ кампаніи 1805 года, Наполеонъ взялъ участки, для своихъ союзниковъ и для себя. Австрія принуждена была уступить Государямъ Рейнскаго Союза области Зальцбургъ и Бергтольсгаденъ съ частью верхней Австріи, а Франціи Графство Горицу, землю Монтефальконъ, область и городъ Тріестъ, Валахскій округъ въ Каринтіи и всѣ земли, лежащія на право отъ Саву до границы Босніи, Карніолію, часть Кроаціи, Фіумъ, Венгерское поморье и Австрійскую Истрію. Великое Герцогство Варшавское было распространено Западною Галиціею и Краковомъ. Наконецъ Россія, по Шёнбрунскому трактату, получила самую Западную часть Галиціи.

Это была новая работа для Инженеровъ.

Географовъ, а Наполеонъ, какъ я уже замѣтилъ, не оставлялъ ихъ безъ дѣла.

Земли, уступленныя Франціи, были немедленно соединены въ новое Генералъ-Губернаторство подъ названіемъ Иллирійскихъ Провинцій; чрезъ сіе Наполеонъ сдѣлался властелиномъ обоихъ береговъ Адріатическаго моря, какъ Императоръ Французовъ и Король Италіянскій, а Австрія, пораженная въ ея внѣшней торговлѣ, лишилась прямаго сообщенія съ моремъ. Потеря Фіума, Тріеста и поморья, показалась мнѣ непомѣрною и даже такою, что я никакъ не могъ повѣрить продолжительности мира, столь дорого купленнаго.

Согласясь на выгодныя условія, вкратцѣ мною исчисленныя, Наполеонъ такъ заторопился оставить мѣста, гдѣ могли появиться новые Штаты, что онъ уѣхалъ, не успѣвъ даже утвердить предварительныхъ статей и объявилъ, что утвердитъ ихъ въ Мюнхенѣ. И такъ онъ во весь духъ поскакалъ въ Нимфенбургъ, гдѣ его ожидалъ Баварскій Дворъ, потомъ посѣтилъ Короля Баварскаго, котораго онъ находилъ умнѣйшимъ Государемъ въ Европѣ, и въ концѣ Октября воротился въ Фонтенебло. Въ сообщенномъ мнѣ однимъ Альтонскимъ купцемъ частномъ письмѣ изъ Парижа, я прочиталъ, что когда Императоръ выѣхалъ изъ Фонтенебло въ Парижъ, то онъ сдѣлалъ этотъ переѣздъ верхомъ,

и такъ скоро, что за нимъ могъ поспѣть одинъ только егерь его свиты, и онъ съ этимъ единственнымъ стражемъ въѣхалъ на Тюлiерiйскiй дворъ.

Во время этого пребыванiя въ Фонтенебло предъ въѣздомъ Наполеона въ Парижъ, Iозефина, туда къ нему прiѣхавшая, въ первый разъ услыхала о разводѣ, о которомъ Императоръ задумалъ еще въ Шёнбруннѣ; я не буду теперь описывать огорченiй и скорби нестастной Iозефины, отлагая это до того времени, когда помѣщу довѣрчивый разговоръ мой съ нею въ Мальмезонѣ о происшествiи, которое давно уже поражало собою умъ ея. Въ Фонтенебло же Императоръ назначилъ Г-на Монталиве Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, каковой выборъ заслужилъ всеобщее одобренiе, ибо Г. Монталиве сдѣлался уже съ выгодной стороны извѣстнымъ при управленiи имъ Путями Сообщенiя. Въ письмахъ, полученныхъ нами въ эту эпоху изъ Парижа, постоянно писали о блистательномъ положенiи столицы зимою съ 1809 на 1810 годъ, и особенно о пышности Императорскаго Двора, гдѣ на выходахъ Императора, присутствовали Короли Саксонскiй, Баварскiй и Виртембергскiй, собравшiеся для изъявленiя своей признательности герою, возведшему ихъ въ Королевскiй санъ.

Посреди этой пышности, Полицiя продол-

жала по прежнему питать свои подозрѣнія. 20 Генваря 1810 года, я получилъ отъ Министра Полиціи письмо объ изданной вновь книжкѣ подъ заглавіемъ *Doléances des peuples du Continent* (Жалобы народовъ Твердой Земли). Одна только мысль о вольности книгопечатанія пробуждала всю раздражительность Императора и приводила въ движеніе его усердныхъ слугъ. Фуше именно предписывалъ мнѣ отыскивать и уничтожать эту книжку, о существованіи которой я ему даже и не донесъ. Вотъ что я написалъ къ Фуше объ этомъ предметѣ:

«Авторъ этой книжки есть Г. Реймарусъ, «Докторъ Медицины въ Гамбургѣ, тесть Г. Рейн«гарда, Французскаго Министра въ Касселѣ. «Этотъ почтенный осмидесятилѣтній старецъ «не имѣлъ никакого дурнаго умысла при изда«ніи своей книжки; онъ представилъ экземпля«ры ея всѣмъ Королямъ, Принцамъ и Мини«страмъ, и не находя въ этомъ собраніи мыс«лей никакой важности, я не счелъ нужнымъ «безпокоить Ваше Превосходительство донесе«ніемъ объ ономъ. Что же касается до самого «сочиненія, то оно нисколько ни на кого не «подѣйствовало; только посмѣялись надъ бред«нями стараго Доктора, и онѣ давно уже за«бьіты.»

Для удовлетворенія Министра, я остановилъ продажу этой книжки и велѣлъ отобрать осталь-

ные тридцать экземпляровъ оной у книгопродавца, который въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ не продалъ всего болѣе тридцати экземпляровъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, явилась другая Нѣмецкая книжка подъ заглавіемъ: *Betrachtungen über den Frieden zu Vien* (Разсмотрѣніе Вѣнскаго Мира): она очень встревожила Французское Правительство. Мнѣ приказали отыскать сочинителя и открыть, гдѣ она была напечатана. Я узналъ, что знаменитый Гецъ написалъ ее и напечаталъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Г. Пертъ, Гамбургскій книгопродавецъ, получилъ двѣнадцать экземляровъ оной изъ Лейпцига; но не могъ продать болѣе четырехъ и восемь возвратилъ. Бракъ Наполеона, заключенный въ эпоху появленія этой книжки, перемѣнилъ мнѣніе до такой степени, что нельзя себѣ вообразить. Онъ охладилъ страсть къ сочиненіямъ этого рода, которыя вообще очень мало производили дѣйствія.

Обращаюсь къ нѣкоторымъ событіямъ, относящимся къ Февралю мѣсяцу. 23 числа Генералъ Молиторъ прибылъ въ Гамбургъ; въ Бременѣ и въ Рицъ-Бутельскомъ округѣ находился тогда пѣхотный полкъ и артиллерійскій отрядъ. Французскій гарнизонъ въ Гамбургѣ состоялъ изъ Штаба, изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ и одного кавалерійскаго; а Любекскій гарнизонъ

изъ одного пѣхотнаго и одного кавалерійскаго полка. Таково было тогда число Французскихъ войскъ въ Ганзейскихъ городахъ.

Я первый получилъ въ Гамбургѣ извѣстіе о предполагаемомъ бракѣ Наполеона съ Эрцгерцогинею Маріею-Луизою. Это извѣстіе было прислано ко мнѣ изъ Вѣны съ двумя эстафетами, прибывшими черезъ день одна послѣ другой. Первый курьеръ извѣстилъ меня только о предположеніи, но вторый, подтвердивъ содержаніе вчерашнихъ депешей, сообщилъ объ этомъ великомъ союзѣ, какъ о вещи, совершенно рѣшенной. Кто бы сказалъ Наполеону въ тотъ день, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ ходили отдавать моему брату подъ закладъ часы его, дабы получить нѣсколько денегъ, что онъ нѣкогда женится на Эрцгерцогинѣ Австрійской? Все было странно и чудесно въ его невѣроятной судьбинѣ! Впрочемъ мнѣ бы невозможно было дать понятіе о непостижимомъ дѣйствіи, которое это событіе произвело въ Сѣверной Германіи. Купцы со всѣхъ сторонъ получали порученія покупать Австрійскія ассигнаціи, и банковые билеты тотчасъ возвысились удивительнымъ образомъ. Радость, причиненная этою важною вѣстью, была жива, искренна и всѣми сильно ощущена; надежда на продолжительный миръ, казалось, соединялась съ оною; съ удовольствіемъ представляли себѣ, что Твердая

Земля наконецъ отдохнетъ отъ кровавыхъ бѣдствій, порожденныхъ соперничествомъ Франціи и Австріи, и судя по письмамъ, получаемымъ мною изъ внутренности Франціи и изъ разныхъ мѣстъ Европы, я заключилъ, что эти чувства были вездѣ одинаковы. Признаюсь, что и самъ я, не смотря на всегдашнее мое предчувствіе о возвращеніи во Францію Принцевъ Бурбонскаго Дома, счелъ тогда это возвращеніе почти несбыточнымъ, или покрайней мѣрѣ очень отдаленнымъ. Въ то самое время, какъ всѣ умы были погружены въ размышленія, возбужденныя такимъ союзомъ, Императоръ объявилъ Европейскимъ Государямъ и разнымъ Державамъ объ уступкѣ Великаго Герцогства Франкфуртскаго Принцу Евгенію, по смерти Князя Примаса, который назначалъ его по себѣ наслѣдникомъ.

Восторгъ, возбужденный въ Ганзейскихъ областяхъ вѣстью о бракѣ Императора съ Маріею-Луизою, не смотря на искренность онаго, не мѣшалъ однакоже этимъ несчастнымъ землямъ быть сильно удрученными огромными налогами, дѣлаемыми на нихъ Франціею. Въ эту эпоху я получилъ подтвержденіе вытребовать у Ганзейскихъ городовъ, чтобы они содержали на свой счетъ Французскія войска, составлявшія гарнизонъ оныхъ. Сенатъ просилъ меня подкрѣпить моимъ ходатайствомъ его основа-

тельныя возраженія, и дабы сдѣлать это съ пользою, я послалъ списокъ суммъ, уплаченныхъ этими городами съ 1806 года. У меня сохранился только списокъ города Бремена, но по немъ можно судить, какихъ огромныхъ суммъ стоило другимъ городамъ, а въ особенности Гамбургу, занятіе ихъ нашими войсками, когда одинъ только Бременъ истратилъ на это двадцать пять милліоновъ.

Къ первымъ мѣсяцамъ 1810 года относятся произошедшія между Наполеономъ и Лудовикомъ распри, которыя, какъ я уже говорилъ, кончились громкимъ разрывомъ. Не стану повторять сказаннаго уже мною, но не могу не замѣтить еще, что Лудовикъ находился въ совершенной невозможности удовлетворить непомѣрнымъ требованіямъ Императора, не причинивъ совершеннаго разоренія Голландіи. Эта земля дѣйствительно не могла существовать иначе, какъ торговлею, а Наполеонъ не хотѣлъ оной. Цѣль Императора была та, чтобы овладѣть плаваніемъ по Шельдѣ, которое Лудовикъ хотѣлъ оставить свободнымъ, и это, какъ видѣли, сдѣлалось причиною присоединенія Голландіи къ Франціи.

Голландія была первою областью великой Имперіи, которую новая Императрица объѣхала съ Наполеономъ. Это путешествіе произошло почти тотчасъ послѣ пышнаго обряда брако-

сочетанія: сначала Наполеонъ воротился въ Компіенъ, гдѣ онъ пробылъ восемь дней; оттуда онъ поѣхалъ въ Сен-Квентенъ, гдѣ еще разъ осмотрѣлъ каналъ. Императрица Марія-Луиза, пріѣхавъ къ нему, вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ Бельгію. Въ Антверпенѣ Императоръ тщательно осмотрѣлъ предписанныя имъ работы, которыхъ исполненіе очень лежало у него на сердцѣ. Въ продолженіе этой поѣздки, вездѣ все дышало празднествами, увеселеніями и изъявленіями радости. Посѣтивъ многіе города Голландіи, Императоръ возвратился чрезъ Остенде, Лилль и Нормандію въ Сен-Клу, куда онъ прибылъ 1 Іюня 1810 года.

По возвращеніи своемъ, онъ узналъ изъ моей переписки, что Ганзейскіе города отказываются платить жалованье Французскимъ войскамъ. Они писали представленіе за представленіемъ, и чрезъ то выиграли время, а выиграть время часто очень много значитъ въ дѣлахъ человѣческихъ. Между тѣмъ войска оставались безъ жалованья и безъ денегъ на другіе свои нужды. Я донесъ о необходимости положить конецъ такому состоянію вещей. Всѣмъ пожертвованіямъ есть мѣра, а положеніе Ганзейскихъ городовъ, коихъ избыточность, дщерь торговли и промышленности, обратилась въ нищету чрезъ поборы и взысканія, дѣлало невозможнымъ удовлетворить этому несправедливому требованію.

Наполеонъ былъ еще въ войнѣ съ Испаніею и съ Англіею. Живѣйшее желаніе заключить миръ, особенно съ послѣднею изъ сихъ Державъ, подало поводъ къ разнымъ казнямъ, не заключавшимъ въ себѣ ничего возвышеннаго. Всѣ усилія его остались тщетными и война продолжилась.

Это ожиданіе войны произвело повсюду дурное дѣйствіе, а особливо въ Голландіи, коей война грозила увеличить нищету и страданія неопредѣлительнымъ продолженіемъ стѣсненія торговли.

Что долженствовало произойти съ Голландіею, угнетенною указами Императора противъ Англіи? Многіе люди считали эти указы, чего я никогда не могъ понять, единственнымъ якоремъ спасенія Императора; очевидно однакоже, что эти-то противообщественныя мѣры его и погубили. Когда вопросъ на счетъ того, что будетъ съ Голландіею, рѣшился присоединеніемъ оной къ Франціи, то нелѣпая система вооружила противъ себя всѣхъ Голландцевъ, какъ только они нашли случай избавиться отъ разорительнаго ига, которымъ Франція ихъ обременяла, и легко можно было видѣть, что они протянутъ руки первой Державѣ, которая явится для того, чтобы избавить ихъ отъ онаго. Дабы не отдать Голландію подъ власть Англіи, Наполеонъ присоединилъ ее къ своей

Имперіи. Но сколько выгодъ чрезъ это пострадало. Посягательство на самыя основанія средоточія торговыхъ сношеній, произвело всеобщее потрясеніе. Это присоединеніе никому не понравилось; а притомъ открыло глаза большимъ Державамъ. Что съ ними будетъ, если уже простаго указа, даже внѣ присутствія Законодательнаго Корпуса, было достаточно для того, чтобы превратить Королевство въ Департаментъ Франціи? Какая нужда до того, что принимаютъ мѣры, дабы сдѣлать этотъ актъ споснѣе для Голландцевъ? какимъ образомъ Французское управленіе могло вдругъ замѣнить вѣковые обычаи? можно ли мгновенно перейти къ иностраннымъ нравамъ, къ новому законодательству, которое Франція напрасно стала бы называть наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ? Основательно ли было бы утверждать, будто бы берутъ все, что можно было взять для того, чтобы принудить Англію отдать намъ то, что она пріобрѣла чрезъ завоеванія и договоры? но тогда не было бы, причины для того, чтобы не опустошать цѣлый свѣтъ. Всякому извѣстно, что это присоединеніе отдалило миръ, который можно бы попытаться заключить съ Англіею. Это присоединеніе, предвѣщавшее присоединеніе Ганзейскихъ городовъ, расположило Россію къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Опровергать это значило бы спорить

о томъ, что днемъ свѣтло. Не имѣю нужды говорить, что послѣдствія оправдали эти предвидѣнія; но это самое я говорилъ еще въ то время многимъ людямъ, вовсе однакоже не выдавая себя за пророка.

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

Безпокойства на счеть будущей участи Ганзейскихъ земель. — Новые Департаменты, присоединенные къ Имперіи.—Сожженіе Англійскихъ товаровъ.— Дурное дѣйствіе, этимъ произведенное.—Притѣсненія Полиціи.—Г. Г. де Верженнъ и Ремюза.—Дѣвица Леду, оперная танцовщица.—Общество Г. Верженна.— Явное неодобреніе Континентальной системы. —Значительный барышъ отъ запрещеннаго торга и невозможность унять производителей онаго. — Польза, извлеченная изъ неизбѣжнаго зла. — Планъ, предложенный мною Правительству.—Очевидныя выгоды.— Двѣнадцать милліоновъ предполагаемаго сбора пошлинъ. — Принятіе моего плана и согласный съ онымъ указъ Императора.— Сорокъ милліоновъ чистой выгоды. — Нѣсколько словъ о выборѣ Бернадота въ Наслѣдные Принцы Швеціи. — Пониженіе курса на Петербургъ. — Неосновательность опасеній Русскаго Кабинета.

Лѣто тысяча восемь сотъ десятаго года прошло очень спокойно въ Гамбургѣ и въ Ганзей-

скихъ областяхъ; однакоже тамъ возникали нѣкоторыя опасенія на счетъ будущаго, и всякой разъ, когда къ намъ доходилъ какой либо новый указъ, опредѣляющій присоединеніе къ Имперіи новыхъ областей, прозорливые люди тревожились. Дѣйствительно, послѣ Шёнбрунскаго трактата, Наполеонъ безъ дальныхъ околичностей присоединилъ къ Имперіи всѣ земли, лежащія на лѣвомъ берегу Рейна отъ границъ Департаментовъ Рерскаго и Нижне - Мааскаго до моря; такимъ же образомъ Императоръ поступилъ для составленія другаго Департамента подъ именемъ Устьевъ-Шельды, заключавшаго въ себѣ островъ Вальхеренъ и нѣсколько другихъ сосѣднихъ острововъ; на Югѣ же Франціи Департамента Симплонскаго, составленнаго изъ древней Валезіи. Всѣ эти присоединенія дѣйствительно были способны заставить Ганзейскія земли страшиться жребія, который мало по малу приближаясь, непремѣнно долженствовалъ ихъ постигнуть. Въ тотъ годъ явился указъ, который я не могу назвать иначе, какъ адскимъ, изданнымъ Наполеономъ въ припадкѣ безумія. Этотъ указъ повелѣвалъ жечь всѣ Англійскіе товары, существующіе во Франціи, въ Голландіи, въ Великомъ Герцогствѣ Бергскомъ, въ Ганзейскихъ городахъ и вообще отъ Мейна до моря; наконецъ во всѣхъ мѣстахъ, на которыя распространялось бѣдственное влія-

ніе Наполеона. Невозможно себѣ представить отчаянія, которое столь дикая мѣра возбудила въ земляхъ, привыкшихъ жить торговлею; каково зрѣлище для бѣдныхъ, нуждающихся во всемъ жителей, представляло сожженіе предметовъ, коихъ раздача могла бы облегчить ихъ нищету! Ужъ конечно подписывая этотъ указъ достойный варварства Восточной Имперіи, онъ былъ ослѣпленъ яростью своею противъ Англіи, завладѣвшей въ это самое время Иль-де-Франсомъ. И можно ли было привязать къ себѣ завоеванные народы, раздражая ихъ нищету истребленіемъ множества необходимѣйшихъ для нихъ предметовъ!

Въ продолженіе этого времени, Парижская Полиція продолжала свои притѣсненія и прижимки; она не только преслѣдовала невинныя сочиненія, едва замѣченныя, но не теряла изъ вида эмигрантовъ, сдѣлавшихся конечно очень мало опасными со времени союза Императора съ Австрійскимъ Домомъ.

Въ числѣ эмигрантовъ, за которыми мнѣ было приказано наблюдать, находился Г. де Верженнъ; онъ постоянно оставался въ Гамбургѣ или въ окрестностяхъ, съ Апрѣля мѣсяца 1808 года. Я увѣдомилъ Министра, что Г. Верженнъ, по пріѣздѣ своемъ, явился ко мнѣ съ письмомъ отъ Г. Ремюза, Императорскаго Оберъ-Камергера. Г. Ремюза убѣдительно поручалъ мнѣ

своего родственника, пріѣхавшаго по денежнымъ дѣламъ въ Гамбургъ. Но какъ ему показалось дорого жить въ этомъ городѣ, то онъ расположился въ Неймюлѣ, небольшой деревенькѣ на Эльбѣ, къ западу отъ Альтоны. Тамъ онъ жилъ уединенно и спокойно съ оперною танцовщицею, дѣвицею Леду, съ которою онъ познакомился въ Парижѣ, и которую привезъ съ собою. Онъ казался очень въ нея влюбленнымъ; но образъ жизни его не показывалъ большаго достатка.

Г. де Верженнъ изрѣдка посѣщалъ меня; онъ всегда меня увѣрялъ, что дѣла, которыя ему слѣдуетъ устроить, заставляютъ его продолжить пребываніе свое въ этомъ краю. Чаще всего видался онъ съ Гг. Лажеренерилемъ, Гардуенемъ, Денатеномъ, Дерейемъ и Делёзомъ, эмигрантами подобно ему. Я отвѣчалъ Министру Полиціи, что Г. де Верженнъ очень безпеченъ и преданъ удовольствіямъ, и что я не считаю нужнымъ подвергать его особенному надзору, что дѣйствительно было бы безполезно.

Другой предметъ, мнѣ порученный, и который я могу назвать главнымъ, было введеніе на Сѣверѣ бѣдственной Континентальной системы и наблюденіе за исполненіемъ оной. Всеобщее и явное неодобреніе этой разительной мѣры, о которомъ я не умалчивалъ въ моей перепискѣ, наконецъ подѣйствовало на умъ Императора от-

носительно одной статьи, какъ ниже будетъ объяснено. Не смотря на готовность Датскаго Правительства исполнять Континентальную систему, и на непропускъ въ Голштинію колоніяльныхъ произведеній, въ этой послѣдней области находилось большое количество оныхъ, и вопреки наистрожайшимъ мѣрамъ, надобно было какъ нибудь провести эти товары. Производители запрещеннаго торга, соблазняемые приманкою огромныхъ барышей, изыскивали всевозможныя средства и часто съ успѣхомъ, къ провозу оныхъ въ Германію; и какъ при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, это послѣднее средство провоза было одно только возможно, то потребовался бы годъ, или много что полтора года, для перевезенія въ Германію товаровъ, скопившихся во внутренности Таможенной черты. Все, мало по малу, перешло бы чрезъ черту сію, и Таможеннымъ удалось бы захватить только малое число незначительныхъ тюковъ, если бы сравнивать то, что они захватили съ тѣмъ, что у нихъ бы ускользнуло. Я уже сказалъ, какое количество товаровъ ежедневно вносилось въ Гамбургскія ворота, ведущія въ Альтону, какъ много людей было занято этимъ торгомъ и къ какимъ хитростямъ они прибѣгали.

Размысливъ объ этомъ состояніи вещей и внутренно убѣдясь въ невозможности воспре-

пятствовать ввозу колоніяльныхъ произведеній, доставляемыхъ въ Ганзейскія земли, я подумалъ, что лучше всего извлечь пользу изъ зла, котораго нельзя было избѣгнуть. И такъ я предложилъ постановить правиломъ, чтобы колоніяльныя произведенія, находившіяся тогда въ Голштиніи и ввезенныя туда прежде Королевскаго указа, воспретившаго ввозъ оныхъ въ его гавани, были пропускаемы въ Гамбургъ съ заплатою тридцати процентовъ со ста съ ихъ цѣны, а съ нѣкоторыхъ предметовъ даже по сорока со ста. Эта пошлина долженствовала быть сбираема Таможнею и обратилась бы совершенно на предметы, потребляемые въ Германіи. Вотъ какъ я думалъ привести въ исполненіе этотъ проэктъ: я предлагалъ, чтобы о ввезенныхъ товарахъ было объявляемо начальствомъ городовъ Герцогства, съ означеніемъ цѣны онымъ. За симъ ввозъ въ Гамбургъ былъ бы дозволенъ только для тѣхъ товаровъ, на которые имѣлись свидѣтельства градоначальствъ, и для удобнѣйшаго сбора пошлины и осмотра, чтобы ввозъ сей былъ производимъ въ однѣ только тѣ Гамбургскія ворота, которые обращены къ Альтонѣ. Цѣна колоніяльныхъ произведеній, находившихся тогда въ Альтонѣ, въ Глюкштадтѣ, въ Гузумѣ и въ другихъ городахъ Голштиніи, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, простиралась приблизительно до тридцати мил-

лiоновъ франковъ; слѣдовательно пошлины было бы собрано отъ десяти до двѣнадцати миллiоновъ, которые прежде доставались провозившимъ запрещенные товары. По принятiи предлагаемаго плана, эти послѣднiе остались бы совершенно безъ дѣла; ибо не подлежало никакому сомнѣнiю, что купцы предпочтутъ давать тридцать или тридцать три процента за право производить законный торгъ, — платѣ сорока процентовъ со ста привозившимъ запрещенные товары, съ опасностью, что ихъ иногда захватываетъ Таможня.

Я вовсе не намѣренъ хвалить мои предположенiя, однакожъ думаю, что мнѣ дозволено представить доказательства выгодъ, которыя долженствовали бы произойти отъ принятiя проэкта, представленнаго мною Императору. Не только запрещенный торгъ въ большомъ объемѣ чрезъ это бы прекратился; не только Французское Правительство собрало бы значительныя суммы пошлинами съ товаровъ, потребляемыхъ въ Германiи; но отъ сего произошла бы и нравственная выгода—прекращенiе всѣхъ распрей, безпрестанно возобновлявшихся между Голштинскими властями и Французскимъ начальствомъ въ Гамбургѣ. Тогда не было бы уже болѣе тѣхъ притѣсненiй, которыя такъ раздражаютъ умы, какъ то личные обыски людей, коихъ подозрѣвали въ произведенiи контробан-

ды чрезъ Альтонскія ворота; обыски, которые часто производили соблазнительныя и неблагопристойныя сцены. Гамбургская чернь стала бы искать въ работѣ средства къ существованію, болѣе законнаго, чѣмъ прогулки цѣлый день изъ Альтоны въ Гамбургъ. Перестали бы безнаказанно пренебрегать Императорскіе указы и не признавать властей. Наконецъ Таможенные досмотрщики, которыхъ принуждены были собрать великое число въ этой точкѣ, могли бы усилить собою другіе посты, болѣе важные, между Ядою и Эльбою.

Императоръ тотчасъ же согласился на принятіе изложенныхъ мною мыслей, ибо представленіе мое къ Министру Внѣшнихъ Сношеній было отъ 18 Сентября, а 4 Октября Наполеонъ издалъ указъ, совершенно согласный съ предложеннымъ мною планомъ. Не прошло еще шести недѣль по изданіи сего указа, и Совѣтъ назначенный для положенія основаній къ исполненію онаго, не воспріялъ еще въ своихъ дѣйствіяхъ правильнаго хода, а къ Директору Таможенъ было уже представлено на товары Голштиніи около 1300 объявленій. Съ этой минуты можно уже было полагать, что пошлины сберется до сорока милліоновъ франковъ, т. е. двадцатью осмью или тридцати милліонами болѣе того, какъ выходило по моимъ предположеніямъ. Нѣкоторые торговые дома заплатили

до четырехъ милліоновъ. Впрочемъ эта разница къ большему, меня не удивила, ибо я старался не прибѣгать къ тѣмъ преувеличеннымъ расчетамъ, которые представляютъ вещи въ лучшемъ видѣ, чѣмъ какъ въ послѣдствіи на дѣлѣ оказывается.

Бернадотъ былъ избранъ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ, и это назначеніе со всѣми обстоятельствами, къ оному относящимися, равно какъ и пребываніе его въ Гамбургѣ, составятъ содержаніе слѣдующей Главы; но я долженъ былъ упомянуть здѣсь объ этомъ для объясненія нѣкоторыхъ происшествій на Сѣверѣ, болѣе или менѣе къ оному относящихся. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, курсъ на Петербургъ вдругъ понизился. Всѣ письма, получаемыя въ Гамбургѣ изъ Русской столицы и изъ Риги, приписывали это пониженіе курса избранію Князя Понте-Корво наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. Мнѣ сообщили болѣе тридцати писемъ и изъ нихъ не было ни одного, въ которомъ бы не упоминалось объ опасеніяхъ, возбужденныхъ этимъ событіемъ въ Петербургѣ Я узналъ объ этомъ выборѣ 22 Іюля, т е. тотчасъ послѣ того, какъ самъ Бернадотъ могъ быть официяльно объ ономъ увѣдомленъ. Какъ только вѣсть сія дошла до Правительства, то мнѣ убѣдительно было предложено стараться опровергать и уничч-

тожать странные слухи и ложные толки, къ коимъ она подавала поводъ. Впрочемъ эти слухи и толки распространялись не всѣми Кабинетами и не при всѣхъ Дворахъ пріобрѣтали къ себѣ вѣру, какъ то будетъ видно изъ слѣдующей Главы. Я удостовѣрился, что опасенія, возникшія въ С. Петербургѣ, происходили менѣе отъ самаго выбора Швеціи, чѣмъ отъ предположенія, что этотъ выборъ былъ слѣдствіемъ вліянія Французскаго Правительства. Вскорѣ увидѣли, что этотъ страхъ мнимый, а послѣдствія показали, что оный никогда не былъ основательнымъ.

Digitized by Google

+++

ГЛАВА XVII.

Бернадотъ Наслѣдный Принцъ Шведскій. — Послѣдвія Революціи въ Стокгольмѣ.—Герцогъ Зюдерманландскій Король Шведскій.—Густавъ-Адольфъ въ Гамбургѣ. — Первое предложеніе, сдѣланное Г-мъ Вреде Бернадоту.— Письмо Князя Понте-Корво съ извѣщеніемъ меня о пріѣздѣ его въ Гамбургъ.—Трехдневное пребываніе.— Неудовольствіе Россіи и поздравленія Короля Прусскаго. — Объясненія на счетъ Ваграмскаго дня.— Тайный приказъ, отданный только Маршаламъ.—Неизвѣстность истины.—Разсказъ Наслѣднаго Принца Шведскаго о сношеніяхъ его съ Императоромъ.—Наполеонъ благопріятствуетъ Королю Датскому — Дозволеніе, данное Бернадоту.—Актъ, помѣщенный въ Монитёрѣ.—Позднее и непріемлемое условіе. — Благородная искренность Бернадота.—Свершеніе двухъ судебъ.— Легковѣрность Бернадота и ласки Императора.—Послѣдвія слова Бонапарте о Наслѣдномъ Принцѣ. — Совѣты, данные мною Бернадоту. — Сопротивленіе Континентальной системѣ.—Бернадотъ становится Шведомъ.

Я теперь достигъ одного изъ обстоятельствъ моей жизни, о коемъ я вспоминаю съ наиболь-

шимъ удовольствіемъ, времени, которое Бернадотъ провелъ со мною въ Гамбургѣ, тогда какъ, призываемый желаніемъ Шведовъ, онъ сбирался ѣхать въ городъ, долженствовавшій нѣкогда сдѣлаться столицею его Королевства. Мнѣ кажется, что должно начать приведеніемъ на память въ кратцѣ цѣпи происшествій, приведшихъ противившагося 18 Брюмеру на первую степень у Шведскаго престола, и для того, чтобы не раздѣлять событій, столь тѣсно между собою связанныхъ, я временно оставлялъ въ сторонѣ полученныя мною свѣдѣнія обо всемъ происшедшемъ въ Швеціи съ начала 1809 года до эпохи, до которой мы теперь достигли.

13 Марта этого года Густавъ Адольфъ, коего я разсказалъ нѣсколько воинственныхъ съумазбродствъ, былъ лишенъ свободы. Умалчиваю объ обстоятельствахъ взятія его подъ стражу: оно принадлежитъ Исторіи и заняло бы въ оной болѣе мѣста, еслибъ случилось въ эпоху, менѣе изобильную великими событіями. Герцогъ Зюдерманландскій, дядя Короля, пріялъ временно бразды правленія и Король Густавъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того издалъ актъ отреченія, въ которомъ, при внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи Швеціи, онъ не могъ отказать. Когда въ слѣдующемъ Маіѣ мѣсяцѣ, Шведскій Сеймъ собрался въ Стокгольмѣ, то Герцогъ Зюдерманландскій былъ избранъ Ко-

ролемъ. Монархъ сей имѣлъ единственнаго сына, Принца Христiана Августа, сдѣлавшагося естественнымъ образомъ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ, чрезъ восшествiе на престолъ отца его. Но онъ скоропостижно умеръ въ концѣ Маiя 1810 года. 21 числа слѣдующаго Августа мѣсяца, Бернадотъ былъ избранъ на его мѣсто Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. Вотъ общая перечень событiй; теперь я разскажу частныя обстоятельства, дошедшiя до моего свѣдѣнiя по должности, занимаемой мною въ Гамбургѣ, и изъ коихъ иныхъ, я самъ былъ свидѣтелемъ.

Прежде всего я долженъ говорить о послѣднемъ Королѣ Шведскомъ Густавѣ Адольфѣ. Государь сей прiѣхалъ 13 Генваря 1810 въ Гамбургъ, назначенный временно его мѣстопребыванiемъ; онъ путешествовалъ съ семействомъ своимъ подъ именемъ Графа Готторпскаго и былъ сопровождаемъ Г-мъ Скiольдебрандомъ, Генералъ-Маiоромъ Шведской службы. На другой день по прiѣздѣ Короля, Г. Скiольдебрандъ посѣтилъ меня и сказалъ мнѣ, что Графъ Готторпскiй вдругъ вообразилъ себѣ, что замокъ, купленный для него въ Швейцарiи, былъ назначенъ сдѣлаться его темницею; что эта мысль такъ сильно имъ овладѣла, что онъ отправилъ курьера къ Королю Шведскому, своему дядѣ, для сообщенiя ему своихъ опасенiй, и рѣшился

ожидать въ Гамбургѣ отъ него отвѣта. Его стали было уговаривать, но онъ объявилъ, что уступитъ только силѣ. Причины, сообщенныя мною Генералу Скіольдебранду въ продолжительномъ моемъ съ нимъ разговорѣ, а особенно умные совѣты Графини Готторпской, которая съ ангельскою покорностью переносила перемѣну своего жребія, — наконецъ склонили Густава-Адольфа перемѣнить свою рѣшимость. Еслибъ онъ продолжалъ упорствовать съ обыкновенною своею настойчивостью, то онъ очень бы насъ затруднилъ.

По смерти Наслѣднаго Принца, сына Герцога Зюдерманландскаго, Шведскій Графъ Вреде первый объявилъ Бернадоту, что въ Стокгольмѣ намѣреваются предложить ему наслѣдіе Шведскаго престола. Бернадотъ былъ тогда въ Парижѣ, и тотчасъ послѣ перваго своего свиданія съ Г-мъ Вреде, онъ поѣхалъ въ Сен-Клу, гдѣ тогда находился Императоръ. Наполеонъ выслушалъ его съ холодностью и отвѣчалъ, «что «онъ нисколько не можетъ быть ему полез«нымъ, что надобно предоставить дѣла обыкно«венному ихъ ходу, что онъ можетъ принять «или отказать, какъ ему заблагоразсудится, что «онъ не будетъ ему препятствовать и не мо«жетъ дать ему никакого совѣта.» Довольно было знать нравъ Наполеона и непріязнь, которую онъ непереставалъ питать противъ Бер-

надота, для того чтобъ быть увѣреннымъ, что выборъ Швеціи очень былъ ему досаденъ; и это такъ справедливо, что Наполеонъ, хотя онъ послѣ отъ этого и отперся, велѣлъ сдѣлать въ Стокгольмѣ нѣкоторыя попытки къ тому, чтобы Шведскій престолъ достался Датскому Королю.

Бернадотъ послѣ сего поѣхалъ къ Пломбіерскимъ водамъ. Возвратясь въ Парижъ и будучи уже рѣшительно возведенъ въ санъ Наслѣднаго Принца Швеціи, онъ извѣстилъ меня о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Любезный Министръ, это письмо вручитъ «вамъ Г. де Синіоль, Шведскій Генералъ-Кон«сулъ въ Парижѣ, за которымъ я черезъ нѣ«сколько дней самъ буду въ Гамбургъ; я въ «особенности вамъ его поручаю; примите его «съ вашею обыкновенною обязательностью. Вы «будете очень довольны его знакомствомъ; его «достоинства и личныя качества, конечно за«служатъ ваше вниманіе. Я надѣюсь въ ско«ромъ времени имѣть удовольствіе съ вами ви«дѣться; а между тѣмъ примите увѣренія въ «чувствахъ моей искренней преданности.

«I. Наслѣдный Принцъ Шведскій.»

«P. S. Прошу васъ засвидѣтельствовать мое «почтеніе супругѣ вашей, и поклониться отъ

«меня маленькой сестрицѣ (*) и вашему милому семейству.»

Изъ этого письма видно, что степень, на которую Бернадотъ восшелъ и за которую онъ былъ обязанъ только своимъ личнымъ качествамъ, нисколько не измѣнила питаемой имъ ко мнѣ дружбы, и я удостовѣрился, что Г. де Синіоль, имъ мнѣ порученный, вполнѣ заслуживалъ благопріятный о немъ отзывъ Наслѣднаго Принца.

Назначеніе Бернадота возбудило сначала, какъ я уже сказалъ, живѣйшее неудовольствіе въ Санктпетербургскомъ Кабинетѣ; но расположеніе Берлинскаго Кабинета было совсѣмъ иное, ибо Князь Витгенштейнъ, находившійся тогда въ Гамбургѣ, получилъ отъ Короля Прусскаго повелѣніе поздравить отъ его имени Князя Понте-Корво, при проѣздѣ его чрезъ Гамбургъ, и увѣрить его въ томъ, *что онъ за особенное сочтетъ себѣ удовольствіе состоять съ нимъ въ сношеніяхъ дружества и добраго сосѣдства*. Г. Бюловъ, Гофмаршалъ Двора Герцога Мекленбургскаго и Баронъ Оксенстіернъ, Шведскій Министръ въ Копенгагенѣ, также прибыли въ Гамбургъ съ тою же цѣлью.

Бернадотъ пріѣхалъ 11 Октября и пробылъ въ Гамбургѣ только три дня, которые онъ про-

(*) Это одна изъ моихъ дочерей, которую Бернадотъ всегда называлъ своею маленькою сестрицею.

велъ почти совершенно со мною. Я сообщилъ ему всѣ полученныя мною письма и донесенія, касательно его избранія, и онъ имѣлъ удовольствіе увидѣть изъ нихъ, что большая часть голосовъ была на его сторонѣ. Я займусь теперь описаніемъ этихъ трехъ дней, не подчиняясь никакому иному порядку, кромѣ того, въ какомъ происходили наши съ нимъ разговоры, въ которыхъ онъ сообщилъ мнѣ, какъ читатели увидятъ, очень любопытныя вещи о тайной исторіи того времени. Изъ числа этихъ занимательныхъ обстоятельствъ, я ставлю на первое мѣсто сказанное имъ мнѣ о Ваграмскомъ сраженіи, о которомъ мы съ нимъ разговорились.

Я первый сообщилъ новому Наслѣдному Принцу Швеціи, слухи, распространенные на счетъ нерѣшительности, съ которою дрались войска, составлявшія его корпусъ. Желая узнать правду, которую Бернадотъ всегда говорилъ, хотя онъ былъ и Гасконецъ, я напомнилъ ему, что Императоръ изъявилъ неблагопріятное для этихъ войскъ мнѣніе; ибо ужъ конечно Наполеонъ былъ виновникъ жалобъ, помѣщенныхъ въ бюлетеняхъ, что казалось тѣмъ достовѣрнѣе, что онъ отнялъ у него войска. Бернадотъ, какъ мнѣ показалось, былъ доволенъ искренностью, съ которою я говорилъ съ нимъ, и увѣрилъ меня, что упреки Императора были несправедливы и

ненавистны; что даже во время самаго дѣла онъ жаловался на недостатокъ рвенія солдатъ. «Императоръ не захотѣлъ меня видѣть,» сказалъ мнѣ Бернадотъ «и причиною его отказа привели мнѣ то, что онъ былъ удивленъ и огорченъ «тѣмъ, что послѣ его жалобъ, о которыхъ я не «могъ не знать, я хвалился тѣмъ, что я вы«игралъ сраженіе и поздравлялъ Саксонцевъ «бывшихъ у меня подъ начальствомъ. Онъ заставилъ назвать это страннымъ всѣхъ тѣхъ, «которые завидуютъ превосходству другихъ.» Тогда Бернадотъ показалъ мнѣ бюлетень, составленный имъ послѣ Ваграмскаго дѣла. Я замѣтилъ ему, что я ни когда еще не видывалъ бюлетеня, составленнаго не тѣмъ Генераломъ, который имѣлъ главное начальство въ сраженіи. Я спросилъ у него, какъ это кончилось; тогда онъ прочелъ мнѣ приказъ, разосланный Наполеономъ, по словамъ его, только Маршаламъ, начальствовавшимъ корпусами. Императоръ велѣлъ напечатать бюлетень Бернадота въ заглавіи своего приказа. Такихъ дѣлъ еще не было видано.

Вотъ этотъ замѣчательной документъ, совершенно обнаруживающій недостойное коварство столь высокаго генія Наполеона. Онъ очень мало извѣстенъ, а потому я помѣщаю его здѣсь.

Приказъ.

Въ нашемъ Императорскомъ лагерѣ въ Шёнбруннѣ 9 Іюля 1809.

«Его Величество изъявляетъ свое неудоволь-

«ствіе Маршалу Князю Понте-Корво, за приказъ «его, отданный въ Леопольдштадтѣ 7 Іюля, и «который былъ тогда помѣщенъ почти во всѣхъ «журналахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Саксонцы, въ день 5 Іюля находясь только «въ числѣ семи или осми тысячъ, вы врѣзались «въ центръ непріятельской арміи, и дошли до «Дейтшъ-Ваграма; не смотря на усилія сорока «тысячъ человѣкъ, подкрѣпленныхъ шестиде«сятью орудіями, вы сражались до полуночи и «стали биваками посреди Австрійскихъ линій. «Шестаго числа, съ самаго разсвѣта, вы возоб«новили бой съ тою же настойчивостью и по«среди опустошеній, причиняемыхъ непріятель«скою артиллеріею, ваши колонны устояли не«движимо, какъ желѣзныя. Великій Наполеонъ «видѣлъ вашу преданность, онъ считаетъ васъ «въ числѣ своихъ храбрыхъ воиновъ. Саксонцы, «судьбина солдата состоитъ въ исполненіи сво«ихъ обязанностей; вы достойно исполнили «ваши

«На Леопольдштадтскомъ бивакѣ 7 Іюля 1809,
«Корпусный Командиръ Маршалъ

«БЕРНАДОТЪ.»

«Независимо отъ того, что Его Величество «самъ лично предводительствуетъ арміею,—ему «принадлежитъ право опредѣлять степень сла«вы, всякимъ заслуженной. Его Величество обя-

«занъ за успѣхъ своего оружія Французскимъ «войскамъ, а не иноземцамъ. Приказъ Князя «Понте-Корво, клонящійся къ предоставленію «несправедливыхъ притязаній войскамъ, покрайней мѣрѣ посредственнымъ, противенъ истинѣ, «политикѣ и національной чести. Успѣхъ пятаго числа принадлежитъ Маршаламъ Риволи и «Удино, которые прорѣзали центръ непріятеля, «въ то время какъ корпусъ Герцога Ауерштадтскаго обходилъ его съ лѣва. Деревня Дейтшъ-«Ваграмъ была взята не пятаго числа, а шестаго въ полдень, корпусомъ Маршала Удино. «Корпусъ Князя Понте-Корво *не стоялъ недвижимо, какъ желѣзный*. Онъ первый отступилъ. «Его Величество принужденъ былъ прикрыть «корпусъ Вице-Короля дивизіями Бруссье и Ламарка, состоявшими подъ начальствомъ Маршала Макдональда; дивизіею тяжелой кавалеріи «подъ начальствомъ Генерала Нансути и частью «Гвардейской кавалеріи. Этому-то Маршалу и «его войскамъ принадлежитъ похвала, которую «Князь Понте-Корво себѣ присвоиваетъ. Его «Величество желаетъ, чтобы это изъявленіе его «неудовольствія послужило примѣромъ, дабы ни «одинъ Маршалъ не присвоивалъ себѣ славы, «принадлежащей другимъ. Его Величество однакоже повелѣваетъ, дабы приказъ сей, могущій «огорчить Саксонскую армію, хотя солдаты и «знаютъ, что они не заслужили похвалъ, имъ

«приписанныхъ, остался въ тайнѣ и былъ разосланъ только Маршаламъ, Командующимъ «Корпусами.

«НАПОЛЕОНЪ »

По прочтенiи этого важнаго документа, я позволилъ себѣ замѣтить Принцу, что приказъ сей, хотя по волѣ Императора и оставленный въ тайнѣ, имѣлъ нѣкоторой видъ истины, вопервыхъ потому, что онъ подтверждалъ сказанное имъ самимъ о недостаткѣ рвенiя Саксонцевъ; а во вторыхъ потому, что у него было взято начальство надъ войсками; наконецъ по увѣренности, съ которою онъ ссылался на обстоятельства, происходившiя при глазахъ цѣлой армiи. Наслѣдный Принцъ Шведскiй вошелъ тогда объ этомъ достопамятномъ днѣ въ подробности, приведшiя меня въ величайшее недоумѣнiе на счетъ того, на которой сторонѣ была правда. Мы такъ по природѣ склонны вѣрить тому, кого послѣднимъ слышимъ, особенно же если это человѣкъ, котораго знаешь искренность и благородство! Мнѣ не извѣстно было о существованiи помѣщеннаго мною выше секретнаго приказа; впрочемъ, зная наклонность Бонапарте составлять свои публичные акты, никакъ не упуская изъ виду своихъ выгодъ, я еще болѣе началъ сомнѣваться, а размысливъ какъ должно, думаю, что въ послѣдствiи это

самое уменьшило мои сомнѣнія на счетъ справедливости словъ Бернадота.

Сколько ни занимательно для меня было то, что говорилъ мнѣ Бернадотъ, изъясняя выше приведенныя подробности относительно поведенія Бонапарте послѣ Ваграмскаго сраженія, подробности, которыя до того мнѣ были совершенно неизвѣстны, всё онѣ не возбуждали во мнѣ такого любопытства, какое при разсказѣ его о послѣднихъ своихъ сношеніяхъ съ Императоромъ. Я уже познакомилъ читателей съ нѣкоторыми изъ сихъ сношеній, о коихъ я зналъ отъ вѣрныхъ людей, и что мнѣ послѣ подтвердилъ самъ Бернадотъ; онъ мнѣ говорилъ потомъ, что когда возвратись изъ Пломбіеръ, онъ явился къ выходу Императора, тотъ обратясь къ нему при всѣхъ спросилъ, не получалъ ли онъ какихъ новыхъ извѣстій изъ Швеціи, и когда Бернадотъ сказалъ, что получилъ, то прибавилъ: «Что же пишутъ? — Государь, мнѣ «пишутъ, что повѣренный въ дѣлахъ Вашего «Величества въ Стокгольмѣ противится моему «избранію; сверхъ того, что онъ разсказываетъ «всякому, кто только хочетъ его слушать, что «Ваше Величество изволите отдавать предпочтеніе Датскому Королю.» При этихъ словахъ, продолжалъ Бернадотъ, онъ притворился удивленнымъ, что, какъ вы знаете, онъ умѣетъ очень хорошо дѣлать, увѣрялъ меня, что это невоз-

можно и замялъ рѣчь, начавъ разговоръ о чемъ-то другомъ (*).

«Я право не знаю, говорилъ мнѣ Бернадотъ, что объ немъ думать въ семъ обстоятельствѣ; я очень знаю, что онъ меня не любитъ, но выгоды его политики могутъ сдѣлать его благосклоннымъ къ Швецiи, и принимая во вниманiе то величественное и могущественное положенiе, въ какомъ теперь находится Францiя, я считалъ за долгъ всячески жертвовать собственнымъ честолюбiемъ, только бы тѣмъ сохранить доброе согласiе; но клянусь Богомъ, что не уроню имени Шведа. Впрочемъ онъ имѣлъ въ томъ доказательства, какъ вы увидите сами.

«Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что онъ изъяснился въ наилучшихъ выраженiяхъ,

(*) Извѣстiя, полученныя Принцемъ Понте-Корво, были вѣрны, а Бонапарте игралъ съ нимъ комедiю; я узналъ послѣ, что Французскiй повѣренный въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ Г. Дезогiе, въ слѣдствiе полученной имъ отъ своего Двора инструкцiи, подалъ ноту въ пользу Датскаго Короля. Вѣроятно, въ намѣренiи скрыть свою неудачу, которая еслибы сдѣлалась извѣстна, то навѣрное открыла бы всѣмъ глаза на счетъ уменьшенiя влiянiя его на Сѣверъ, Императоръ не одобрилъ поведенiя Г-на Дезогiе и отозвалъ его отъ занимаемой имъ должности, въ наказанiе за то, что тотъ повиновался его инструкцiи. Г. Лагербелке, бывшiй тогда Шведскимъ Посланникомъ въ Парижѣ, разсказывалъ многимъ, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Г. Шампаньи, признавался ему, что Г. Дезогiе былъ невинною жертвою, которую нужно было принести.

говоря о Королѣ (*) и обо мнѣ. Сначала онъ не изъявилъ никакого противорѣчія, на тотъ конецъ, чтобы отклонить меня принять наслѣдіе Шведскаго трона, и немедленно велѣлъ помѣстить въ Монитерѣ мой избирательный актъ. Прошло десять дней, а Императоръ не говорилъ мнѣ ни слова о днѣ моего отъѣзда; признаюсь, что такъ какъ мнѣ очень хотѣлось поскорѣе уѣхать, къ чему все уже было въ совершенной готовности, то я рѣшился идти къ нему и просить выдачи мнѣ документовъ, освобождающихъ меня отъ присяги въ вѣрности, которую я, по истинѣ, хранилъ свято, не смотря на всѣ его ко мнѣ несправедливости. Казалось, что сначала онъ удивился такой просьбѣ, которую я изъяснилъ положительно и которой онъ никакъ не ожидалъ. Не долго поколебавшись, онъ сказалъ мнѣ: «Надобно выполнить одно предварительное условіе; тутъ идетъ «дѣло о поданномъ въ Тайномъ Совѣтѣ однимъ «Членомъ онаго голосѣ.—Какое условіе, Государь?—Обязаться никогда не поднимать оружія «противъ меня.—Ваше Величество, неужели такъ «думаете? Могу ли я связать себя такимъ обязательствомъ? Избраніе мое сдѣлано Шведскимъ «Сеймомъ—согласіе, которое на то изволили

(*) Это былъ дядя свергнутаго съ трона Короля, а до того бывшій Герцогомъ Зюдерманландскимъ; онъ царствовалъ подъ именемъ Карла XIII.

«дать Ваше Величество, какъ Королю Карлу «XIII-му, такъ и мнѣ самому, сдѣлало меня «Шведскимъ подданнымъ, а это званіе нисколь«ко несовмѣстно съ тѣмъ обязательствомъ, о «которомъ говорилъ членъ Совѣта; я говорю, «членъ Совѣта, потому что Ваше Величество «мнѣ такъ сказали и потому что увѣренъ твер«до въ томъ, какъ далеко должно быть отъ «мыслей вашихъ такое условіе. Это вѣрно взду«малъ великій Канцлеръ или главный Судья, ко«торымъ навѣрное и въ голову не пришло о томъ «возвышеніи, какое доставитъ мнѣ такое пред«ложеніе.—Что вы подъ этимъ разумѣете?—Если «вы препятствуете мнѣ получить корону, ког«да я только не сдѣлаю обязательства никогда «противъ васъ не сражаться, то не правда ли, «Государь, что это меня поставитъ на одну «степень съ вами, какъ Генерала!»

«Когда я рѣшительно изъяснилъ ему, что съ «самаго моего избранія, я долженъ себя почи«тать неиначе какъ Шведскимъ подданнымъ, онъ «нахмурилъ брови; и вообще, пока я съ нимъ «говорилъ, такъ какъ пересказалъ вамъ, кажет«ся, отъ слова до слова, онъ по видимому былъ «въ замѣшательствѣ, которое было таково, что «когда я пересталъ говорить, то онъ мнѣ ска«залъ изображающимъ смущеніе голосомъ, что «я едва могъ слышать: «Ну! ступайте, участь насъ «обоихъ скоро рѣшится.» Онъ произнесъ слова

сіи такъ невнятно, что я, съ извиненіемъ, просилъ повторить ихъ, потому что я не разслышалъ; онъ сказалъ опять: «Ступайте, участь «насъ обоихъ скоро рѣшится.»

Въ самой вещи странная судьба этихъ двухъ людей рѣшилась. Согласуясь съ правами, привычками и нуждами своего народа, Карлъ Іоаннъ наслаждается однимъ изъ самыхъ покойныхъ царствованій, какія только представляетъ Исторія Швеціи, а Наполеонъ, побѣдивъ и устрашивъ свѣтъ, видѣлъ упадокъ своего счастія; такая разница всегда будетъ являться въ участи Государей, которые будутъ основывать права свои на силѣ меча, и участи тѣхъ, которые, руководствуясь лучшими внушеніями, будутъ умѣть утвердить свое могущество на уваженіи пріобрѣтенныхъ правъ и святости произнесенной ими клятвы.

«Въ другихъ случаяхъ, когда я разговаривалъ съ Императоромъ, продолжалъ Бернадотъ, я въ самой вещи старался всѣми силами заставить его сказать что нибудь о невыгодныхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ имѣлъ противъ меня; для сего я исчислялъ разныя историческія событія, которыя мнѣ приходили на память, говорилъ о великихъ государствахъ и великихъ людяхъ, которыхъ успѣхи удивили свѣтъ; о тѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, которыя имъ надлежало преодолѣть, а въ особенности

я не забывалъ ссылаться на прочную славу, которая имѣетъ своимъ основанiемъ установленiе и сохраненiе общественнаго спокойствiя и благополучiя. Императоръ слушалъ меня со вниманiемъ, и часто соглашался со мною, когда я изъяснялъ ему мои мысли о причинахъ благополучiя и непоколебимости государствъ. Однажды онъ даже взялъ меня за руку и дружески пожалъ ее, какъ бы желая увѣрить меня въ своемъ благорасположенiи и покровительствѣ; такъ что не смотря на то, сколько мнѣ знакомо было его умѣнье притворствовать, его искуственная, или лучше сказать подложная доброта, казалась столь естественною, что я иногда думалъ, что онъ опять возвращается къ благосклоннымъ чувствованiямъ, и принуждалъ себя свыкнуться съ этою мыслiю; чтобы утвердиться въ такомъ мнѣнiи, я говорилъ о томъ съ особами, посредствомъ которыхъ семейства наши были соединены; я объяснилъ имъ свое желанiе, чтобы они увѣрили Императора во взаимности моихъ чувствованiй; я просилъ ихъ объяснить ему, сколько я готовъ согласоваться съ его великими системами и способствовать имъ, только бы сiе не было противно выгодамъ Швецiи.

«Повѣрите ли, любезный другъ, что тѣ лица, которымъ я дѣлалъ сiи искреннiя изъясненiя, смѣялись надъ моимъ легковѣрiемъ; они мнѣ

сказали, что именно послѣ того разговора, когда Императоръ бралъ меня за руку, едва я успѣлъ ему откланяться, какъ онъ говорилъ имъ, что я честолюбецъ, и худо умѣю скрыть свое честолюбіе; что я хотѣлъ похвастаться предъ нимъ своими познаніями, что онъ издѣвался надомною, какъ надъ ребенкомъ. Онъ хотѣлъ внушить мнѣ полную довѣренность, на тотъ конецъ, чтобы я не остерегался; потому что будучи имъ обманутъ, какъ я сказалъ выше, я достовѣрно узналъ, что онъ имѣлъ намѣреніе меня задержать; но не посмѣлъ того сдѣлать, чему доказательствомъ служитъ то, что я узналъ изъ самаго вѣрнаго источника, что однажды Даву, желая ему угодить, сказалъ ему въ его кабинетѣ и при многихъ свидѣтеляхъ, въ то самое время какъ говорили о моемъ избраніи: «Принцъ Понте-Корво ничего не подозрѣваетъ. — Онъ еще неизбранъ, отвѣчалъ ему Императоръ.»

«Сверхъ того, сказалъ мнѣ еще Бернадотъ, не смотря на такія доказательства нерасположенія, питаемаго ко мнѣ Императоромъ съ самаго 18 Брюмера, я не думаю, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе, когда я буду въ Швеціи, поступать дурно съ Шведскимъ Правительствомъ, и очень вижу, что мы будемъ имѣть только политическія сношенія; я долженъ сказать вамъ, что онъ даже пожаловалъ мнѣ два милліона въ

замѣнъ моего Княжества Понте-Корво, и велѣлъ уже выдать мнѣ половину этой суммы (*), что вышло для меня очень кстатѣ, по причинѣ нужныхъ на дорогу и обзаведенiе издержекъ. Не скрою также отъ васъ, что въ ту самую минуту, какъ я шелъ садиться въ карету, одна особа, которую позвольте мнѣ не называть, прiѣхала со мною проститься и разсказать, что сей часъ только было въ Тюлiери. Когда эта особа явилась во Дворецъ, Наполеонъ, увидя ее, тотчасъ подошелъ и сказалъ: «Ну что, Принцъ «не жалѣетъ ли о Францiи?—Конечно жалѣетъ, «Государь.— Что касается до меня, то я бы пра«во радъ былъ, если бы онъ отвергнулъ свое «избранiе; но тутъ нечего было дѣлать! . . . Да «онъ же меня и не любитъ!—Государь, если Ва«ше Величество дозволите мнѣ говорить откро«венно, то я осмѣлюсь сказать, что вы изволи«те ошибаться; я знаю, какое несогласiе суще«ствовало за десять лѣтъ между Генераломъ «Бернадотомъ и Вашимъ Величествомъ; знаю «какъ онъ противился ниспроверженiю Дирек«торiи, которой не задолго предъ тѣмъ онъ «былъ однимъ изъ Министровъ, но знаю также «и то, что съ давняго времени Принцъ Понте«Корво вамъ искренно преданъ.—Я очень радъ, «и вамъ вѣрю; но мы не сошлись другъ съ дру-

(*) Другой миллiонъ, назначенный въ замѣнъ Княжества Понте-Корво, никогда не былъ заплаченъ Бернадоту.

«гомъ, а теперь это уже поздно; у него въ виду «свои собственныя выгоды и своя политика, а «у меня свои.

«Таковы были, прибавилъ Принцъ, послѣднія слова Императора на мой счетъ, за два часа до моего отъѣзда. Та особа, о которой я говорилъ вамъ, любезный Буріеннъ, сказала правду; конечно мнѣ жаль разстаться съ Франціею; но безъ него, безъ его несправедливостей, я бы никогда ее не покинулъ; если когда нибудь мнѣ придется взойти на Шведскій престолъ, то я короною своею буду обязанъ ему, въ томъ смыслѣ, что если бы онъ меня не преслѣдовалъ своею ненавистью, то я почиталъ бы свой постъ довольно лестнымъ для выслужившагося солдата—но надобно повиноваться судьбѣ.»

Въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ Наслѣднымъ Принцемъ со мною, я имѣлъ съ нимъ многіе разговоры, которые дышали чистосердечіемъ и дружескимъ расположеніемъ. Но что наиболѣе его занимало, и о чемъ въ особенности онъ желалъ моего совѣта, такъ это то, какъ ему поступать относительно Континентальной системы. Онъ зналъ твердую рѣшимость Наполеона по сему предмету. Спрашивая моего мнѣнія о трактатѣ 1-го Генваря 1810, которымъ Швеція согласилась войти въ Континентальную систему, онъ показалъ мнѣ, что желаетъ только, чтобы я подтвердилъ соб-

ственное его мнѣнiе. Со времени его избранiя, я видѣлъ много Шведовъ, все людей значительныхъ въ Государствѣ, и которые способствовали удивительному возвышенiю Бернадота. Вотъ что я говорилъ ему въ убѣжденiи, что дѣлаю услугу ему и бѣдной странѣ, надъ которою онъ призванъ царствовать:

«Я совѣтую вамъ, сказалъ я Наслѣдному Принцу, не колеблясь отвергнуть систему, которую Императоръ заставилъ принять тѣ Государства, на коихъ простирается его владычество. Система эта можетъ быть хороша въ теорiи, но ее нельзя приводить въ исполненiе, и она предаетъ торговлю всего свѣта въ руки Англичанамъ. Она располагаетъ къ намъ дурно нашихъ союзниковъ, которые, противъ воли, сдѣлаются нашими врагами.

«Но ни одно изъ сихъ Государствъ, кромѣ Россiи, не находится въ одинаковомъ со Швецiею положенiи. Вы имѣете нужду во множествѣ предметовъ, безъ которыхъ обойтись не можете, а между тѣмъ природа вамъ въ нихъ отказала. Вы можете получать ихъ только посредствомъ величайшей свободы мореплаванiя, и платя такими предметами, которые находятся въ изобилiи въ Швецiи, и которые охотно покупаютъ въ чужiя земли. По этому-то нѣтъ нималѣйшаго повода къ тому, чтобы запирать ваши порты для нацiи, владычествую-

щей на моряхъ; не ея, но вашъ флотъ будетъ въ блокадѣ. Что можетъ сдѣлать вамъ Франція? Сдѣлать къ вамъ нашествіе съ сухаго пути? но вы не считаете этаго возможнымъ. Англія и Россія употребятъ всѣ свои силы, чтобы отразить съ Сѣвера владычество, которое бы туда захотѣло вторгнуться. Если бы даже дошли до Зунда, то надобно бы было проходить имъ, а тутъ сей часъ явятся Русскій и Англійскій флоты. Моремъ? еще болѣе невозможно; для морской экспедиціи такого рода Франція, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, не имѣетъ средствъ. Въ семъ отношеніи вамъ должно опасаться только Россіи и Англіи. Старайтесь сохранить ихъ къ себѣ расположеніе, съ одною поступая какъ надлежитъ добрымъ сосѣдямъ, а съ другою продолжая торговыя сношенія, которыя обоимъ полезны. Если вы не отторгнетесь отъ этаго союза противъ Англійской торговли, союза, который будетъ безплоденъ, то сдѣлаетесь его жертвою. Я могу разсказать вамъ одинъ случай: недавно Маршалъ Бертье прислалъ чрезвычайнаго курьера съ приказаніемъ освѣдомиться самымъ точнымъ образомъ, какъ долго полагать можно, что продолжится теперешній съ Россіею миръ. Я продержалъ курьера двѣ недѣли. Всѣ свѣдѣнія, какія получилъ я посредствомъ своихъ прямыхъ сношеній, всѣ розысканія, которыя я почер-

шиулъ изъ надежныхъ источниковъ и все то, что слышалъ отъ людей, удостоивающихъ меня своею довѣренностью, утвердили меня въ томъ мнѣнiи, что если не встрѣтится какого нибудь необычайнаго случая, могущаго подать поводъ къ внезапному разрыву, Россiя примется за оружiе чрезъ полтора года. Я довелъ это до свѣдѣнiя Императора: *я желалъ бы обмануться;* но она уже готовитъ средства къ войнѣ. Замѣтьте, что Императоръ не хочетъ терпѣть, чтобы Россiя давала дозволенiя, какъ онъ, который ихъ продаетъ за деньги. Онъ обогащается на счетъ народа; хотите ли вы дѣлать также? Дѣлайте, и казна ваша будетъ наполнена золотомъ, но за то ваши подданные? . . . Повѣрьте мнѣ, продавайте ваше желѣзо, вашъ строевой лѣсъ, ваши кожи, вашу смолу; и получайте соль, вина, водку и колонiальные товары, въ которыхъ вы имѣете нужду. Вы прiобрѣтете любовь къ себѣ Шведовъ, а не навлечете на себя ихъ ненависти. А если, напротивъ того, вы будете держаться Континентальной системы, то будете принуждены, для выполненiя этой системы, издавать законы противъ контрабанды, которая будетъ существовать вопреки вашей волѣ. Такiе законы будутъ Шведамъ поводомъ къ возстанiю. Будьте, оставайтесь Французомъ въ сердцѣ, но будьте Шведомъ на дѣлѣ. Для чего вы будете дѣлать то,

Digitized by Google

что станетъ цѣлая нація отвергать? Я говорю вамъ не такъ какъ Министру Франціи, а какъ человѣку безъ страстей, какъ вашъ искренній другъ. Но хотите ли имѣть еще болѣе рѣшительное доказательство о лживости этой системы? хотите ли увидѣть, что она неприноситъ вреда Англіи? замѣтьте одно: посмотрите, что здѣсь происходитъ въ отношеніи къ дозволеніямъ и къ платежу въ казну тридцати трехъ процентовъ съ той суммы, какой стоитъ товаръ. Я исходатайствовалъ дозволить впускъ товаровъ съ такою пошлиною, а Тріанонскій декретъ состоялся вскорѣ послѣ сдѣланныхъ мною замѣчаній о неизбѣжности контрабанды; но кто платитъ такое возвышеніе цѣны цѣлою третью? Англія? — по истинѣ нѣтъ: она продала, и ей заплачено за все. — Не уже ли купецъ? Нѣтъ: онъ продаетъ товары сообразно съ тѣмъ, во что они ему обошлись. Платитъ употребитель — онъ бѣдный платитъ сей тяжкій, ненавистный налогъ. Эта система вооружаетъ всю Европу противъ Императора. Вы увидите послѣдствія. Зло, которое причиняетъ Наполеонъ, упорствуя въ своей системѣ, непремѣнно на него обрушится.

Таковы были совѣты мои Бернадоту въ дѣлѣ, отъ котораго, можетъ быть, зависѣла его новая и блестящая будущность. Не смотря на то, что я былъ Французскій Министръ, я сочелъ бы

противнымъ правиламъ чести давать ему другiе совѣты – дипломать имѣетъ свои обязанности — но и дружба имѣетъ свои, которыя выполнять прiятны. Могу сказать, что Бернадотъ воспользовался моими совѣтами, и мнѣ кажется, что Шведскiй Король въ томъ не раскаевается.

Digitized by Google

ГЛАВА XVIII.

Занятія Наполеона.—Португалія и дворъ Римскій.—Г. де Боалевъ кавалеръ 1 степени ордена Союза. — Бонапарте не хочетъ платить издержекъ за внесеніе въ роспись. — Мармонъ въ Имперіи. — Прибытіе Бернадота въ Швецію.— Письма, полученныя мною отъ Генерала Жантиль-Сенъ-Альфонса и Наслѣднаго Принца. —Безуспѣшные переговоры. — Причины размолвки Наполеона съ Бернадотомъ.— Неприличная теорія. — Данное и взятое назадъ Бернадоту дозволеніе.— Первое письмо Бернадота къ Императору.— Слова Бонапарте.—Покушеніе похитить Наслѣднаго Шведскаго Принца. — Вторженіе въ Шведскую Померанію и жалобы Бернадота — Озлобленіе Бонапарте противъ Бернадота.—Принужденный союзъ Швеціи съ Англіею и Россіею.—Письмо Принца къ Императору Александру.—Надменность Французскаго Посланника въ Стокгольмѣ.—Объясненія, сдѣланныя Бернадотомъ Императору.— Тайны возстановленія.

Между тѣмъ какъ Бернадотъ собирался спокойно занять второе мѣсто въ Королевствѣ, въ

которомъ ему предназначено было сдѣлаться первымъ; тогда какъ онъ снисходилъ свободному желанію Шведовъ, которые его призывали, не по какимъ нибудь интригамъ, а единственно по личнымъ его достоинствамъ, Наполеонъ былъ занятъ Португальскими дѣлами, которыя шли совсѣмъ не по его мыслямъ, и въ тоже время былъ въ самой сильнѣйшей распрѣ съ Папою. При этомъ я вспоминаю одинъ случай, за истину котораго могу поручиться. Когда Наполеонъ хотѣлъ развестись, то Папа потребовалъ, чтобы при этомъ были соблюдены всѣ церковные обряды; что и было выполнено со всѣми отсрочками, какія предписаны законами, и это было причиною замедленія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцовъ. По окончаніи судебнаго производства, Г. Боалевъ, великій Оффиціалъ Архіепископства Парижскаго, сдѣлалъ приговоръ. По сему случаю можно заключить, какъ Бонапарте, въ частной своей жизни, покорялся установленіямъ. Производство дѣла о разводѣ повлекло за собою значительные расходы, какъ-то на жалованье нѣкоторымъ чинамъ и на платежъ пошлинъ за записку довольно большаго числа актовъ. Суммы эти выплачены; онѣ поступили въ Государственную казну, слѣдственно ими воспользовалась она; но Наполеонъ рѣшительно отказался отъ платежа за записку законникамъ, которые того домогались; онъ

только послалъ великому Оффиціалу ленту ордена Союза. Г. де Боалевъ, будучи принужденъ носить эту ленту, и стыдясь показываться съ нею въ обществѣ, пряталъ ее какъ можно болѣе. Въ самой вещи орденъ Союза никогда во Франціи не былъ уважаемъ.

Въ это время одинъ Офицеръ доставилъ мнѣ извѣстія о Мармонтѣ, котораго онъ видѣлъ незадолго предъ тѣмъ въ Тріестѣ, куда Императоръ послалъ его въ качествѣ Генералъ-Губернатора Иллирійскихъ провинцій.

По всему тому, что я слышалъ отъ этаго Офицера, котораго фамиліи никакъ не могу вспомнить, я видѣлъ, что Мармонъ былъ очень любимъ на своемъ мѣстѣ, и въ самомъ дѣлѣ это былъ лучшій выборъ, какой могъ сдѣлать Императоръ; Мармонъ явилъ доказательства своего благоразумнаго управленія, ненависти къ грабежу и любви къ справедливости. Его упрекали въ томъ, что онъ въ лагеряхъ завелъ у себя совсѣмъ восточную роскошь, но никогда нельзя было ни малѣйшимъ образомъ усумниться въ строгой его честности. Онъ сдѣлалъ очень богатую партію, и приданое его жены было вѣроятно источникомъ, изъ котораго онъ получалъ деньги, нужныя для удовлетворенія своей наклонности тратиться; но никогда наклонность его къ тщеславію не была удовлетворяема ни малѣйшимъ грабительствомъ. Вообще страсть

показать себя, была тогда у большей части тѣхъ, кто происходилъ, нѣкоторымъ образомъ, отъ Императорскаго трона, что бы въ отдаленныхъ провинцiяхъ явить знаки его величiя.

Бернадотъ сохранилъ болѣе простыя наклонности и голова его была слишкомъ наполнена мыслями основательными, почему у него и не было охоты заниматься блескомъ великолѣпiя. Только что онъ выѣхалъ изъ Гамбурга, на пути своемъ къ Швецiи, какъ мы увидѣли прибывшаго Герцога Голштейнъ-Августенбургскаго, брата послѣдняго Шведскаго Наслѣднаго Принца, права котораго перешли къ Бернадоту. Онъ ѣхалъ въ Германiю, чтобы взять тамъ свою сестру и проводить ее въ Данiю. Путешествiе его замедлилось нѣсколькими днями по причинѣ пребыванiя Принца Понте-Корво въ Гамбургѣ; онъ считалъ себя столь близкимъ къ Шведскому трону, что рана, причиненная его честолюбiю предпочтенiемъ, сдѣланнымъ Бернадоту, была еще слишкомъ свѣжа, и отъ того онъ не захотѣлъ встрѣтиться съ своимъ счастливымъ соперникомъ.

Бернадотъ, тотчасъ по прибытiи моемъ въ Швецiю, велѣлъ извѣстить меня о счастливомъ окончанiи своего путешествiя. Меня увѣдомилъ объ этомъ случаѣ Жантиль-Сенъ-Альфонсъ слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый Государь,

«Наследный Принцъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ о счастливомъ переѣздѣ его изъ Пликборда въ Корсоеръ. Въ то самое время, когда мы прибыли, здѣсь дули все совершенно противные вѣтры, и пять сотъ Англійскихъ судовъ, въ числѣ которыхъ семь линѣйныхъ кораблей и три фрегата, стояли на якорѣ на Сѣверной и Южной сторонѣ канала. Посреди этой двойной линіи имѣлъ честь пройти Е. К. В.; и представьте, какое счастіе, мы не проплыли болѣе часу, вѣтеръ перемѣнился, и мы подъ всѣми парусами вошли въ Корсоеръ. Принцу угодно было, чтобы вы первые извѣщены были, о счастливомъ его переѣздѣ; вы увидите въ этомъ знакъ дружескаго его къ вамъ расположенія, въ которомъ увѣреніе онъ поручилъ мнѣ возобновить вамъ. Е. К. В. проситъ васъ засвидѣтельствовать его почтеніе супругѣ вашей, и дружески поклониться отъ него всему вашему любезному семейству.

«Я пользуюсь симъ случаемъ, Милостивый Государь, чтобы вновь поручить себя въ благосклонное расположеніе В. П. и повторить изъясненіе тѣхъ чувствъ, съ коими я имѣю честь быть

«Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

«ЖАНТИЛЬ-СЕНЪ-АЛЬФОНСЪ.

«Принцъ проситъ васъ засвидѣтельствовать его почтеніе Генералу Морану и его супругѣ; также проситъ васъ сдѣлать одолженіе отдать прилагаемое присемъ письмо Г. Гонзу, для доставленія его Принцессѣ.

«Нижайшій поклонъ Князю Витгенштейну.»

Корсоеръ, 16 Октября, въ три часа пополудни.

Я очень былъ радъ, что имѣлъ случай сообщить Князю Витгенштейну знакъ памяти обънемъ Шведскаго Наслѣднаго Принца, изъясненный въ концѣ письма Генерала Жантиль-Сенъ-Альфонса, потому что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть доброе согласіе между двумя человѣками, которыхъ обоихъ много любишь. Князь Витгенштейнъ былъ еще въ Гамбургѣ, когда я получилъ письмо отъ имени Бернадота. Хотя онъ былъ присланъ къ Бернадоту съ поздравленіемъ по случаю избранія его въ Наслѣдные Принцы, но вмѣстѣ съ симъ ему сдѣлано было еще другое порученіе, о коемъ я, помнится, сказалъ нѣсколько словъ. Г. Гарденбергъ вручилъ ему уполномочія для переговоровъ о займѣ полутора милліона ефимковъ, то есть на наши деньги почти шести милліоновъ; заемъ сей требовался только на одинъ годъ. Но въ то время положеніе дѣлъ Пруссіи было въ такомъ упадкѣ, что не смотря на незначительность суммы и краткій срокъ для платежа, ни какія условія не могли прельстить людей

дѣлающихъ ссуды: недостатокъ въ деньгахъ былъ чрезвычаенъ; дисконтъ поднялся съ двухъ съ половиною до десяти на сто, да и по такой цѣнѣ трудно было найти себѣ деньги, а по чрезвычайнымъ потерямъ, какія Пруссія сдѣлала въ своихъ владѣніяхъ, числѣ людей и въ деньгахъ, кредитъ ея совершенно уничтожился.

Немного времени спустя послѣ того, какъ Бернадотъ велѣлъ извѣстить меня о благополучномъ своемъ прибытіи въ Швецію, онъ написалъ мнѣ письмо самъ, рекомендуя мнѣ подателя того письма своего Адъютанта Г. Виллата. Письмо сіе служитъ доказательствомъ, какъ часто ошибаются, говоря, что почести перемѣняютъ нравы,—потому что я, какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ другихъ, мною послѣ отъ Наслѣднаго Шведскаго Принца , полученныхъ, видѣлъ тѣ же дружескія чувства, изъясняемыя съ тою же искренностію и простотою, какъ прежде то дѣлалъ Генералъ Бернадотъ, и тутъ была довольно странная противуположность съ Жеромомъ, который, бывало, какъ видѣли, обѣщалъ молить Бога, чтобы Онъ не оставилъ меня Своимъ святымъ и преблагимъ охраненіемъ. Какъ бы то ни было, вотъ письмо Наслѣднаго Шведскаго Принца.

«Любезный Буріеннъ,»

«Я поручилъ Г. Виллату, въ проѣздъ его чрезъ

Гамбургъ, повидаться съ вами, и попросить, чтобы сохранили дружбу свою ко мнѣ и доброе обо мнѣ воспоминанiе. Жантиль (*) писалъ къ вамъ. Я полагаю, что вы уже получили его письмо. Прощайте, не переставайте любить меня и будьте увѣрены въ неизмѣнной моей дружбѣ.

«Къ вамъ благосклонный,

«Карлъ ЮАННЪ.»

«P. S. Засвидѣтельствуйте, прошу васъ, мое почтенiе супругѣ вашей; поклонитесь всему вашему семейству, а маленькую мою двоюродную сестрицу поцѣлуйте (**)».

Такъ какъ я говорилъ въ предъидущей главѣ, также и въ сей, о Бернадотѣ, сдѣлавшемся Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ, не держась хронологическаго порядка, то разскажу здѣсь, что я узналъ въ послѣдствiи о настоящихъ причинахъ разладовъ, какiе произошли между Бернадотомъ, первымъ Совѣтникомъ Шведскаго Короля, и Наполеономъ, который хотѣлъ распространить повсюду взыскательность своего ненасытимаго честолюбiя и деспотизма.

Бонапарте очень неблагосклонно взиралъ на

[*] Генералъ Жантиль-Сенъ-Альфонсъ.

[**] Читатели видѣли, что маленькая *двоюродная сестрица* Бернадота была одна изъ моихъ дочерей, которую онъ очень полюбилъ. Онъ находилъ большое удовольствiе, заставляя ее играть по вечерамъ, которые мы проводили часто вмѣстѣ въ Гамбургѣ.

выборъ, сдѣланный Шведами, потому что онъ очень хорошо зналъ, что въ Бернадотѣ слишкомъ много прямодушія, честности и благородства, чтобы можно было когда нибудь имѣть въ немъ на Сѣверѣ политическую чучелу, которую онъ одинъ могъ приводить въ движеніе, посредствомъ пружинъ, изъ Парижа или изъ главной своей квартиры; и если, какъ я полагаю, не позабыли теоріи Бонапарте относительно должностей Французскихъ Принцевъ, возведенныхъ на троны въ чужихъ земляхъ, теоріи, изложенной съ такимъ сильнымъ деспотическимъ простодушіемъ въ письмахъ Императора къ Лудовику, то никто не повѣритъ, чтобы возможно было приспособить эту теорію къ прекрасному характеру Принца Понте-Корво, а изъ этаго и ясно видна причина неудовольствія на него Императора.

Неудовольствіе сіе было поводомъ къ занимательной перепискѣ, которой часть только дошла до моего свѣдѣнія—а потому я могу представить читателямъ только эту часть, а именно письма Бернадота къ Императору, по прибытіи его въ Стокгольмъ.

Императоръ дозволилъ Бернадоту удержать при себѣ въ продолженіи цѣлаго года, покрайней мѣрѣ, Французскихъ Офицеровъ, которые находились при немъ Адъютантами; но дозволеніе сіе было скоро отмѣнено, и тогда Наслѣд-

ный Шведскій Принцъ написалъ къ Наполеону слѣдующее письмо:

«Въ ту самую минуту, когда я намѣревался принести Вашему Величеству мою благодарность за милость, которую изволили оказать мнѣ продолженіемъ на годъ дозволенія, даннаго Французскимъ Офицерамъ, сопровождавшимъ меня въ Швецію, остаться при мнѣ, я узналъ, что Ваше Величество изволили такую милость отмѣнить. Сіе неожиданное огорченіе, и дѣйствительно все то, что я получаю изъ Парижа, меня удостовѣряетъ, что Ваше Величество не хорошо ко мнѣ расположены. Что я сдѣлалъ такое, Государь, за чтобы заслуживалъ подобнаго обхожденія? На новой моей степени, на которую судьба возвела меня, безъ сомнѣнія я былъ бы подверженъ такимъ со мною поступкамъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, если бы не имѣлъ счастія находить себѣ защитника въ сердцѣ Вашего Величества. Что бы вамъ ни говорили, Государь, я прошу васъ вѣрить, что мнѣ не чѣмъ себя попрекнуть, что я совершенно преданъ особѣ вашей, не только силою старыхъ моихъ связей, но и по неизмѣнной привязанности. Если дѣла въ Швеціи идутъ не совсѣмъ согласно съ желаніемъ Вашего Величества, то сіе происходитъ единственно отъ Конституціи. Король неимѣетъ власти нарушить эту Конституцію,—а я и того меньше. Здѣсь еще надобно

соединить многія частныя выгоды вмѣстѣ съ великою выгодою всей націи; связать одною связью четыре класса народныхъ; только посредствомъ очень благоразумнаго и осторожнаго поведенія, я могу надѣяться, что со временемъ взойду на Шведскій престолъ. Такъ какъ Г. Жантиль де Сенъ-Альфонсъ, мой Адъютантъ, согласно съ повелѣніями Вашего Величества, возвращается во Францію, то я вручаю ему сіе письмо. Ваше Величество можете распросить его; онъ все видѣлъ; пускай говоритъ истину Вашему Величеству, и вы увидите, каково мое положеніе, и какъ я долженъ быть остороженъ; онъ также можетъ сказать Вашему Величеству, сколь много я желаю дѣлать вамъ угодное, и что я здѣсь нахожусь въ безпрестанномъ безпокойствѣ между новыми моими обязанностями и опасеніемъ навлечь на себя ваше неудовольствіе.

«Государь! Ваше Величество изволили опечалить меня, взявъ отъ меня Офицеровъ, которыхъ позволили оставить на годъ; но такъ какъ вы повелѣли, то я отсылаю ихъ обратно во Францію. Можетъ быть, Ваше Величество будете расположены перемѣнить мысли; въ такомъ случаѣ я прошу васъ самихъ назначить то число Офицеровъ, какое заблагоразсудить изволите прислать мнѣ; я приму ихъ съ признательностію; если же, напротивъ того, Ваше Величест-

во оставите ихъ во Франціи, то я рекомендую ихъ въ ваше милостивое расположеніе. Они мнѣ всегда хорошо служили, и не воспользовались ни сколько наградами, которыя были розданы по окончаніи послѣдней кампаніи.»

Неудовольствіе Наполеона противъ Принца превратилось въ явное озлобленіе. Онъ раскаявался, что согласился на его отъѣздъ, и не скрывалъ этаго — даже сказалъ при своихъ придворныхъ, «что ему хотѣлось заставить его кончить изученіе Шведскаго языка въ Венсенѣ.»

До Бернадота дошли эти слова, однакоже онъ не могъ повѣрить, чтобы Императоръ хотѣлъ привести въ дѣйствіе такое намѣреніе; между тѣмъ было сдѣлано къ сему покушеніе, которое къ счастію не имѣло послѣдствій. Открытъ заговоръ, составленный въ Швеціи, противъ Бернадота, шайкою чужестранныхъ разбойниковъ, которымъ надлежало похитить его близъ Гаги; но этотъ заговоръ открытъ, и заговорщики принуждены были отправиться безъ своей добычи. Въ тоже время Императоръ завладѣлъ Шведскою Помераніею, и Наслѣдный Принцъ писалъ къ нему второе письмо, слѣдующаго содержанія:

«Государь,

«Изъ полученныхъ бумагъ я узналъ, что армейская дивизія, подъ командою Принца Экмюл-

скаго, въ ночи съ 26 на 27 Генваря, вторгнулась въ границы Шведской Померанiи; что дивизія сія продолжала идти впередъ; вступила въ столицу Герцогства и завладѣла островомъ Ругеномъ. Король надѣется, что Ваше Величество изволите объяснить причины, побудившія васъ присемъ дѣйствовать такимъ образомъ, прямо противнымъ святости существующихъ договоровъ. Старыя мои связи съ Вашимъ Величествомъ даютъ мнѣ право убѣдительнѣйше просить васъ объяснить ваши побудительныя причины безъ отлагательства, на тотъ конецъ, чтобы я могъ сказать Королю мое мнѣніе о томъ, какимъ образомъ Швеція впредь должна себя вести. Такая незаслуженная обида, сдѣланная Швеціи, чрезвычайно чувствительна всей націи, а еще болѣе, Государь, мнѣ, которому ввѣрена честь защищать ее. Хотя я участвовалъ въ побѣдахъ Франціи, хотя всегда желалъ видѣть ее уважаемою и блаженствующею, однако все мнѣ никакъ не можетъ придти въ мысли принести на жертву выгоды, честь и національную свободу той страны, которая меня усыновила. Ваше Величество превосходный судья въ справедливомъ дѣлѣ, и уже угадали, на что я рѣшился. Я неревную къ окружающимъ васъ славѣ и могуществу, Государь, но мнѣ слишкомъ чувствительно безславіе быть почитаемымъ за вассала. Ваше Величество пра-

вите большею частію Европы, но ваше владычество не простирается на ту страну, коею править я призванъ: честолюбіе мое ограничивается защитою ея, и я считаю сію націю, врученною мнѣ Провидѣніемъ. То вліяніе, какое сдѣлало на народъ вторженіе, на которое я приношу жалобу, можетъ имѣть послѣдствія, какихъ и непредвидятъ; и хотя я не Коріоланъ и предводительствую не Волсками, но имѣю столь хорошее мнѣніе о Шведахъ, что могу васъ увѣрить, Государь, что они способны отважиться на все и все предпринять, чтобы отмстить за оскорбленія, къ которымъ они не подали повода, и чтобы сохранить права, къ которымъ они, можетъ быть, столько же привязаны, какъ къ своему существованію.»

Я продолжаю объяснять разныя явленія Наполеонова озлобленія противъ Наслѣднаго Шведскаго Принца, хотя это меня приводитъ къ времени, гораздо позднѣйшему, чѣмъ пребываніе мое въ Гамбургѣ, изъ котораго я отбылъ, какъ скоро увидятъ, въ концѣ 1810 года; я разсудилъ, что лучше, не смотря на промежутокъ, раздѣляющій дѣйствія этой драмы, соединить ихъ вмѣстѣ, на тотъ конецъ, чтобы читателю удобнѣе было оцѣнить ее въ цѣломъ видѣ. Я былъ въ Парижѣ, когда Императоръ получилъ отъ Бернадота выше помѣщенное письмо, и слышалъ, что Бонапарте, получивъ

оное, пришелъ въ ярость и даже, какъ мнѣ тогда разсказывали, вскричалъ: «Покоритесь «своему униженію, или умирайте съ оружіемъ «въ рукахъ.» Но ярость его была безсильна и вмѣстѣ съ враждебными намѣреніями, которыя Наполеонъ явно выказалъ занятіемъ Шведской Помераніи, безъ всякаго объясненія, поставила Шведскаго Короля въ необходимость сдѣлать съ Франціею совершенный разрывъ, и искать другихъ союзниковъ, потому что Швеція, сама собою, недовольно была сильна, чтобы сохранять неутралитетъ посреди пожирающаго всю Европу пламени, послѣ неудачной Русской кампаніи. Наслѣдный Принцъ объявилъ Россіи и Англіи, что по причинѣ несправедливаго вторженія въ Померанію, Швеція въ войнѣ съ Франціею, а Графу Левенгельму, Королевскому Адъютанту, поручено было вручить Императору Александру письмо отъ Наслѣднаго Принца, слѣдующаго содержанія.

«Занятіе Шведской Помераніи Французскими войсками заставляетъ Короля послать Графа Левенгельма, своего Адъютанта, къ Вашему Императорскому Величеству. Этотъ Офицеръ пользуется полною довѣренностію своего Государя, и ему поручено довести до свѣдѣнія Вашего Величества, какія побудительныя причины служили предлогомъ къ вторженію, совершенно противному существующимъ договорамъ.

«Соединеніе, слѣдовавшее одно за другимъ, береговъ Средиземнаго моря, Голландіи и Балтійскаго моря, покореніе внутренней части Германіи, долженствовали показать наименѣе проницательнымъ Государямъ, что право людей отложено въ сторону; они уступили системѣ, которая, разрушая равновѣсіе всякаго рода, будетъ причиною разоренія многихъ народовъ, подъ вліяніемъ одного властителя. Платящіе дань Монархи, испуганные сею, все возрастающею Имперіею, съ смущеніемъ ожидаютъ исполненія сего обширнаго плана.

«Посреди всеобщаго унынія, всѣ глаза обращены къ Вашему Величеству; они уже устремлены на васъ, Государь, съ довѣріемъ и надеждою. Но позвольте мнѣ замѣтить Вашему Величеству, что во всѣхъ событіяхъ, ничто не имѣетъ такого магическаго вліянія, какъ первое мгновеніе; пока продолжается вліяніе онаго, все зависитъ отъ того, кто можетъ дѣйствовать. Умы, пораженные удивленіемъ, не могутъ разсуждать, и все уступаетъ вліянію очарованія, котораго они боятся, или которое ихъ увлекаетъ.

»Примите, Государь, увѣреніе въ моей признательности, за тѣ чувства, которыя Ваше Величество благоволили изъявить мнѣ. Если мнѣ остается еще ожидать чего, то это продолженія того счастія, котораго я всегда буду до-

стоинъ, по той мѣрѣ какъ я умѣю цѣнить его.»

Письмо сіе можетъ служить отвѣтомъ слухамъ, которые тогда были распространены въ публикѣ; по этимъ слухамъ приписывали Россіи, будто бы она домогалась союза со Швеціею, тогда какъ союза сего, какъ видѣли, просила Швеція, будучи къ тому принуждена крайнею необходимостію; я могу даже сказать, что она была на то вынуждена Императоромъ, который, во время своихъ побѣдъ и торжества, небоялся оскорблять державу, которой, по его мнѣнію, ему нечего было опасаться, повелѣвая своимъ войскамъ вступить въ границы этой державы. Когда въ первый разъ счастіе ему измѣнило, то Наполеонъ послалъ нѣсколько нотъ въ Стокгольмъ, гдѣ его Посланникъ, Г. Алкье, согласно съ данными ему инструкціями, показывалъ въ рѣчахъ своихъ надмѣнность, можно сказать оскорбительную для Швеціи. Такія выходки Наполеона, послѣ изъявленія его гнѣва, послѣ покушенія учинить похищеніе, покушенія, которое никому иному кромѣ его приписать нельзя, долженствовали быть, и были въ самомъ дѣлѣ почтены Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ, разставленною для уловленія его сѣтью. Онъ не дался въ обманъ; но чтобы согласить все, чего требовало отъ него новое его отечество, обязанности, присяги и воспоминанія о прежнемъ его отечествѣ, онъ написалъ къ

Императору нижеслѣдующее, исполненное твердости и обдуманное письмо. Письмо сiе много объясняетъ поступки Наполеона съ Бернадотомъ, потому что всякой пойметъ, что такому человѣку, каковъ Наполеонъ, кто бы то ни былъ, не посмѣлъ напоминать событiя, коихъ справедливость могла бы подвергнуться наималѣйшему сомнѣнiю.

«Ко мнѣ доставлены ноты, и я, по содержанiю ихъ, не могу не объяснить Вашему Императорскому Величеству со всею свойственною мнѣ откровенностiю.

«Когда желанiя Шведскаго народа призвали меня наслѣдовать тронъ, я надѣялся, покидая Францiю, что могъ бы всегда согласить мои личныя уваженiя съ пользами новаго моего отечества. Сердцу моему дорога была надежда, что оно можетъ сродниться съ любовiю этого народа, въ тоже время сохранить воспоминанiя о прежнихъ связяхъ моихъ, и никогда не упускать изъ виду ни славы Францiи, ни моей искренней привязанности къ Вашему Величеству; привязанности, основанной на совмѣстной нашей службѣ, которая отличилась столькими великими дѣлами.

«Въ сей-то надеждѣ я прибылъ въ Швецiю. Я нашелъ вообще народъ, привязанный къ Францiи, но еще болѣе привязанный къ собственной своей свободѣ и къ своимъ законамъ; жаждущiй

вашей дружбы, Государь, но не желающій пріобрѣсти ее цѣною чести и независимости. Посланникъ Вашего Величества разсудилъ за лучшее не обращать вниманія на такое національное чувство, и потерялъ все по причинѣ своей надмѣнности; сношенія его не имѣли и тѣни того уваженія, какимъ коронованныя главы взаимно другъ другу обязаны. Баронъ Алкье, при исполненіи намѣреній Вашего Величества, роководствуясь собственными страстями, говорилъ, какъ Римскій Проконсулъ, забывая, что онъ относится не къ невольникамъ.

«Посланникъ сей былъ причиною того недовѣрія, какое Швеція начала показывать къ намѣреніямъ Вашего Величества въ разсужденіи ея; послѣдующія событія необходимо должны были дать оному новый вѣсъ.

«Я уже имѣлъ честь, Государь, письмами моими отъ 19 Ноября и 8 Декабря 1810 года, довести до свѣдѣнія Вашего Величества положеніе Швеціи, и желаніе ея найти въ особѣ Вашей покровителя. Она не могла приписать молчанія Вашего Величества ничему иному, кромѣ незаслуженнаго равнодушія, и долгомъ ея было взять предосторожности противъ грозы, которая готовилась разразиться надъ Твердою Землею.

«Государь, родъ человѣческій претерпѣлъ уже слишкомъ много; въ продолженіи двадцати лѣтъ

земля обагрялась кровію—чтобы возвести славу Вашего Величества на высочайшую степень, не достаетъ вамъ только—положить конецъ симъ бѣдствіямъ.

«Если Вашему Величеству угодно, чтобы Король представилъ на видъ Е. В. Императору Александру возможность примиренія, то я столь хорошо думаю о великодушіи сего Монарха, что смѣю увѣрить васъ, что онъ охотно выслушаетъ предложенія, одинаково справедливыя, какъ въ отношеніи вашей Имперіи, такъ и Сѣвера. Если бы такое неожиданное и всѣми вообще желаемое событіе могло случиться, то сколько бы молитвъ за Ваше Величество стали возносить къ Небу народы Твердой Земли! Признательность увеличилась бы въ той мѣрѣ, въ какой степени теперь они чувствуютъ ужасъ при мысли о возобновленіи небеснаго наказанія, которое уже такъ тяготѣло надъ ними и котораго остались такіе ужасные слѣды.

«Государь, одна изъ самыхъ счастивыхъ для меня минутъ съ самаго моего отъѣзда изъ Франціи, была та, когда я удостовѣрился, что Ваше Величество не совсѣмъ меня позабыли. Вы справедливо судили о моихъ чувствахъ. Вы угадали, какъ должна была оскорбить ихъ тяжкая мысль, что мнѣ придется или видѣть пользы Швеціи готовыми отдѣлиться отъ пользъ Франціи, или же быть вынужденнымъ пожертвовать польза-

Digitized by Google

ми страны, которая меня усыновила съ неограниченною довѣренностію.

«Государь, хотя я Шведъ по чести, по долгу, и по исповѣданію, но чувствами своими соединенъ еще съ прекрасною Франціею, въ которой я родился, и которой всегда служилъ вѣрно съ самаго моего дѣтства. Каждый шагъ, который я дѣлаю въ Швеціи, покорность, въ ней мнѣ оказываемая, приводятъ мнѣ на память тѣ высокія и славныя событія, которыя были главною причиною моего возвышенія; я не скрываю отъ себя, что Швеція, избравъ меня, хотѣла принести дань уваженія къ Французскому народу.»

Таковы дошедшія до меня подробности о сношеніяхъ Наполеона съ Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ; когда я открою странныя тайны, сокрытыя еще подъ непроницаемымъ покровомъ, который вмѣстѣ скрываетъ и нѣкоторыя тайны возстановленія, тогда увидятъ, какими средствами Наполеонъ, до своего паденія, пытался насытить еще свою безплодную мстительность надъ Бернадотомъ.

++

ГЛАВА XIX.

Вредъ Континентальной торговли чувствуютъ въ Англіи.—Желаніе перемѣны. — Минерва, и несправедливыя жалобы.— Два издателя.—Г. Архенгольцъ и Г. Бранъ.— Подозрѣніе Бонапарте. — Вице-Президентъ соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. — Предписанный надзоръ.— Приказанія, отъ исполненія которыхъ уклонились. — Воспоминаніе о Вашингтонѣ.—Переѣздъ Наслѣдной Шведской Принцессы въ Гамбургъ.—Краткое пребываніе въ Швеціи. — Наступаетъ часъ Анзеатическихъ городовъ.—Письма ко мнѣ отъ Г. Шампаньи.—Привѣтствіе и вѣроломство Императора.— Отъѣздъ мой въ Парижъ. — Курьеръ, который мнѣ попадается въ Маинцѣ.—Г. ле Роа, Французскій Консулъ въ Гамбургѣ.—Шесть новыхъ Департаментовъ. — Неудовольствія Россіи.—Предвѣщанія близкой войны. — Поддѣльная дружба.

Въ Декабрѣ 1810 года бѣдное состояніе, въ какомъ томилась Континентальная Европа, начало быть ощущаемо въ Англіи; Гамбургское

38*

Коммерческое Общество получило отъ своего повѣреннаго въ Лондонѣ, человѣка очень свѣдущаго, письмо, которое было мнѣ сообщено, и изъ котораго я сдѣлалъ слѣдующую выписку: «Мы находимся весьма въ жалкомъ положенiи; неудовольствiе вкрадывается во всѣхъ классахъ и можно опасаться, что сдѣлается всеобщимъ. У насъ конечно есть еще коммерцiя, но это коммерцiя убытковъ, къ которымъ надобно присоединить и тотъ, который происходитъ отъ курса. Балтiйскiя дѣла стоили нашимъ компанiямъ огромныя суммы; онѣ очень въ затруднительномъ положенiи. Всѣ вообще желаютъ перемѣны.» Такого рода извѣстiя доходили прямо до сердца Наполеону, потому что для него ничего не было прiятнѣе мысли о затруднительномъ положенiи дѣлъ на биржѣ въ Лондонѣ, что онъ приписывалъ своей удивительной Континентальной системѣ; по сему-то я не упустилъ отправить къ нему въ Парижъ копiю съ вышепомѣщенной выписки.

Въ тоже время, то есть 6 Декабря, я получилъ письмо отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ; онъ писалъ мнѣ, что Императоръ жалуется на ежемѣсячно издаваемый въ Гамбургѣ журналъ подъ названiемъ *Минерва*, и котораго много расходилось въ Германiи и на Сѣверѣ. Между прочими нумерами, мнѣ замѣчали Октябрскiй, и съ довольно большою досадою попрекали въ

томъ, что я не воспротивился выходу онаго въ свѣтъ. Этотъ нумеръ не содержалъ въ себѣ совершенно ничего такого, чтобы могло навлечь малѣйшее осужденіе за то, что къ выпуску его не сдѣлано препятствія; это доказать было мнѣ легко, пославъ въ Парижъ вѣрный переводъ тѣхъ статей, которыми были недовольны. *Минерва* не только не показывала себя враждебною къ Императору, но попеченіями моими сдѣлалась совершенно Французскимъ журналомъ, по мнѣніямъ и правиламъ. Издателемъ сихъ листковъ былъ прежде Г. Архенгольцъ, бывшій Капитанъ Прусской службы. Этотъ достойный человѣкъ, будучи закоренѣлымъ Англоманомъ, имѣлъ, какъ естественно, неослабную наклонность наполнять свой журналъ статьями, согласными съ его британическими предразсудками. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ изданія имъ *Минервы,* мнѣ величайшаго труда стоило останавливать его и не давать помѣстить что либо такое, что могло бы навлечь неудовольствіе, а онъ къ этому былъ очень наклоненъ. Иногда мнѣ удавалось убѣдить его къ помѣщенію статей въ пользу Франціи и очень благосклонныхъ къ ея системѣ. Я успѣлъ уговорить его отказаться отъ изданія *Минервы,* и онъ наконецъ передалъ свой журналъ Г. Брану, молодому человѣку, полному ума, и который показывалъ много уваженія и привязанности къ Французамъ.

Digitized by Google

По сему, когда мнѣ сообщены были жалобы Императора, то есть годъ спустя послѣ того, какъ Г. Бранъ сдѣлался издателемъ *Минервы*, не было уже никакой возможности, чтобы листки сіи содержали какую либо непріязненную Франціи статью; напротивъ того, духъ, въ какомъ Г. Бранъ составлялъ свои листы, навлекъ на него много непріятелей, и онъ безпрестанно былъ цѣлію обидныхъ нападковъ со стороны Англійскихъ партизановъ, число которыхъ значительно умножилось послѣ частыхъ ударовъ, кои Наполеонъ наносилъ Германіи.

Бонапарте, посреди своей славы и могущества, былъ такъ мнителенъ, что самая бездѣлица могла напугать его, и тотчасъ надлежало Полиціи его распространить свои дѣйствія на всѣ пункты, гдѣ наималѣйшая вещь могла въ умѣ его породить тѣнь сомнѣнія. Я помню, что около тогоже времени Эксъ-Вице-Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Г. Барръ, недавно прибывшій въ Альтону, былъ мнѣ означенъ какъ опасный человѣкъ, за которымъ мнѣ велѣно присматривать, сколько возможно ближе, и даже арестовать его при малѣйшемъ сомнительномъ поступкѣ, если онъ пріѣдетъ въ Гамбургъ. Прошли тѣ времена, когда голосъ Г. де Фонтаня пріятно ласкалъ слухъ Перваго Консула, когда въ Марсовомъ храмѣ онъ сравнивалъ его съ Вашингтономъ. Не было болѣе надобности

обманывать Францію, чтобы покорить ее магическому слову свобода; проблема ограничивалась тѣмъ, что безпрестанно все тяжелѣ свинцовое иго угнетало всякое мнѣніе и задушало мысль, точно какъ подъ колоколомъ воздушнаго насоса, когда изъ него вытянутъ воздухъ. Въ то время человѣкъ былъ подозрителенъ потому только, что онъ дышалъ свободнымъ воздухомъ въ странѣ независимой. Г. Барръ былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, въ разсужденіи которыхъ я принялъ на себя не выполнять предписаній безпокойной Парижской Полиціи. Какъ скоро узнали о прибытіи его въ Альтону, Министръ Полиціи сообщилъ мнѣ приказаніе окружить его мѣрами надзора, которыя равняются съ гоненіями. Я отвѣчалъ Министру, что Г. Барръ велъ себя въ Альтонѣ съ большимъ благоразуміемъ и скромностію, очень мало съ кѣмъ видался, и что объ немъ почти совсѣмъ не говорили: это все было правда. Ни мало не видя въ немъ человѣка, заслуживающаго надзоръ, я когда узналъ, что онъ желаетъ ѣхать въ Парижъ, исходатайствовалъ ему паспортъ, за которымъ онъ ѣздилъ въ Франкфуртъ, гдѣ ему также хотѣлось побывать, и я никогда не слыхалъ, чтобы этотъ *опасный* гражданинъ въ чемъ бы то ни было подвергнулъ опасности Государственное спокойствіе. 4 Декабря я имѣлъ честь видѣть Наслѣдную Принцессу Швед-

скую, которая сего числа прибыла въ Гамбургъ, проѣздомъ въ Стокгольмъ къ своему супругу. Она очень недолго осталась въ Швеціи — кажется по большей мѣрѣ два мѣсяца; ей не понравился климатъ древней Скандинавіи. Что касается до Наслѣднаго Принца, то онъ привыкъ къ этому климату очень легко, потому что всегда по цѣлымъ годамъ былъ употребляемъ на службу на Сѣверѣ. Говоря объ немъ, вспоминаю одно замѣчательное обстоятельство, которое я пропустилъ въ предъидущей главѣ, и которое доказываетъ хорошее расположеніе Бернадота къ Франціи, а именно, что Швеція объявила войну Англіи через мѣсяцъ по прибытіи Наслѣднаго Принца въ Стокгольмъ; уже вынужденный Наполеономъ, онъ долженъ былъ сдѣлать выборъ между независимостью и рабствомъ той страны, въ которую онъ былъ призванъ съ тѣмъ, чтобы современемъ управлять ею, и выборъ его не могъ быть сомнителенъ. Послѣ тѣхъ трехъ дней, которые я имѣлъ счастіе провести съ нимъ вмѣстѣ, мое пребываніе въ Гамбургѣ продолжалось недолго, потому что яростная наклонность дѣлать вторженія въ чужія земли не имѣла болѣе границъ въ умѣ Наполеоновомъ, и часъ Анзеатическихъ городовъ насталъ. Читатели увидятъ, какъ Бонапарте, въ разсужденіи меня, на минуту скинулъ съ себя львиную кожу и сдѣлался лисою, а потомъ

опять принялъ львиный видъ. Захватывая города и цѣлыя страны, которые онъ изнурялъ многочисленными способами, онъ исполнялъ только давнишнее свое намѣренiе; впрочемъ я былъ отозванъ съ большими церемонiями, подъ тѣмъ правдоподобнымъ предлогомъ, что Императору угодно было знать мое мнѣнiе о здѣшней землѣ. Въ первыхъ числахъ Декабря я получилъ отъ Г. де Шампаньи письмо, въ которомъ сей Министръ извѣщалъ меня, что Императоръ желаетъ меня видѣть, чтобы посовѣтоваться со мною о разныхъ предметахъ относительно Гамбурга. Въ этомъ льстивомъ посланiи мнѣ говорили: *что прiобрѣтенныя мною посредствомъ долгаго пребыванiя свѣдѣнiя, какъ относительно положенiя Гамбурга, такъ и Сѣверной части Германiи, могутъ быть полезны общему благу, и что это будетъ самая прiятная за труды мои награда.* Увидите, какой ожидалъ меня прiемъ.

Окончанiе этого письма было чрезвычайно лестно—на счетъ того, какъ я исправлялъ возложенныя на меня обязанности. Я получилъ письмо сiе 8 Декабря, и на другой день отправился въ Парижъ, куда ѣхалъ со всевозможною поспѣшностiю. Прибывъ въ Маинцъ, я могъ сдѣлать уже себѣ ясное понятiе о цѣнѣ этихъ прекрасныхъ привѣтствiй, и о томъ, какъ дорого было для Императора имѣть мое мнѣнiе объ

Анзеатическихъ городахъ; я встрѣтилъ въ Майнцѣ курьера, съ извѣстіемъ о присоединеніи ихъ къ Французской Имперіи. Признаюсь, что не смотря на пріобрѣтенное мною во многихъ обстоятельствахъ познаніе о двуличности, или лучше сказать, безконечномъ числѣ хитростей Бонапарте, въ семъ случаѣ онъ меня обманулъ на чисто. Я уже въ этомъ не сомнѣвался, узнавъ содержаніе депешей, привезенныхъ курьеромъ; да если бы во мнѣ и осталось какое сомнѣніе, то оно совершенно бы исчезло по прибытіи моемъ въ Парижъ. Я испыталъ тамъ то, что Бонапарте предсказалъ о Моро, я не могъ пробраться въ Тюльери, и однимъ словомъ, не видѣлъ Императора; я узналъ, что мое мѣсто уже не существуетъ. Г. Лероа былъ назначенъ Генеральнымъ Консуломъ въ Гамбургъ; что касается до моихъ дипломатическихъ обязанностей, то очевидно было, что я не могъ тутъ имѣть себѣ преемника, потому что города, при которыхъ я былъ уполномоченъ, присоединены къ великой Имперіи. Я имѣлъ удовольствіе узнать о томъ оффиціяльно изъ перваго прочитаннаго мною Монитера, въ которомъ я прочелъ снисходительную формулу Сенатскаго опредѣленія, коимъ, по праву сильнаго, присоединялись къ Французской Имперіи города Анзеатическіе, Лауембургъ, и земли, лежащія между Сѣвернымъ моремъ и чертою, проведенною

отъ мѣста соединенія Липпы съ Рейномъ до Галтерена, отъ Галтерена до Эльмса выше Тельгета, отъ Эльмса до соединенія Верры съ Везеромъ, и отъ Солценау на Везерѣ къ Эльбѣ, выше впаденія въ нее Стеккеницца. Сіи соединенныя провинціи, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ частей раздробленной Голландіи, воспріяли собирательное имя Зюйдерзее, и были раздроблены на десять Департаментовъ, изъ коихъ Департаменту Устьевъ Эльбы назначенъ столицею несчастный городъ Гамбургъ, который вытерпѣлъ съ покорностію столько жертвъ, въ надеждѣ сохранить тѣнь независимости.

Такое новое и важное расширеніе границъ не могло не быть причиною безпокойства для Россіи; еще до отъѣзда моего изъ Гамбурга, Сѣверная переписка единогласно намъ изображала бѣдствія народовъ, и начинали говорить о неудовольствіи Императора Александра; въ это время въ Германіи мы имѣли только четыре дивизіи, а остальныя наши войска были въ Испаніи или въ Голландіи. Съ нѣкотораго времени не трудно было угадать, что Русскій Императоръ, имѣя въ намѣреніи избавить своихъ подданныхъ отъ разорительнаго дѣйствія Континентальной Системы, не упустить перваго случая къ тому, чтобы избавиться отъ тягостнаго вліянія Франціи, и такъ какъ нельзя было обманываться на счетъ мѣръ, какія тогда

приметъ Наполеонъ, то Россія молча занялась увеличеніемъ своей арміи. Французскій Посланникъ, узнавъ о томъ, вошелъ съ представленіями посему предмету въ Петербургскій Кабинетъ, но ему въ оправданіе приведено на видъ, что у Россіи продолжается еще война съ Турціею. При такихъ причинахъ къ неудовольствію, я полагалъ на вѣрное, что присоединеніе къ Франціи Анзеатическихъ городовъ и Герцогства Ольденбургскаго, покажетъ Русскому Императору, что Наполеонова система вторгаться въ чужія границы не имѣетъ мѣры, и разрывъ незамедлитъ послѣдовать, не смотря на наружное дружество обоихъ Императоровъ. Наконецъ Континентальная Система уничтожала всякаго рода коммерцію чрезъ Балтійскіе порты, а отъ сего Россія показывала болѣе расположенія къ Англичанамъ, и мало по малу, послѣ взаимныхъ обвиненій и неудовлетворительныхъ извиненій, наступила славная война, коей пагубныя послѣдствія такъ хорошо опредѣлилъ Г. Талейранъ, который назвалъ войну сію, какъ извѣстно, началомъ конца.

++

ГЛАВА XX.

Жадность до новостей.—Первыя аудіенціи Г. де Шампаньи.—Бонапарте велѣлъ отъ меня потребовать шесть милліоновъ.—Грубый отвѣтъ.— Затрудненіе Министра, какъ пересказать объ отвѣтѣ моемъ Императору.—Новая Палата Иностранныхъ Дѣлъ.—Бонапарте грызетъ себѣ ногти.—Воспоминаніе о Консульствѣ и разорительный совѣтъ.—Разсказанныя мнѣ подробности о женитьбѣ Наполеоновой.—Препровожденіе Маріи Луизы въ Браунау. — Наполеонъ на островѣ Св. Элены.—Генералъ Нипперъ.—Вѣрность моихъ прежнихъ друзей. — Посѣщеніе Дюрока и разговоръ съ нимъ.—Прерванныя сношенія между Наполеономъ и Іозефиною.— Ироническія слова Императора. — Возложенная на Раппа должность при бракосочетаніи. — Поѣздка въ Мальмезонъ. — Впечатлѣніе отъ мѣстъ и воспоминанія.—Іозефина и Гортензія.—Грусть Іозефины и жестокость Бонапарте.—Іозефина разсказываетъ мнѣ о своемъ разводѣ.—Торжество честолюбія. — Несчастныя предвѣщанія въ народѣ.—Марія-Луиза и Марія-Антуанета.—Всеобщее осужденіе развода.—Слабое облегченіе грусти Іозефины.

———

По прибытіи въ Парижъ, я жаждалъ узнать тѣ новости, которыя не относясь прямо къ по-

литикѣ, имѣютъ съ нею какое-то сродство. Я зналъ уже хорошо изъ дружескихъ писемъ, о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя преслѣдовали женитьбу Наполеона на Эрцъ-Герцогинѣ Маріи-Луизѣ; которыя сопровождали сію женитьбу и послѣдовали за нею; но были такія подробности, въ которыя не осмѣливались входить въ письмахъ, потому что знали, сколько можно полагаться на содержаніе въ тайнѣ писемъ. Въ это время шпіонство въ Парижѣ сдѣлалось таково, что смѣли повѣрять другъ другу свои мысли только въ самомъ маленькомъ обществѣ, и когда были совершенно увѣрены въ тѣхъ, при комъ говорили. Такъ какъ я, находясь при Наполеонѣ, говорилъ всегда открыто, то мнѣ нечего было опасаться доносовъ, какіе бы могли ему сдѣлать на мой счетъ, потому что я не говорилъ ничего такого, чегобы не сказалъ ему въ глаза; впрочемъ я объяснялся всегда съ осторожностію, которую соблюдать, при моемъ положеніи, я считалъ за долгъ.

Утверждая, что я не говорилъ ничего объ Императорѣ такого, чего бы не сказалъ ему въ глаза, я могу здѣсь привести въ доказательство то, что произошло въ одной изъ первыхъ аудіенцій, которыя я имѣлъ съ Г. де Шампаньи. Этотъ благородный человѣкъ получилъ касающіяся до меня приказанія, и долженъ былъ ихъ исполнить. «Императоръ, сказалъ мнѣ Министръ,

«сдѣлалъ мнѣ къ вамъ порученіе:» Когда вы увидите Бурїенна, сказалъ мнѣ Его Величество, «скажите ему, чтобы онъ внесъ шесть миллїоновъ въ ваше казначейство, на издержки «для построенія новой Палаты Иностранныхъ «Дѣлъ.» Я такъ былъ изумленъ грубою неприличностію требованія Императора, что стоялъ нѣсколько минутъ какъ вкопаный. Такъ эта-то награда меня ожидала за то, что чрезъ мои руки перешло, какъ деньгами, такъ и запасами, въ продолженіи моего пребыванія въ Гамбургѣ, почти на сто миллїоновъ, коими Императоръ, его казна и армія воспользовались во время величайшей бѣдности! Министръ, видя, что я неотвѣчаю, и объявивъ мнѣ, что Императоръ нехочетъ принять меня, спросилъ, какой отвѣтъ онъ долженъ сдѣлать Императору. Я все молчалъ, а Министръ все настоятельно требовалъ моего отвѣта. «Ну, сказалъ я Г. де Шампаньи, потрудитесь сказать ему, чтобы онъ убирался «къ . . . . .» Разумѣется, что Министръ старался получить отъ меня другой отвѣтъ, съ отмѣною мною сказаннаго, но я его не потѣшилъ, и въ послѣдствіи чрезъ Дюрока узналъ, какъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ принужденъ былъ доложить Императору собственныя мои слова. «Ну, спросилъ его Наполеонъ, видѣли вы Бурїенна?—Видѣлъ, Государь. — Сказали ли ему, «что я хочу, чтобы онъ внесъ въ ваше казна-

«чейство шесть милліоновъ? — Сказалъ, Государь.—А что онъ отвѣчалъ на это?—Государь, «я не смѣю пересказать Вашему Величеству «его отвѣта. — Что же онъ сказалъ такое? я «хочу знать.— Если Ваше Величество изволите «мнѣ приказывать.- Г. Буріеннъ сказалъ, чтобы «Ваше Величество убирались къ . . . . !— А! а! «онъ такъ сказалъ!» Съ сими словами Императоръ отошелъ къ окну и грызъ ногти, почти также какъ-то дѣлывалъ Бертье, давая, безъ сомнѣнія, полную свободу своимъ мыслямъ, какъ бы хорошенько отметить мнѣ; но подумавъ немного, онъ возвратился къ Министру и говорилъ съ нимъ совсѣмъ о другихъ предметахъ. Бонапарте такъ свыкся съ мыслію заставить меня заплатить шесть милліоновъ на достройку его Палаты Иностранныхъ Дѣлъ, что всякой разъ, когда онъ проѣзжалъ мимо сего строенія, говорилъ бывшимъ съ нимъ: «Однакоже надобно, чтобы Буріеннъ заплатилъ «за это!»

Помнитъ ли читатель разсказанный мною анекдотъ, когда я говорилъ о времени, послѣдовавшемъ по нашемъ помѣщеніи въ Тюлери? Я тогда замѣтилъ Первому Консулу отвратительный видъ, какой представляла Лягушечья набережная (le quai de la Grenouillère), которая послѣ сдѣлалась Бонапартовскою набережною. По истинѣ, если бы я не имѣлъ такого неспра-

ведливаго негодованія на Египетское притѣсненіе, которымъ меня сбирался наградить Наполеонъ, я бы имѣлъ право, не принявъ такъ горячо это дѣло, раскаяться въ томъ совѣтѣ, который я первый ему подалъ,—заняться украшеніемъ этой части Парижа. По его мнѣнію, совѣтъ сей стоилъ бы мнѣ немного дорого.

Какъ бы то нѐ было, сдѣлавшись частнымъ человѣкомъ и давъ волю теченію моихъ мыслей и замѣчаній относительно всего произшедшаго во время моего отсутствія, я очень забавлялся, узнавая подробности Наполеоновой женитьбы, и если кто поставитъ себя на мое мѣсто, такъ вѣрно пойметъ все, что должно было приходить мнѣ въ голову, когда я видѣлъ, что прежній мой школьный товарищъ, пустившійся въ свѣтъ съ видами на удачу, по большей мѣрѣ равными тѣмъ, какіе я самъ могъ имѣть, возведенъ своею судьбиною и зять Австрійскаго Императора. Бертье былъ посланъ въ Вѣну съ уполномочіемъ обвѣнчаться съ новою Французскою Императрицею; прежде его, Г. Лабордъ, Камергеръ и человѣкъ разсѣянный, имѣлъ порученіе сдѣлать первый приступъ къ переговорамъ о семъ бракѣ, когда Наполеонъ не зналъ еще, кому изъ Принцессъ, Саксонской, Русской или Австрійскій, бросить Императорскій платокъ свой.

Во время пребыванія моего въ Гамбургѣ, я

зналъ большую часть описываемыхъ мною обстоятельствъ, но довольно неподробно, тѣмъ болѣе потому, что долженъ былъ заниматься дѣлами лично для меня важнѣйшими; я былъ только глубоко опечаленъ тѣмъ, что долженствовала вытерпѣть превосходная Іозефина, видя совершающимся на самомъ дѣлѣ давно ею предвидѣнное событіе.

Когда кончены были всѣ соглашенія съ Вѣнскимъ Дворомъ, который давалъ столько Королевъ Франціи, и почти всегда за ними въ приданое—несчастіе, отпускъ Императрицы Маріи-Луизы долженствовалъ быть совершенъ близъ Браунау, и здѣсь, въ примѣчаніяхъ, съ удовольствіемъ помѣщаю копію съ церемоніала, какой присемъ важномъ случаѣ наблюдать надлежало (*). По моему мнѣнію, это очень любопыт-

(*) *Распоряженіе о церемоніалѣ для отпуска Е. В. Императрицы въ Браунау.*

По изготовленіи, какъ приказано, палатки, Ея Величество Императрица пріѣдетъ ровно въ полдень. Статсъ-Дама, дамы и всѣ придворнослужащія Ея Величества должны отправиться изъ Браунау, такъ чтобы прибыть къ палаткѣ въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Принцъ Невшательскій, Коммисаръ Императора и Короля, прибудетъ туда въ томъ же часу. Ея Величество Королева Неаполитанская приглашена будетъ въ палатку къ половинѣ двѣнадцатаго часа.

Всѣ лица, принадлежащіе къ Французскому кортежу, введены будутъ Французскимъ входомъ и поставлены по указанію церемонмейстеровъ. Шталмейстеръ Императрицы, по сношенію съ ними, сдѣлаетъ свои распоряженія.

ное сочиненiе, сдѣлалося и еще любопытнѣе со времени изгнанiя на островъ Св. Елены и Губернаторства Генерала Нипера, главнаго

Генералъ Фрiанъ дастъ приказанiе, чтобы поставлены были часовые снаружи и вокругъ загородки, окружающей палатку. Въ сторонѣ Австрiйской не должно быть никого, кромѣ принадлежащихъ Австрiйской службѣ, а на сторонѣ Французской, только принадлежащiе къ Французской службѣ — Иностранца не будетъ ни одного.

Для наблюденiя за симъ порядкомъ будетъ назначенъ Штабъ-Офицеръ и поставятся небольшiе патрули. Г. де Сегюръ, по сношенiю съ Генераломъ Г. Фрiаномъ, распорядятся о назначенiи какого либо соблюденiя порядка при вступленiи Австрiйскаго конвоя.

Ея Величество отдохнувъ, войдетъ въ залу имъ назначенную для церемонiи отпуска, въ сопровожденiи своего Австрiйскаго кортежа, и сядетъ въ кресла; во кругъ помѣстятся ея дамы и придворные, по лѣвую сторону ея станетъ Австрiйскiй Коммисаръ, на котораго возложено выполнить отпускъ. Церемонимейстеръ Вѣнскаго Двора, или заступающiй его мѣсто, пойдетъ за Французскимъ Коммисаромъ, дамами и чинами, которые назначены для нахожденія при Императрицѣ; всѣ эти особы соберутся въ комнатѣ наименованной Французскою, и станутъ по Французскую сторону.

Королева Неаполитанская будетъ находиться во Французской комнатѣ, съ Французскимъ кортежемъ. Она будетъ сидѣть въ креслахъ—окружаютъ ее чины ея двора. Она останется въ этой комнатѣ вовсе продолженiе церемонiи отпуска. Французскiй Коммисаръ и кортежъ взойдутъ Французскою дверью въ среднюю залу, занимаемую Императрицею. Войдя въ залу кортежъ остановится.

Одинъ Французскiй Коммисаръ въ сопровожденiи Церемонимейстеровъ Австрiйскаго и Французскаго, подойдетъ къ Императрицѣ и, сдѣлавъ ей три поклона, скажетъ Ея Величеству привѣтствiе, въ коемъ объяснитъ предметъ своего Посольства.

Послѣ отвѣта Императрицы Австрiйскiй Церемонимейстеръ,

управляющаго Великой Герцогини Пармской и Піаченской, которой города съ Герцогскимъ титуломъ были въ Удѣльномъ владѣніи двухъ товарищей Наполеона по Консульству. Всѣ такія превратности счастія еще и по сію пору изумляютъ меня, когда о нихъ вспомню.

Читатели видѣли, что я не удостоился чести видѣть вблизи величіе Императорскаго двора; я дѣйствительно сожалѣлъ, что вопреки моимъ надеждамъ, не былъ допущенъ къ Наполеону, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, который приглашалъ меня въ Парижъ, — только за чѣмъ? Бонапарте не хотѣлъ болѣе имѣть меня при себѣ; но впрочемъ онъ не могъ теперь изъявить страха, что будутъ говорить, будто бы онъ не могъ безъ меня обойтиться, потому что очень хорошо обходился цѣлые семь лѣтъ. Узнавъ отъ Г. Шампаньи его рѣшимость посему предмету, я остался покоенъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ видѣлъ, что не смотря на немилость ко мнѣ, тѣ изъ старыхъ друзей моихъ, которые были люди благородные,

укажетъ Французскому Коммисару на Австрійскаго. Оба Коммисара взаимно другъ другу поклонятся и скажутъ привѣтствіе. Австрійскій Коммисаръ будетъ привѣтствовать первый.

За симъ приступятъ къ усмотрѣнію уполномочій. Австрійскій Статскій Совѣтникъ, исправляющій должность Секретаря, прочтетъ уполномочія Австрійскаго Императора своему Коммисару, а Французскій Статскій Совѣтникъ, исправляющій должность Секретаря, прочитаетъ уполномочія, данныя Императоромъ Французовъ своему Коммисару.

изъявляли мнѣ ту же дружбу, какъ и прежде. Я видѣлся часто съ Дюрокомъ, который удалялся нѣсколько минутъ отъ своихъ занятій, чтобы разговаривать со мною о томъ, что происходило послѣ выхода моего изъ Кабинета Бонапарте. Дюрокъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія преданъ Императору, но преданность его не была безъ всякаго размышленія и не такая, которая все одобряетъ, не разсудивъ. Онъ былъ на сторонѣ основанія Имперіи; но глядѣлъ не безъ безпокойства на разводъ Императора; онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, какъ о пагубномъ случаѣ для будущаго, и я изо всего, что онъ мнѣ сказалъ, видѣлъ ясно, что самъ Императоръ сдѣлалъ шагъ сей не безъ какого-то содроганія. Не помѣщая здѣсь отъ слова, до слова, моихъ разговоровъ съ Дюрокомъ, чтобы сдѣлать мнѣ было затруднительно, потому что въ семъ случаѣ память моя была бы мнѣ единственнымъ пособіемъ, я думаю, что не погрѣшу противъ истины, изложивъ сіи разговоры слѣдующимъ образомъ:

Когда возвратясь изъ послѣдней Австрійской кампаніи, Наполеонъ остановился въ Фонтенебло, Іозефина, какъ я сказалъ выше, къ нему туда пріѣхала; тамъ въ первый разъ велѣлъ онъ уничтожить бывшія до того всегда сообщенія между комнатою его собственною и жены его; я, какъ помнится, говорилъ, что пока я находился при немъ, то сообщенія сіи были еще ближе, потому что существовала

только одна постель. Іозефина не стала себя обманывать относительно плачевныхъ предзнаменованій, какія она должна была заключить изъ сего супружескаго разлученія, и Дюрокъ мнѣ разсказывалъ, что она велѣла позвать его въ свою комнату, гдѣ онъ засталъ ее всю въ слезахъ: «Я погибла,» сказала она ему такимъ голосомъ, отъ котораго Дюрокъ былъ еще растроганъ, разсказывая мнѣ сіе; «я погибла! все «для меня кончено! какъ скрыть мое поношеніе? Вы, Дюрокъ, вы были всегда до меня «добры—вы и Раппъ; не вы уговорили его къ «разлукѣ со мною; это мои непріятели, Савари, «Жюно, такъ ли? Они еще болѣе враги ему, «чѣмъ мнѣ! А мой бѣдный Евгеній! что съ нимъ «будетъ, когда онъ узнаетъ, что неблагадорный «развелся со мною? да Дюрокъ, неблагодарный. «Боже мой! Боже мой! что съ нами будетъ?» Іозефина рыдала, говоря такимъ образомъ Дюроку, а вскорѣ и я самъ увидѣлъ ея слезы, когда она говорила мнѣ о своей разлукѣ.

Прежде того страннаго требованія, которое объявить мнѣ поручено было Г. де Шампаньи, я просилъ Дюрока, узнать отъ Императора, по чему онъ не хотѣлъ меня видѣть; великій Маршалъ вѣрно исполнилъ мое порученіе, но вмѣсто всякаго отвѣта были насмѣшливыя слова, которыя онъ мнѣ пересказалъ въ точности: «Ну, «да! сказалъ Императоръ, не дать ли мнѣ аудіен-

«цію Буріенну! это заставитъ болтать весь Па-«рижъ; въ Гамбургѣ онъ всегда былъ на сто-«ронѣ эмигрантовъ; онъ станетъ мнѣ говорить «о нашемъ старомъ времени; онъ былъ за Іозе-«фину! . . . Жена моя скоро родитъ, Дюрокъ; «у меня будетъ сынъ, я въ томъ увѣренъ! . . . «Буріеннъ устарѣлъ для нынѣшняго времени; «послѣ его отъѣзда я сдѣлалъ гигантскіе ша-«ги. Я не хочу его видѣть, да это же будетъ «и безполезно. Онъ любитъ все осуждать; это «уже у него въ характерѣ, а ты знаешь, мой «добрый Дюрокъ, что я такихъ людей не «люблю!»

Не прошло болѣе недѣли по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, какъ Дюрокъ пересказалъ мнѣ слова Наполеона. Раппа, къ большому моему сожалѣнію, тамъ не было; на него, противъ воли, возложена была особенная должность по случаю церемоніи бракосочетанія, но у него вырвалось нѣсколько словъ на счетъ Сен-Жерменскаго предмѣстія, о которомъ Наполеонъ думалъ, что онъ плѣнилъ оное союзомъ своимъ съ Австрійскимъ Домомъ; слова эти не понравились Государю, и Раппъ вскорѣ получилъ повелѣніе ѣхать въ Данцигъ, гдѣ онъ былъ уже Губернаторомъ.

Мое положеніе въ Парижѣ было очень затруднительно; отказъ Императора меня видѣть, придавалъ что то двусмысленное моимъ обстоя-

тельствамъ, и я не рѣшался сначала, увидѣться ли мнѣ съ Іозефиною, или нѣтъ. Дюрокъ увѣрилъ меня, что Наполеонъ тутъ не найдетъ ничего дурнаго, и я письменно просилъ дозволенія ее увидѣть; въ тотъ же день получилъ отвѣтъ, а на завтра отправился въ Мальмезонъ. Какое мѣсто для меня! въ какихъ обстоятельствахъ я его опять увидѣлъ! и сколько пріятныхъ и горестныхъ воспоминаній, наполняли мою душу въ продолженіе небольшаго перехода отъ ограды до малинькой гостиной, сдѣланной въ видѣ палатки, гдѣ я нашелъ Іозефину, которая прогуливалась съ своею дочерью Гортензіею! Когда я вошелъ, Іозефина протянула ко мнѣ руку и сказала только: «Ну! другъ мой!» Она произнесла слова сіи съ такимъ глубокимъ душевнымъ движеніемъ, воспоминаніе о которомъ и теперь еще можетъ меня разстрогать—слезы не дали ей продолжать. Она сѣла на стоявшій по лѣвую сторону камина диванъ, сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я сѣлъ возлѣ нея, и я видѣлъ, какъ Гортензія, стоя у камина старалася скрыть катившіеся изъ глазъ ея слезы.

Іозефина взяла меня за руку, сжимала ее обѣими своими руками—слезы долго заглушали ея голосъ; наконецъ преодолѣвъ себя немного, она сказала: «Любезный Буріеннъ, я претерпѣла все возможное несчастіе. Онъ меня оставилъ, кинулъ; онъ покрылъ меня суетнымъ

«титуломъ Императрицы, только для того, чтобы сдѣлать поношеніе мое явнѣе. Ахъ! какъ «мы хорошо объ немъ судили.» Я никогда себя «не обманывала на счетъ моей судьбы; да чѣмъ «бы онъ не пожертвовалъ своему честолюбію!» Въ эту минуту одна изъ дамъ Королевы Гортензіи вошла и сказала Ея Величеству, что ея спрашиваютъ; она осталася еще нѣсколько минутъ съ нами, вѣроятно, чтобы оправиться отъ своего очень замѣтнаго смущенія, потомъ вышла, такъ, что я остался одинъ съ Іозефиною, чего мы оба сильно желали. Іозефина имѣла нужду излить чувства своей горести, а я, съ своей стороны, немевѣе любопытствовалъ услышать отъ нея самой изъясненья ея несчастія и горестей; женщины такъ прелестно разсказываютъ о своихъ огорченіяхъ!

Іозефина подтвердила мнѣ то, что я слышалъ отъ Дюрока относительно прекращеннаго сообщенія между двухъ комнатъ въ Фонтенеблскомъ дворцѣ; потомъ перейдя къ тому времени, какъ Бонапарте объявилъ ей о необходимости развода: «Любезный Буріеннъ, сказала она, вы цѣлые годы «провели съ нами, и въ продолженіи этаго времени все видѣли, все знали, все слышали; вы «знаете, что я отъ васъ никогда не имѣла ничего «тайнаго, и вы были свидѣтелемъ моихъ печальныхъ предвидѣній. Онъ все выполнилъ съ «такою жестокостію, что вы и вообразить не

«можете. Я играла до конца свою ролю женщины на семъ свѣтѣ. Я все вытерпѣла и покорялась судьбѣ моей.» При сихъ послѣднихъ словахъ, на губахъ Іозефины показалась какая-то горькая улыбка, которая принадлежитъ исключительно женщинамъ, и которая не можетъ не тронуть до глубины сердца. «Въ какомъ принужденіи, продолжала она, провела «я послѣднее время, когда не будучи уже болѣе «его женою, была принуждена еще казаться «ею предъ всѣми глазами! Какіе взгляды, другъ «мой, придворные кидали на разведенную женщину! Въ какомъ мракѣ, въ какой неизвѣстности, жесточайшихъ самой смерти, проводила «я дни свои, до той пагубной минуты, когда «онъ наконецъ признался мнѣ въ томъ, что я «давно уже читала на лицѣ его! Это было 30 «Ноября (*); какой видъ имѣлъ онъ въ этотъ день, «сколько злоковарнаго было въ его въ взглядѣ! «Мы обѣдали вмѣстѣ, какъ обыкновенно; мнѣ «надобно было задушать мои слезы, которыя «противъ воли текли изъ глазъ моихъ. Въ продолженіе этаго печальнаго обѣда, я не говорила «ни слова, а онъ прервалъ молчаніе, только «спросивъ у одного изъ служителей, какова погода? Что касается до меня, то я хорошо видѣла, что погода была бурливая, и буря вскорѣ

(*) 30 Ноября 1809 года, слѣдовательно за годъ, и одиннадцать дней до отъѣзда моего въ Гамбургъ.

«разразилася. Какъ скоро Бонапарте напился «кофе, онъ всѣхъ выслалъ, а я осталася съ «нимъ одна. Какой видъ, Бурıеннъ, какой взглядъ «имѣлъ онъ! Я читала въ измѣненıяхъ лица «его, какая борьба происходила въ его душѣ, «но наконецъ увидѣла, что часъ мой насталъ. «Онъ трепеталъ, и я содрогалася всѣми членами. «Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, «съ минуту посмотрѣлъ на меня молча, и на«конецъ произнесъ эти гибельныя слова: «*Іозе«фина! добрая моя Іозефина! ты знаешь, лю«билъ ли я тебя! . . . Тебѣ, тебѣ одной обя«занъ я единственными минутами счастія, «какія испыталъ я на здѣшнемъ свѣтѣ. Іозе«фина, судьба моя сильнѣе моей воли. Самыя «дорогія мои привязанности должны умолкнуть «предъ пользами Франціи.*—Не говорите болѣе, «я имѣла силу отвѣчать, я этаго ожидала; я «понимаю васъ; но ударъ отъ того не менѣе «смертеленъ. Я не могла говорить болѣе, про«должала Іозефина, я не знаю, что со мною «дѣлалося; я думаю, что испускала крики; по«лагала, что навсегда лишилася разсудка; была «безъ памяти, а когда пришла въ себя, то очу«тилася въ моей комнатѣ. Другъ вашъ Корви«заръ можетъ лучше меня разсказать вамъ, что «тогда происходило, потому что когда меня «привели въ чувства, онъ былъ возлѣ меня «вмѣстѣ съ бѣдною моею дочерью. Бонапарте

«пришелъ ввечеру навѣстить меня; нѣтъ Бу-«ріеннъ, вы не можете себѣ представить, какой «ужасъ наводилъ на меня въ ту минуту видъ «его; самое участіе, которое онъ, по видимому, «принималъ въ моихъ страданіяхъ, казалося «мнѣ еще новою жестокостью. Ахъ! Боже мой! «не даромъ я опасалася сдѣлаться когда нибудь «Императрицею!».

Я былъ въ недоумѣніи, какое принести утѣшеніе Іозефинѣ, и зная, что было легкомысленнаго въ ея характерѣ, я бы удивился тому, что грусть ея по прошествіи года была еще такъ сильна, если бы не зналъ, что въ сердцѣ женщины есть такія струны, которыя если ихъ тронуть, то издаютъ продолжительный звукъ. Разводу покоряются, но не прощаютъ того, и изъ всѣхъ чувствъ, самое продолжительное есть, можетъ быть, оскорбленное самолюбіе. Я искренно сожалѣлъ Іозефину, и изъ всего того, что я говорилъ ей въ утѣшеніе, самое чувствительное было то, что я сказалъ ей о всеобщемъ неодобреніи въ народѣ развода Бонапарте. Въ этомъ отношеніи я не говорилъ ей ничего, что было несправедливо. Іозефину всѣ любили; даже въ народѣ имѣли какое-то вѣрованіе, что счастіе Наполеона неразрывно съ присутствіемъ при немъ Іозефины; и надобно признаться, что событія, послѣдовавшія за его высокимъ союзомъ, таковы что могутъ дать видъ истины такимъ суевѣрнымъ

предвѣщаніямъ. Я помню даже, что будучи еще въ Гамбургѣ, изъ донесеній и писемъ, которыя я получалъ замѣтно было какое-то неизъяснимое чувство, неопредѣленное, но почти всеобщее, предвѣденіе, по которому утверждали, что Франція должна видѣть для себя источникъ бѣдствій въ союзѣ главы ея съ Австрійскимъ домомъ; союзъ сей давалъ поводъ къ примѣненіямъ къ судьбѣ Маріи Антуанеты; и такъ какъ надобно только, чтобы встрѣтился какой нибудь нечаянный случай и придалъ вѣсу существующимъ предубѣжденіямъ, то сдѣлавшійся на балѣ у Австрійскаго въ Парижѣ Посланника Князя Шварценберга пожаръ, показался чемъ-то подобнымъ тѣмъ многочисленнымъ бѣдствіямъ, случившимся на площади Лудовика XV во время бракосочетанія Дофина Франціи съ теткою Маріи-Луизы.

Какъ бы-то нибыло, но сіи уваженія служили только слабымъ облегченіемъ грусти Іозефины, которая, въ глубинѣ своего сердца, молилась о благоденствіи Бонапарте. Я напомнилъ ей сдѣланныя мною въ болѣе счастливое время предвѣщанія, въ тотъ день, когда она пріѣхала посмотрѣть мой домикъ въ Рюслѣ, и когда я провожалъ ее пѣшкомъ по большой дорогѣ: «Другъ «мой, сказала она, я этого незабыла; я часто «думала обо всемъ томъ, что вы тогда мнѣ го-

«ворили; за чемъ онъ насъ не слушался? что ка«сается до меня, то я видѣла, что мы погибли съ «того самаго дня, какъ онъ сдѣлался Императо«ромъ. Прощайте, Буріеннъ, навѣщайте меня, пріѣзжайте чаще; намъ много есть о чемъ по гово«рить, и вы знаете, какъ мнѣ пріятно васъ видѣть.» Таково было почти послѣдствіе перваго свиданія моего съ Іозефиною, по возвращеніи моемъ изъ Гамбурга. Мнѣ остается еще разсказать многое, что она мнѣ говорила, съ такимъ грустнымъ отриновеніемъ, которому она не смѣла предаться при старинныхъ друзьяхъ своихъ, во время поѣздокъ моихъ въ Мальмезонъ, а именно послѣ поѣздки, которую я въ скоромъ времени принужденъ былъ сдѣлать въ Гамбургъ, чтобы взять оттуда мое семейство.

+++

ГЛАВА XXI.

Арестованіе молодаго де Ла Сала. — Мнѣ поручено его допросить.—Вѣроятное одобрѣніе со стороны Императора.—Министръ Полиціи Герцогъ де Ровиго. — Разсказъ де Ла Салы.—Вліяніе проповѣдника. — Сравненіе Бонапарте съ Нерономъ.—Покушеніе на жизнь Наполеона. — Чтеніе де Ла Салы.—Прибытіе де Ла Салы въ Парижъ, и какъ онъ употребляетъ тамъ сначала свое время.—Уклончивость Саксонцевъ и твердость Вестфальцевъ. — Генрихъ IV и Наполеонъ.—Любовь и ненависть.—Слезы пренебреженнаго семейства.—Наслѣдники Александра Македонскаго.—Непремѣнная рѣшимость.—Послѣдствіе разговора, продолжавшагося два часа. — Дарованіе жизни и Винсенскій замокъ.—Продолженіе исторіи де Ла Салы. — Новое его путешествіе во Францію.—Камера представителей и гремящій порошокъ.—Офиціальный разсказъ.

Когда я говорилъ о покушеніи Стапса въ Шенбрунне противъ Наполеона, я сказалъ, что буду имѣть случай расказать и другія подобныя

событія, которыя мало извѣстны. Вотъ они:

Я жилъ въ Парижѣ около двухъ мѣсяцовъ, какъ молодой де Ла Сала, прибывшій 16 Февраля 1811 года, былъ арестованъ въ слѣдующее Воскресенье, по подозрѣнію, что онъ пріѣхалъ изъ Саксоніи съ покушеніемъ на жизнь Императора. Ла Сала изъявилъ Герцогу де Ровиго, который уже нѣсколько времени поступилъ въ Министры Полиціи на мѣсто Фуше, желаніе меня видѣть, объясняя причиною такого желанія, репутацію, которую я составилъ себѣ въ Лейпцигѣ пока учился въ тамошнемъ Университетѣ, и въ послѣднее время въ Германіи, въ продолженіи моей миссіи. Я думаю, что Императоръ дозволилъ это свиданіе; какъ бы то нибыло, Министръ Полиціи пригласилъ меня въ Министерство. Меня ввели въ маленькой кабинетъ Министерскаго дома въ улицѣ Святыхъ Отцевъ. Тогда было половина десятаго часа утра. Я нашелъ тамъ молодаго человѣка лѣтъ семнадцати или осьмнадцати. Съ нимъ былъ Г. Демаретъ. Молодой де Ла Сала при входѣ моемъ насказалъ мнѣ много привѣтствій, прибавивъ, что хочетъ говорить со мною. Я изъявилъ желаніе остаться одинъ съ арестантомъ, сказавъ, что я тотчасъ уйду, если хотятъ дать нашему свиданію оборотъ судебнаго допроса. Молодой де Ла Сала сказалъ также, что хочетъ говорить со мною безъ свидѣтелей, и Г. Демаретъ, которымъ я

не могу нахвалиться, такъ какъ и обязательными его поступками въ семъ и другихъ обстоятельствахъ, вышелъ, оставя насъ однихъ. Тотъ, кому порученъ былъ надзоръ за арестантомъ остался у дверей.

Поговоривъ недолго съ де Ла Салаю о Лейпцигскомъ Университетѣ, гдѣ онъ учился, о профессорахъ, похищенныхъ смертію, о заступившихъ мѣста ихъ, я склонилъ разговоръ на путешествіе его въ Парижъ и на причины его пріѣзда.

«Какъ, спросилъ я его по Нѣмецки, могли вы, Милостивый Государь, принадлежа къ знаменитой фамиліи и получивъ, какъ я слышалъ, отличное воспитаніе, возъимѣть то намѣреніе, которое, какъ говорятъ, привело васъ въ Парижъ? Говорите со мною безъ страха и безъ околичностей; не въ моемъ характерѣ и не въ моихъ правилахъ стараться сдѣлать ваше положеніе еще тягостнѣе. Я довольно хорошо знаю Нѣмецкій языкъ, и вы можете на семъ языкѣ отвѣчать мнѣ на вопросы, которые долженъ я вамъ сдѣлать.

«Милостивый Государь, отвѣчалъ мнѣ Ла Сала, по Французски, я бы самъ могъ отвѣчать на ваши вопросы на собственномъ вашемъ языкѣ; но я чувствую, что буду говорить съ большимъ несовершенствомъ, чѣмъ на Нѣмецкомъ, и потому благодарю васъ за пред-

Digitized by Google

ложеніе, которое изволили мнѣ сдѣлать.» Въ самой вещи, Ла Сала довольно хорошо говорилъ по Французски; однакоже разговоръ нашъ, какъ я опишу оный, былъ на Нѣмецкомъ языкѣ —изъ вѣрнаго сего разсказа можно видѣть, съ какою ясностію, съ какимъ спокойствіемъ, съ какимъ хладнокровіемъ, которое конечно иногда прерываемо было порывами энтузіазма, этотъ молодой человѣкъ, въ которомъ я невольно принималъ участіе, открылъ мнѣ, какой рядъ мыслей привлекъ его въ Парижъ.

«Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я ему, разскажите мнѣ прежде всего, какое вы получили воспитаніе и какія до сего дня были происшествія вашей жизни?» Онъ отвѣчалъ мнѣ съ чрезвычайною ловкостію; и отъ времени, до времени когда говорилъ о Германіи, не смотря на обычайное свое спокойствіе, приходилъ въ восторгъ и выказывалъ какое-то предопредѣленіе.

ЛА САЛА. Милостивый Государь, я учился почти годъ и три мѣсяца въ Лейпцигскомъ Университетѣ; мало посѣщалъ своихъ товарищей потому, что ихъ разсѣянная жизнь мнѣ неправилась—я же часто былъ боленъ (по лицу его въ самомъ дѣлѣ надобно было заключать, что онъ безпрестанно хвораетъ). Я въ особенности прилежалъ къ изученіе правъ, исторіи и восточныхъ языковъ; по слабости здоровья, не имѣя

возможности слѣдовать за публичнымъ курсомъ, я приглашалъ Профессоровъ къ себѣ. Отецъ мой умеръ девять лѣтъ уже тому, а матушка хотя не богата, однако имѣетъ достаточное состоянiе; она мнѣ давала по 1,300 Германскихъ талеровъ въ годъ (почти 5,200 франковъ), но этаго мнѣ было мало, и я получалъ пособiе отъ другихъ родственниковъ.

«Я началъ ненавидѣть Наполеона послѣ того какъ слышалъ въ Дрезденѣ проповѣдь Г. Рейнгарда, главнаго Лютеранскаго проповѣдника. Въ этой проповѣди, говоренной прежде Iенскаго сраженiя, Наполеонъ, хотя и не былъ названъ по имени, но на него были такiе ясные намѣки и Г. Рейнгардъ сравнилъ его съ Нерономъ.

«Бѣдствiя, которыя терпѣла Германiя послѣ Iены, ожесточали болѣе, и болѣе мою душу: Сочиненiе Виллерса (письмо къ Г-жѣ Фанни Богарне) о взятiи Любека, еще болѣе къ тому способствовало: Учася въ Лейпцигѣ, я слышалъ о заговорѣ, о покушенiи Стапса, (при этомъ имени лице его оживилось и показалась краска), о притѣсненiяхъ моего отечества. Я видѣлъ, какъ жгли Англiйскiе товары. Это послѣднее дѣйствiе безумнаго тиранства, всего болѣе меня тронуло. Когда я увидѣлъ, что коммерцiя уничтожена, всѣ лавки заперты, отчаянiе во всѣхъ классахъ народа, я рѣшился убить Наполеона, виновника всѣхъ сихъ бѣдъ.

Мнѣ надобно было выѣхать изъ Лейпцига шестью недѣлями позже, но я разсудилъ, что если произведу въ дѣйство свое намѣреніе до разрѣшенія Императрицы, успѣхъ отъ того будетъ несомненнѣе, потому что если Императрица родитъ сына Наполеону, Французы вѣроятно будутъ имѣть болѣе привязанности къ его поколѣнію, и тогда бы нельзя было надѣяться положительно на ниспроверженіе Имперіи. Посему я ускорилъ своимъ отъѣздомъ. Я принялъ Католическое исповѣданіе, отъ того что Папа отлучилъ Наполеона отъ церкви, почему убить его по моему мнѣнію, было дѣломъ достойнымъ, предъ лицемъ Бога; я зналъ сверхъ того, что вообще найду себѣ болѣе помощи между Католиками. Другая причина, заставившая меня принять это исповѣданіе была та, что я замѣтилъ, что тѣ страны, гдѣ оно господствующее, согласнѣе. Шесть недѣль до моего отъѣзда я предался разсѣянію и удовольствіямъ, чтобы обмануть своихъ товарищей и оправдать въ глазахъ ихъ отъѣздъ мой безъ согласія родственниковъ моихъ.»

Послѣ сихъ первыхъ объясненій Ла Салы, я не могъ не удивляться, и не безъ трепета, подобнымъ расчетамъ въ столь юной душѣ.

Продолжая его спрашивать со всею возможною ласковостію и стараясь умѣрить его изступленіе: «Что вы дѣлали, спросилъ я его, съ

той минуты, какъ рѣшились уѣхать изъ Германiи въ Парижъ?

ЛА САЛА. «На канунѣ отъѣзда моего въ Франкфортъ, я отослалъ слугу моего въ Дрезденъ, за тѣмъ, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ въ дорогѣ. Я ему далъ письмо къ одному моему дядѣ. По несчастiю онъ не нашелъ публичной кареты. Воротился и засталъ меня за прiуготовленiями къ поѣздкѣ, которая, ему показалось, долженствовала быть продолжительна. Я думаю, что онъ измѣнилъ мнѣ. Какъ бы то ни было, я тогда не имѣлъ ни малѣйшаго безпокойства, потому что я сказалъ, что отправлялся въ Маинцъ, чтобы конфирмоваться. Я прикинулся и глупымъ, и безсмысленнымъ. Прiѣхалъ въ Парижъ; меня не узнали и не сдѣлали никакого препятствiя въ исполненiи моего намѣренiя.

—«Какъ вы употребляли время со дня прибытiя вашего въ Парижъ до самаго того часа, какъ васъ арестовали?

ЛА САЛА. «Съ самаго 16 Февраля, какъ я здѣсь, я проводилъ ежедневно по пяти часовъ въ Тюлiери; я имѣлъ столъ у Вери и подсматривалъ, когда Наполеонъ ходитъ прогуливаться. Въ прошлую середу Императоръ расхаживалъ вверху, по залѣ, которая окнами въ садъ. Окошко было отворено, и онъ нѣсколько разъ подходилъ къ нему. Я хотѣлъ въ него выстрѣлить, но какой-то прохожiй, которому я сказалъ, что

мнѣ бы хотѣлось видѣть Наполеона поближе, предварилъ меня, что вѣроятно онъ скоро выдетъ и тогда я увижу его лучше — и я сталъ ждать, но Императоръ не показывался. Я надѣялся привести мое намѣреніе въ дѣйство разными способами, и соображаясь съ обстоятельствами: или когда онъ будетъ садиться въ карету, чтобы ѣхать на охоту; или въ Тюлерійскомъ саду, гдѣ онъ иногда прогуливается съ Дюрокомъ, или у обѣдни, или во Французскомъ театрѣ. То отдаленіе, въ которомъ я отъ него находился въ церквѣ, не могло быть помѣшательствомъ, потому что я не думаю, чтобы пространство было болѣе того, которое во Французскомъ театрѣ раздѣляетъ ложу его отъ противулежащаго балкона; я нарочно вымѣрялъ это разстояніе — оно не должно быть болѣе тридцати шаговъ. У меня былъ пистолетъ, который легко доставалъ на такое разстояніе. Въ особенности въ этомъ театрѣ я надѣялся убить Наполеона. Наведя пистолетъ въ ложу, и сдѣлавъ вдругъ два выстрѣла, невозможно было, чтобы я не попалъ; я отыскалъ четыре-ствольный пистолетъ въ Пале-Рояле, но онъ мнѣ показался не ловокъ и ненадеженъ. Я ни какъ не ослѣплялъ себя относительно ожидающаго меня жребія — знавъ, что меня умертвятъ на мѣстѣ, но что для меня значитъ жизнь? Если бы Стапсъ презиралъ сію, какъ я, Наполеона бы не было —

потому что ему удалось подойти къ нему близко, да онъ струсилъ. Я не боюсь смерти; твердо вѣрю въ предопредѣленіе. Когда мнѣ суждено умереть черезъ два дни, такъ ничто не спасетъ меня; если мнѣ не должно умереть, такъ ничто не можетъ помѣшать мнѣ жить (*). Я никогда себя не обманывалъ думая, что успѣхъ въ моемъ предпріятіи не сомнѣненъ.

«Имѣли ли вы сообщника?

ЛА САЛА. «Не знаю ни одного, потому что не открывалъ никому своего намѣренія.

«Какъ, спросилъ я у него, вы не оставили своего замысла, приведя себѣ на мысль слезы, которыхъ вы должны были стоить вашему семейству, низвергнутому вами такимъ образомъ въ отчаяніе?

ЛА САЛА. «Милостивый Государь, семейственныя отношенія, должны молчать предъ высокими выгодами отечества и свободы. Знаю, что погружу въ печаль мать мою и сестру. Но, что значатъ слезы двухъ женщинъ, когда идетъ дѣло объ освобожденіи Германіи? Когда Наполеона не будетъ, то Германія возвратитъ свои права и своихъ Государей. Французское владычество, столь ненавистное, прекратится; кодексъ Наполеона не будетъ болѣе закономъ для ея народовъ. Все это должно случиться, потому что если

(*) Какое странное согласіе въ вѣрованіи съ тѣмъ Египтяниномъ, о которомъ я разсказывалъ.

Digitized by Google

удастся его убить, (а это непремѣнно удастся) то Бернадотъ, котораго очень любятъ Французы, будетъ вызванъ изъ Швеціи, и выведетъ войска изъ Германіи; а если не согласится придти на такой призывъ, то между Маршалами возникнетъ споръ за Имперію и мы дождемся возобновленія исторіи наслѣдниковъ Александра Македонскаго. Тогда Германія будетъ избавлена и счастлива; а пока Франція будетъ въ соединеніи и не удастся произвести въ ней несогласія, бунты, Германія все останется угнѣтенною. Таково было мое намѣреніе; никакое частное уваженіе на меня не имѣло вліянія, и я повторяю вамъ, что не открывалъ никому моей тайны—у меня нѣтъ сообщниковъ. Я не глядѣлъ ни на мать, ни на сестру, ни на родныхъ, ни на дворянство, ни на преимущества. Я хотѣлъ только одного, избавить Германію отъ Французскаго ига, которое гнѣтетъ еще въ большей мѣрѣ низшій классъ общества, чѣмъ высшія сословія. Этой великой мысли я пожертвовалъ всѣмъ. Теперь у меня нѣтъ никакого желанія; мнѣ не удалось; я люблю жизнь, но не боюсь смерти; и если бы мнѣ сказали: Ты умрешъ черезъ пять минутъ—мнѣ было бы, право все равно.»

Такъ говорилъ мнѣ этотъ молодой человѣкъ —меня въ особенности поразила послѣдняя мысль его: «Я люблю жизнь, но не боюсь смер-

Digitized by Google

ти.» Я нашелъ въ ней не знаю какое-то выраженіе необходимости жить, которую чувствуетъ молодость, и въ тоже время то обдуманное мужество, которое ни какъ нельзя сравнивать съ шарлатанствомъ тѣхъ, которые хвастаются, что встрѣтятъ смерть безъ сожалѣнія.

По той мѣрѣ, какъ Ла Сала отвѣчалъ на мои вопросы, я тщательно записывалъ его отвѣты, что мнѣ было дѣлать легче, чѣмъ всякому другому, потому что и тогда я еще не отвыкъ отъ пріобрѣтенной мною при Наполеонѣ способности писать также скоро, какъ говорятъ. Я прочиталъ молодому Ла Салѣ то, что я написалъ по Нѣмецки и потомъ перевелъ это на Французской языкъ; онъ все очень одобрилъ, благодарилъ меня за то, что я его такъ долго слушалъ, не просилъ меня ни очемъ, и, казалось, былъ совершенно равнодушенъ къ той участи, которая неминуемо его ожидала; онъ мнѣ повторилъ только самымъ лестнымъ образомъ то, что ему говорили обо мнѣ въ Германіи, и я разставшися съ нимъ, былъ душевно разстроганъ.

Можно себѣ представить, что разговоръ сей съ этимъ молодымъ человѣкомъ, котораго дядя былъ, кажется Министромъ Саксонскаго Короля, возбудилъ во мнѣ величайшее участіе. Я вознамѣрился спасти Ла Салу, и успѣлъ въ томъ. Я немѣдленно пошелъ къ Герцогу де Ровиго и

мнѣ нетрудно было убѣдить его въ томъ, сколько въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ, необходимо было заставить думать, что этотъ молодой человѣкъ сумасшедшій; я сказалъ, что если бы его привести въ судъ, то онъ въ присутствіи судей повторитъ все, что говорилъ мнѣ и вѣроятно сдѣлаетъ еще большія признанія; что это можетъ возбудить новыя подобныя намѣренія. Я еще далъ замѣтить Министру, что въ короткое время было два покушенія; что благоразумно было скрыть тщательно подобныя сему отдѣльныя покушенія и усыпить движенія изступленія, которыя часто раждаетъ и ободряетъ обнародованіе. Пускай Ла Салу посадятъ въ Винсенскій замокъ; тамъ его нечего боиться; къ тому же, онъ принадлежитъ къ знатной фамиліи въ Дрезденѣ, а это обстоятельство придаетъ болѣе вѣсу и важности дѣлу. Сіи, и имъ подобныя доводы, почерпнутые мною изъ страннаго признанія молодаго фанатика, имѣли ожиданный мною успѣхъ. Я могу сказать, что видѣлъ всегда Герцога де Ровиго расположеннымъ смягчать тѣ жестокія мѣры, которыя должность его ему предписывала, и выслушивать благосклонно дѣлаемыя ему замѣчанія. Сколько людей я у него видѣлъ, уходящихъ довольными его пріемомъ и отвѣтами. Императоръ въ послѣдствіи убѣдился въ благоразуміи поступковъ въ отношеніи къ Ла Салѣ—онъ на

островѣ Св. Елены, говоря о бывшихъ на жизнь его заговорахъ, сказалъ: *Я всячески старался скрывать тѣ, которые было можно.* Мною здѣсь описанный былъ безъ сомнѣнія изъ числа тѣхъ, о которыхъ онъ радъ былъ, что не разгласилъ.

Теперь я разскажу все, что могъ узнать въ послѣдствіи объ участи молодаго Ла Салы. Этотъ молодой человѣкъ, согласно съ моимъ совѣтомъ, былъ посаженъ въ Винсенскій замокъ. Онъ тамъ оставался до истеченія Марта мѣсяца 1814 года, а тогда переведенъ въ Соморскій замокъ; выпустили его въ началѣ Апрѣля. Цѣлыхъ три года я объ немъ ничего не слыхалъ, какъ вдругъ однажды, вскорѣ послѣ возстановленія, завтракая съ своимъ семействомъ у себя въ домѣ въ Готевильской улицѣ, я услышалъ въ передней необычайный шумъ, и прежде чѣмъ успѣлъ узнать причину онаго, очутился въ объятіяхъ молодаго человѣка, который сжималъ меня съ необычайнымъ жаромъ. Это былъ Ла Сала; онъ былъ въ упоеніи признательности и радости отъ того, что видѣлъ себя на свободѣ, и что другія обстоятельства произвели то событіе, которое ему хотѣлось ускорить убійствомъ. Ла Сала возвратился въ Саксонію, и я его не видалъ болѣе; но будучи посланъ Лудовикомъ XVIII въ 1815 году въ Гамбургъ, я тамъ узналъ, что 5 Іюня въ половинѣ втораго часа, въ камерѣ

представителей послышался ужасный взрывъ, о которомъ подумали, что это былъ громовый ударъ; но вскорѣ узнали, что одинъ молодой Саксонецъ, упавъ съ бывшимъ у него въ карманѣ сверткомъ гремячаго серебра, произвелъ этотъ взрывъ. Услышавъ сіе, я не знаю почему, представилъ себѣ, что это былъ тотъ же самый молодой человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ вышепомѣщенное странное признаніе и что онъ можетъ быть имѣлъ желаніе подорвать Наполеона и даже Законодательный Корпусъ; но въ послѣдствіи я узналъ, что ошибался на счетъ намѣреній Ла Салы. Слѣдующее объявленіе, съ коего я сохранилъ списокъ, объяснитъ читателю послѣдствія сего дѣла. Такъ какъ я зналъ откровенность Ла Салы, то имѣлъ причины полагаться на истину показаній его въ Полиціи. Если бы въ нихъ находились какія либо невѣрности, то я бы не колеблясь самъ объявилъ о томъ въ Полиціи, коей въ то время Фуше опять сдѣлался начальникомъ. Прибавлю еще, что сравнивая сіи показанія, съ тѣми, которыя мнѣ сдѣлалъ Ла Сала двадцать перваго Февраля 1811 года, можно будетъ судить, надежда ли освободить свое отечество, побудившая его пріѣхать въ 1811 году съ намѣреніемъ убить Наполеона, понудила его вторично пріѣхать въ 1815, чтобы открыть поступки Прусаковъ, которые на основаніи Вѣн-

скаго конгресса, овладѣли значительною частью Саксонскаго Королевства. Ничто не показываетъ, чтобы онъ вторично прибылъ во Францію съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и въ первый разъ. Впрочемъ сіе намѣреніе Ла Салы остается для меня неразгаданнымъ, а его гремячее серебро заставляетъ много думать. Сверхъ того вотъ объявленіе, которое мнѣ кажется довольно правдиво, кромѣ заключенія.

«Во время засѣданія въ камерѣ представителей въ половинѣ втораго часа, послышался сильный взрывъ, который почли громовымъ ударомъ. Вотъ подробности сего случая:

«Одинъ Саксонецъ, имѣющій отъ роду около двадцати восьми лѣтъ (*), и который, говорятъ, принадлежитъ къ знатной фамиліи, имѣлъ у себя въ карманѣ около четырехъ унцій гремячаго серебра; онъ пріѣхалъ въ каретѣ къ дому Законодательнаго Корпуса. Сначала вошедъ въ залу, онъ скоро изъ нея вышелъ, и отойдя не далеко, на углу Бургонской улицы, поскользнулся и упалъ на бывшій у него свертокъ съ гремучимъ серебромъ. Отъ этаго произошелъ сильный взрывъ — вся одежда его была изорвана; самъ онъ изуродованъ. Никто изъ проходившихъ вблизи его не былъ раненъ. Въ такомъ

[*] Здѣсь оказывается очевидная ошибка вразсужденіи лѣтъ Ла Салы, которому въ 1815 году, не могло быть болѣе двадцати трехъ лѣтъ.

положеніи его отвели въ Префектуру Полиціи и тамъ допрашивали.

«Фамилія его Баронъ де Ла Сала; происходитъ онъ, какъ сказано выше, отъ богатой и знатной фамиліи. За нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ пріѣзжалъ во Францію въ намѣреніи покуситься на жизнь Императора. Его арестовали и посадили сначала въ Винсенскій замокъ, а потомъ оттуда перевели въ Сомюрскій. Скоро послѣ вступленія Союзниковъ въ Парижъ, онъ былъ освобожденъ и возвратился въ свое отечесство. Когда Императоръ вступилъ опять на престолъ, онъ вздумалъ возвратиться во Францію и снабдилъ себя къ тому средствами.

Причина, побудившая вновь задержать его извѣстна. Онъ защищается слѣдующимъ образомъ: не запирается въ томъ, что прежде имѣлъ намѣреніе причинить смерть Императору, въ которомъ онъ видѣлъ притѣснителя Германіи; но такъ какъ притѣсненіе сіе прекратилось, то съ нимъ вмѣстѣ исчезли и причины ненависти, какую питалъ онъ къ виновнику того притѣсненія.

Дѣла на конгрессѣ, въ разсужденіи Саксоніи, ожесточили его противъ нихъ въ сильной степени, и когда онъ узналъ о выходѣ на берегъ Императора и о счастливомъ успѣхѣ въ его предпріятіи, то началъ видѣть въ немъ освободителя несчастнаго своего отечества и рѣшился

служить ему сколько будетъ въ силахъ. То что онъ замышлялъ за нѣсколько лѣтъ прежде, послужило ему удивительнымъ образомъ въ семь случаѣ и доставило ему множество важныхъ свѣденій, которыя онъ намѣревался употребить въ пользу. Но для сего надобно было прiѣхать во Францiю. Наконецъ онъ отправился во Францiю и, по прибытiи своемъ въ Парижъ, доставилъ немедленно Правительству, а въ особенности Военному Министерству всѣ собранныя имъ свѣденiя относительно силъ союзниковъ, ихъ намѣренiй, средствъ и о прочемъ. Стараяся оказать услугу Францiи, онъ полагаетъ, что дѣлаетъ пользу своему отечеству. Полицiя удостовѣрилася, что дѣйствительно Г. Ла Сала доставилъ Правительству весьма важныя подробности, относительно положенiя политическихъ и военныхъ дѣлъ. Онъ объявилъ также Военному Министру, что съ нимъ есть небольшой пакетъ гремячаго серебра, и какъ говорятъ, предлагалъ отдать сей пакетъ, но кажется никто не хотѣлъ взять на свои руки столь опасную вещь. На вопросъ, за чѣмъ взялъ онъ съ собою пакетъ сей, онъ отвѣчалъ, что не хотѣлъ оставить его въ гостинницѣ, гдѣ онъ жилъ, опасаяся, чтобы кто нибудь его не тронулъ, и чтобы не произошло отъ того какого нибудь несчастнаго случая.

++

ГЛАВА XXII.

Семейство мое остается въ Гамбургѣ.—Отчаяніе Анзеатическихъ городовъ, и Генералъ-Губернаторъ Даву.—Первыя дѣйствія и обращеніе Офицеровъ въ шпіоны.—Негодованіе Офицеровъ.—Неутомимая ненависть за высказанную давно правду.—Козни достойные низкой Полиціи.— Разпредѣлительное правосудіе.—Дѣйствія, а не люди.—Доносы безъ доказательствъ.—Откровенное письмо друга, и извѣстіе о вѣроломномъ письмѣ. — Довѣренное объясненіе съ Герцогомъ де Ровиго.—Польское Вице-Королевство въ виду у Фельдъ-Маршала Даву.—Замедленіе и позоръ.—Письмо, наполненное ложными предположеніями. — Шпіонъ Секретарь.— Покушеніе на гибель Г. Талейрана, Раппа и меня. — Начало успѣховъ у Императора. — Благородные поступки Герцога де Ровиго въ разсужденіи меня.—Негодованіе выведеннаго изъ заблужденія Императора.—Сосланный Секретарь, и сочинитель Принцъ и Маршалъ —Новое ожесточеніе противъ меня Даву.—Почта и Полиція.—Размышленія.—Статистическое отдѣленіе.—Торговыя письма и дипломатическая переписка.

Я сказалъ выше, что когда я выѣхалъ изъ Гамбурга по письму Министра Иностранныхъ

дѣлъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Наполеону хотѣлося воспользоваться *прiобрѣтенными опытностiю моею свѣденiями*, относительно дѣлъ на Сѣверѣ и земель Анзеатическихъ, то я долженъ былъ полагать, что послѣ кратковременной отлучки, я скоро опять возвращусь къ мѣсту моего пребыванiя. Посему я оставилъ въ Гамбургѣ мое семейство, которое провело тамъ зиму 1810 и 1811 годовъ. Не то чтобы я считалъ независимость Анзеатическихъ городовъ продолжительною, но признаюсь, я не думалъ, чтобы ударъ долженствовавшiй поразить ихъ и истребить до самаго основанiя померкнувшее ихъ благосостоянiе, былъ такъ близокъ. Встрѣтившiйся со мною въ Майенсѣ курьеръ открылъ мнѣ глаза, и я безъ удивленiя узналъ изъ первополученныхъ мною въ Парижѣ писемъ о унынiи, какимъ поражены были Гамбургскiе жители, какъ скоро до нихъ достигла роковая вѣсть. Отчаянiе обитателей несчастныхъ Анзеатическихъ земель долженствовало быть велико; но оно достигло высочайшей степени, когда узнали, что Принцъ Экмюльскiй назначенъ Наполеономъ къ нимъ въ Генералъ-Губернаторы. Имя Верреса было неболѣе ненавистно въ Сицилiи до того времени, какъ память сего Проконсула Цицеронъ увлекъ на достойную казнь въ отдаленное потомство, чѣмъ имя Даву въ Германiи. Одно это имя соединялось

съ мыслію объ ужасахъ, и первыя его дѣйствія слишкомъ оправдали всеобщую къ нему ненависть цѣлаго народа. Принцъ Экмюльскій въ первое Воскресенье по прибытіи своемъ въ Гамбургъ собралъ всѣхъ составляющихъ свиту его Офицеровъ; онъ отдалъ имъ приказаніе познакомиться въ домахъ и доносить ему, что тамъ дѣлали, говорили или думали. Почти всѣ Офицеры вознегодовали на то, что ихъ хотѣли заставить играть такую роль; многіе изъ нихъ пришли къ Г-жѣ Буріеннъ, чтобы предупредить ее объ осторожности.

Такія подробности меня не удивляли, точно также какъ и ожесточеніе противъ меня Даву, потому что въ глазахъ людей, возвышенію которыхъ, не по достоинству, способствовали преданность и счастіе, быть повѣреннымъ въ тайнѣ о ихъ жалкой посредственности, есть неизгладимое пятно. Принцъ Экмюльскій, ни когда немогъ мнѣ простить того, что я сказалъ Первому Консулу, что Даву, дурачина; слова эти Бонапарте, по нескромности, какъ видно, пересказалъ; только въ семъ случаѣ для Даву одно было худо—отъ своей непремиримой ненависти, онъ умнѣе не сдѣлался. Я очень радъ, что могу здѣсь замѣтить, что я когда говорю о людяхъ, то сужу объ нихъ по дѣламъ ихъ, и такимъ образомъ осужденіе за сдѣланное ими зло, не дѣлаетъ меня несправедливымъ къ тому, что

они сдѣлали хорошаго. По этому, зная хорошо, что мнѣ придется вывести на чистую воду пружины, которыми дѣйствовалъ Даву, чтобы повредить мнѣ въ мысляхъ у Императора козиями и пронырствами, свойственными развѣ только самому низкому человѣку, я не колеблясь присоединилъ свой голосъ къ голосамъ его сослуживцевъ, когда онъ былъ по справедливости украшенъ титломъ Принца Экмюльскаго, послѣ достопамятнаго сраженія, въ которомъ онъ столь блестящимъ образомъ участвовалъ, и которое столь много способствовалъ вторично открыть арміи путь къ Вѣнѣ. Можно было замѣтить, что я дѣйствовалъ такимъ же образомъ въ отношеніи къ Герцогу Ровиго; я сказалъ съ тою откровенностью, какую поставилъ себѣ закономъ, принимаясь за перо, то что я думалъ о слѣпой преданности Савари къ Первому Консулу, а скоро мнѣ должно будетъ отдать полную справедливость прямодушію преемника Фуше по Министерству Главной Полиціи, въ обстоятельствахъ, лично до меня относящихся и не чуждыхъ Принцу Экмюльскому.

— Едва я выѣхалъ изъ Гамбурга, какъ Принца Экмюльскаго назначили туда Генералъ-Губернаторомъ, по случаю присоединенія Анзеатическихъ земель къ Имперіи. Съ этой самой минуты я безпрестанно долженъ былъ бороться противъ преслѣдованій и доносовъ, чтобы изобрѣтать

которые его грубая ненависть не имѣла покоя. Я необходимо долженъ приписать симъ преслѣдованіямъ худое ко мнѣ расположеніе, въ какомъ былъ Императоръ по прибытіи моемъ въ Парижъ. Но такъ какъ сіи полные клеветы доносы оставались всегда безъ доказательствъ, то надлежало сплести такой ковъ, которымъ, за недостаткомъ истины, можно было бы покрайнѣй мѣрѣ успѣть основать хотя наружную правдоподобность. Вотъ событія, которыя никто опровергать не можетъ.

Только что я прибылъ въ Парижъ въ началѣ 1811 года, какъ оставшійся въ Гамбургѣ почтенный другъ мой Г. Бувье, эмигрантъ и заложникъ Лудовика XVI извѣстилъ меня, что черезъ нѣсколько дней я получу письмо, которое можетъ подвергнуть опасности меня, также какъ Г. Талейрана и Генерала Раппа. Я никогда не имѣлъ никакого сношенія ни съ тѣмъ, ни съ другимъ; къ обоимъ я былъ искренно привязанъ, и къ обоимъ неблаговолилъ Маршалъ Даву, не прощавшій одному того, что онъ былъ его неоспоримо умнѣе, а другому его благороднаго прямодушія. Получивъ письмо отъ Г. Бувье я показалъ оное Герцогу Ровиго, который, по своей должности совершенно зналъ про всѣ низкія интриги, рожденныя завистью и устрояемыя послѣ отъѣзда моего изъ Гамбурга тѣмъ, кого

честолюбіе заставляло мечтать о Польскомъ Вице-Королевствѣ (*).

При семъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Герцогъ Ровиго, который болье всякаго другаго зналъ, что ему думать о цѣли и причинахъ всѣхъ этихъ интригъ, не колеблясь принялъ мою сторону у Наполеона; мы согласились дождаться полученія того письма, о которомъ извѣщалъ меня Г. Бувье. Въ самой вещи, другаго было дѣлать нечего; но прошло три недѣли, а письма не бывало. Герцогъ Ровиго замѣтилъ, по видимому довольно не безъ причины, что я былъ увѣдомленъ невѣрно. Однакоже зная хорошо Г. Бувье, я былъ увѣренъ, что онъ, не

(*) Наполеонъ обѣщалъ Даву Польское Вице-Королевство. Мысль объ этомъ такъ владычествовала въ умѣ его, что онъ бы пожертвовалъ величайшими выгодами Франціи и Императора, только бы удовлетворить въ семъ отношеніи свое честолюбіе, особливо когда Бернадотъ достигъ степени наслѣднаго Шведскаго Принца. По этому-то, когда наступило несчастное время, въ которое можно было съ достовѣрностію ожидать новой съ Россіею войны, Даву больше всѣхъ понуждалъ къ сей войнѣ Императора — это я слышалъ отъ самаго Даву.

Я долженъ здѣсь замѣтить, что Принцъ Экмюльскій былъ очень бескорыстенъ; онъ отклонялъ всѣ предлагаемыя ему отъ имени городовъ и другія приношенія; но такое строгое соблюденіе долга, которое онъ самъ и друзья его такъ высоко умѣли цѣнить, мало по малу доставило ему небольшое состояньице, а именно милліонъ четыреста тысячъ ливровъ годоваго доходу; а ему все этаго было мало. Этакой бѣдный человѣкъ.

скажу, не могъ ввести меня въ промахъ (онъ къ тому былъ неспособенъ) но что не сдѣлалъ бы мнѣ такого увѣдомленія, не раздумавъ; а посему я полагалъ, что исполненіе намѣренія отложено, и не ошибся въ моемъ мнѣніи, потому что наконецъ письмо пришло. До какой степени низости, могутъ доходить люди! . . . Письмо было отъ одного человѣка, котораго я зналъ въ Гамбургѣ, котораго я обязывалъ и употреблялъ для развѣдываній. Онъ носилъ на себѣ званіе, которое объяснить мнѣ препятствуетъ уваженіе, какое я всегда имѣлъ къ преданности и несчастію. Посланіе его было чудо безстыдства. Послѣ истинно чрезвычайныхъ подробностей относительно нашихъ съ нимъ сношеній, которыя онъ объяснялъ, присоединяя къ самой наглой лжи, онъ просилъ меня прислать ему *съ слѣдующею почтою* шестьдесятъ тысячъ франковъ, *въ счетъ* суммы, обѣщанной ему за совершенныя, какъ онъ говорилъ, по моему порученію, въ Англіи условія, за Г. Талейрана, Генерала Раппа и меня. По счастію подобные негодяи часто уловляются въ собственныя свои сѣти, и сами даютъ средства себя обнаруживать! Это случилось и съ нимъ—онъ очень, не обдуманно означилъ время упоминаемой по словамъ его сдѣлки 1802 годъ, то есть слишкомъ двумя годами ранѣе, чѣмъ я назначенъ былъ въ должность Полномочнаго Министра при

Анзеатическихъ городахъ; такая погрѣшность времени въ семъ письмѣ была не одна.

Получивъ это посланіе, я списалъ съ него копію, а подлинникъ тотъ часъ же представилъ Герцогу Ровиго, такъ какъ то было между нами условлено. Когда я пріѣхалъ къ Министру, онъ собирался ѣхать къ выходу. Онъ взялъ привезенное мною къ нему письмо, а равно и то, которымъ меня объ ономъ предувѣдомляли. Вотъ что происходило на выходѣ.

Только лишь Герцогъ Ровиго вошелъ въ пріемную залу, Наполеонъ выступилъ къ нему на встрѣчу съ сими словами: «Ну! вотъ вашъ «Буріеннъ, за котораго вы всегда стоите; я пре«красныя узналъ на его счетъ вещи!» Что могло быть поводомъ такихъ словъ?— очень простая вещь: Императоръ получилъ уже по эстафетѣ изъ Гамбурга копію съ письма, вскрытаго въ секретномъ отдѣленіи тамошняго почтамта — въ этомъ, въ послѣдствіи, признался мнѣ Г. Гонсъ. Министръ, имѣя въ рукахъ улику противъ дерзости моихъ обвинителей, сказалъ Императору, что онъ уже давно зналъ о томъ, что Его Величество изволитъ говорить ему. Онъ разсказалъ ему со всѣми подробностями объ интригахъ, коихъ жертвою хотѣли меня сдѣлать, и тѣмъ легче доказалъ ему безразсудную лживость доносчиковъ, что въ 1802 году, времени такъ искусно придуманномъ, не только меня не было

еще въ Гамбургѣ, куда онъ меня назначилъ уже въ 1805, но что я находился тогда при его особѣ.

Можно себѣ представить, что для меня очень любопытно было знать, что происходило въ Тюлiери, и я въ тоже утро отправился къ Герцогу Ровиго; онъ возвратился изъ Тюлiери и разсказалъ мнѣ всѣ вышеописанныя подробности. Сверхъ того онъ присовокупилъ, что онъ привелъ на видъ Императору, что между Раппомъ и Г. Талейраномъ, не было никакого соотношенiя, никакой тѣсной связи, которыя бы могли оправдать малѣйшую денежную съ обща сдѣлку. «Когда Императоръ все ясно увидѣлъ, сказалъ мнѣ Савари; когда я ему показалъ ощутительное доказательство съ существованiи сихъ презрѣнныхъ ковов, то онъ не нашелъ словъ, чтобы выразить свое негодованiе: *Какая подлость! какiя поносныя дѣла!* вскричалъ онъ. Послѣ того онъ далъ мнѣ приказанiе арестовать и привесть въ Парижъ низкаго сочинителя письма, который ссудилъ другихъ своимъ перомъ—и я могу васъ увѣрить, что это приказанiе я скоро исполню.

Савари, такъ какъ обѣщалъ мнѣ, немедленно послалъ предписанiе арестовать снисходительнаго сочинителя и прислать къ нему. Только что его привезли, тотчасъ сдѣлали допросъ относительно письма его. Онъ объявилъ, что

письмо сіе писалъ онъ, *по подстреканію и съ точныхъ словъ* Маршала Даву, за что получилъ въ награду небольшую сумму денегъ. Изъ признанія его еще видно, что когда отдавали письмо его на почту въ Гамбургѣ, то Генералъ-Губернаторъ Принцъ Экмюльскій приказалъ Главному Почтъ-Директору соблюсти, чтобы оно было распечатано, списано, опять запечатано, и отослано по адресу, то есть ко мнѣ, а копія съ него препровождена къ Императору. Эту-то копію получилъ Наполеонъ, когда Герцогъ Ровиго разувѣрилъ его въ томъ, что хотѣли заставить его думать объ этомъ дѣлѣ, только чтобы ожесточить противъ меня. Тотъ, перо коего употреблено было въ сей адской перепискѣ былъ сосланъ въ Марсель, или на Перскіе острова, право не помню куда; но тотъ, со словъ кого письмо это писано, остался Маршаломъ, Принцемъ, Генералъ-Губернаторомъ, и отъ того не менѣе мѣтилъ въ Польскіе Вице-Короли. Таково-то было оказываемое въ Имперіи правосудіе; въ послѣдней части моихъ Записокъ, читатель увидитъ, что Даву симъ не удовольствовался, а старался отплатить мнѣ за то, что я въ немъ не нашелъ ума.

Людямъ, которые служили въ Статистическомъ отдѣленіи было много дѣла, если они разбирая и торговыя письма, и дипломатическую перепику, принимали на себя трудъ

дѣлать выписки о содержавшихся въ сей переписке жалобахъ на всеобщій упадокъ коммерціи. Во Франціи претерпѣвали не такъ много, какъ въ Государствахъ прикованныхъ всемогуществомъ Императора къ ярму Континентальной Системы, потому что Франція имѣла нѣсколько мануфактуръ, и произведенія ея промышленности расходились по Европѣ; между тѣмъ коммерціи и промышленности очевидно угрожалъ переломъ, который вскорѣ наступилъ. Въ слѣдующей главѣ читатель усмотритъ, какъ по сему обстоятельству совѣтовались со мною.

Digitized by Google

++

ГЛАВА XXIII.

Перемѣна мыслей Герцога Ровиго.—Невѣроятная довѣренность Герцога Ровиго.—Бумаги жгутъ, и новый Министръ остается безъ всякихъ свѣденій.—Способы дѣйствій Полиціи дѣлаются проще.—Уменьшеніе кредита Министровъ и значительность Г. Марета. — Переломъ коммерціи и пышность двора.—Добрыя намѣренія Герцога Ровиго.—Истолкованіе Императорскаго взгляда. — Сдѣланное мнѣ порученіе къ Г. Лафиту.—Совѣщаніе Г. Лафита съ Герцогомъ Ровиго.—Докладъ Императору. — Наполеонъ спѣшитъ на помощь коммерціи.—Г. Оберкамфъ и мануфактура Жуи.—Недѣйствительныя средства.—Два приговора.—Заключеніе.

Я долженъ отдать справедливость Герцогу Ровиго, что не смотря на то, что преданность его къ Наполеону была, какъ и всегда, неограниченна, но преданность Министра Полиціи отъ опытности озарилось какимъ-то свѣтомъ, котораго я не замѣчалъ въ преданности Адъютанта

Савари. Выполняя приказанія Императора, онъ прежде всего старался узнавать истину, а доказательствомъ сему можетъ служить то, что касалося до меня; будучи мало привыченъ къ гражданскимъ дѣламъ, когда Императоръ назначилъ его Министромъ Главной Полиціи, онъ говорилъ мнѣ часто, какъ ему жаль того, что назначеніе его распространило въ публикѣ какой-то ужасъ, и не скрылъ отъ меня намѣренія, мало по малу разувѣрить умы, снисходительностію, какой не было при его предшественникѣ, который былъ снисходителенъ только къ своимъ тварямъ. Прежде Савари, какъ я замѣчалъ, не раздѣлялъ всегдашняго моего мнѣнія о Фуше, мнѣнія, которое я часто объяснялъ предъ нимъ въ Мальмезонѣ и въ Сен-Клу. Что касается до Г. Урвара, то его велѣно арестовать, и это былъ послѣдній арестъ, который надобно было Герцогу Ровиго приказать сдѣлать до назначенія его въ Министры, потому что вскорѣ послѣ того Императоръ, потребовавъ его въ Сен-Клу, вручилъ ему портфёль Главной Полиціи.

Еслибы Савари зналъ Фуше такъ какъ я, то навѣрное не имѣлъ бы такой непостижимой къ нему довѣренности, что дозволилъ ему оставаться болѣе двухъ недѣль въ Министерскомъ домѣ послѣ отставки. Послѣ возвращенія моего въ Парижъ, опытность раскрыла глаза Герцогу Ровиго, и онъ себѣ представилъ во всемъ пространствѣ сдѣланный имъ неразсудительный по-

ступокъ; онъ разсказалъ мнѣ, какъ Фуше въ продолженiе этого времени сжегъ всѣ бумаги, вмѣсто того, чтобы привести ихъ въ порядокъ для сдачи ему, такъ что по окончанiи такой классификацiи на образецъ Дюбуа, новый Министръ остался при тѣхъ только свѣденiяхъ, какiя предмѣстнику его угодно было передать ему, свѣденiяхъ, къ которымъ имѣть полное довѣрiе, было чрезвычайно опасно.

Такiя утайки со стороны Фуше были предметомъ превосходнаго изученiя для Герцога Ровиго, который замѣтилъ, что можно имѣть полезные надзоры, не затѣсняя шпiонами гостинныхъ, присудственныхъ мѣстъ, по всѣмъ вообще частямъ, и переднихъ особъ высокаго званiя. Я не намѣренъ увѣрять, что употребленiе такихъ людей было совершенно уничтожено; но оно было ограничено, и если роскошь въ этомъ отношенiи изчезла, то покрайнѣй мѣрѣ осталося полное довольство.

Я былъ радъ, признаюсь, что Савари былъ расположенъ сдѣлать проще пружины своего управленiя, мало по малу истребить все то, что въ немъ было утѣснительнаго; впрочемъ каковы бы ни были его намѣренiя, но не всегда располагать ими было въ его власти, и правда, что не безъ живѣйшаго чувства нетерпѣнiя, читая его Записки, замѣчалъ я, что онъ охотно бралъ на себя отвѣтственность, тогда какъ одного

справедливаго слова достаточно было бы, чтобы она пала прямо на того, на кого слѣдовало. Какъ бы то ни было, мнѣ очень нравилося въ Савари, показываемое имъ желаніе узнать истину для объясненія оной Наполеону, отъ котораго онъ часто за это въ награду терпѣлъ гнѣвъ; это происходило отъ того, что со времени чрезвычайнаго увеличенія Имперіи, явные Министры, вмѣсто того, чтобы усиливаться въ кредитѣ, мало по малу, видѣли, что значительность должностей ихъ уменьшается: такъ на примѣръ представленія о повышеніи чинами поступали изъ Кабинета Бертье, а не отъ Военнаго Министра, а всѣ дѣла, имѣющіе предметомъ всѣ части правленія внутренняго и внѣшняго, за исключеніемъ дѣлъ военныхъ и, можетъ статься, финансовыхъ, все сосредоточивалось въ кабинетѣ Г. Маре, безъ всякаго сомнѣнія, очень благороднаго человѣка, но котораго наклонность говорить: *все хорошо*, очень много способствовало къ тому, чтобы *все было худо.*

Внутренняя торговля, мануфактуры и особливо многіе купеческіе домы въ Парижѣ находились, какъ я объяснилъ выше, въ такомъ упадкѣ, который тѣмъ былъ ощутительнѣе, что дѣлалъ странную противоположность съ пышностію Императорскаго двора, со времени женитьбы Наполеона на Маріи Луизѣ, которая уже нѣсколько мѣсяцовъ была беременна. Въ сихъ

Digitized by Google

обстоятельствахъ множество жалобъ ежедневно доходило до Герцога Ровиго, и я долженъ сказать, что онъ никогда не былъ такъ хорошъ со мною, какъ съ того времени, когда я попалъ въ немилость; онъ ласкалъ меня надеждою, что предупрежденie противъ меня Наполеона, которому поводомъ былъ духъ мщенiя, должно имѣть конецъ; я навѣрное зналъ, что онъ нѣсколько разъ принимался хлопотать объ этомъ. Наполеонъ слушалъ его, и не сердился; не упрекалъ его за тѣсную связь со мною, говорилъ даже на мой счетъ нѣсколько обязательныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего незначащихъ словъ, что давало время изготовиться новымъ навѣтамъ, и навести на него опять новыя сомнѣнiя, въ то самое время какъ онъ уже почти совершенно удостовѣрился въ истинѣ. Однажды, когда я былъ у Герцога Ровиго, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ финансовомъ переломѣ, который болѣе и болѣе устрашалъ Правительство; да и въ самой вещи было чего устрашаться. Въ Голландiи самые значительные домы запирали свои конторы, и занимались своими расчетами, чтобы кончить дѣла; запрещенная торговля, воспрепятствовать коей такъ невозможно, что я столь часто объяснялъ въ моихъ сношенiяхъ, повсюду такъ усиливалась, что домы, уплатившiе въ таможню пошлины за ввозъ товаровъ раззорились. Савари сказалъ мнѣ, что объ

этомъ важномъ дѣлѣ разсуждаемо было въ тотъ самый день въ Совѣтѣ; что Императоръ получилъ разныя донесенія, которыя увеличивали его недоумѣнія на счетъ причинъ зла, но все доказывали, что зло было очевидно. Министръ, толкуя себѣ взглядъ Императора, одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые я такъ долго умѣлъ понимать лучше, чѣмъ іероглифы его письма, заключилъ, что не давая ему прямо приказанія, для того, чтобы не оскорбить другихъ Министровъ, Императоръ хотѣлъ изъявить ему желаніе узнать чрезъ него о настоящемъ положеніи вещей. Такое истолкованіе взгляда Бонапарте мнѣ показалось вѣрнымъ, и Герцогъ Ровиго спросилъ меня, какія были мои собственныя по сему предмету мысли. Я такъ давно не былъ въ Парижѣ, а потому и не могъ знать мѣстнаго перелома во всѣхъ его соотношеніяхъ; но послѣ всего, что читали въ моихъ Запискахъ о вредѣ Континентальной системы, можно себѣ представить, что я сказалъ вообще о семъ великомъ и пагубномъ безразсудствѣ, отъ коего зло, постигшее Францію и Парижъ, по мнѣнію моему, было однимъ изъ неминуемыхъ послѣдствій. Савари, по видимому, соглашался съ нѣкоторыми изъ моихъ мыслей, хотя онъ находилъ, что я изъяснялъ ихъ съ излишнимъ преувеличеніемъ. Онъ былъ не правъ; слова мои были слѣдствіе убѣжденія, бывшаго въ то время въ

такой же степени, какъ и тогда, какъ происшествія слишкомъ хорошо оправдали мои предвидѣнія. Министръ сказалъ мнѣ, что ему желательно было бы посовѣтоваться съ такими людьми, которые свѣденіями своими могли бы пособить ему; выборъ его палъ на Г. Лафита, который тогда былъ уже извѣстенъ по здравому образу своихъ мыслей и строгой честности — онъ не могъ сдѣлать выбора лучше. Когда онъ мнѣ разсказалъ о своемъ намѣреніи, то я очень оное одобрилъ, и охотно согласился принять на себя упросить Г. Лафита повидаться съ Герцогомъ Ровиго. Министръ сей хотѣлъ получить объясненія, руководимыя свѣденіями, искусствомъ и опытностію Г. Лафита по тремъ главнымъ предметамъ: о переломѣ коммерціи, причинахъ онаго, и о томъ, какихъ отъ того можно ожидать послѣдствій; а потомъ предложить ему сложный и спорный вопросъ о Континентальной системѣ и о свободѣ торговли.

Я отправился къ Г. Лафиту, котораго засталъ въ большемъ безпокойствѣ на счетъ положенія дѣлъ, и одушевленнаго, какъ всегда, искреннею любовію къ общему благу. Онъ безъ всякаго затрудненія исполнилъ желаніе Герцога Ровиго, и я узналъ послѣ, что объясняясь откровенно, онъ сказалъ ему одну изъ тѣхъ истинъ, которую никогда изъяснять не должно въ опасеніи дать поводъ подумать, что онѣ имѣютъ

надобность въ доказательствахъ: что во всякомъ правительствѣ, должно принять за непремѣнное правило, чтобы судить о ходѣ дѣлъ и мнѣніи, считать все что противно выгодамъ, необходимо противнымъ благосостоянію. Онъ представилъ ему коммерцію, какъ существо по свойству своему безвредное, тѣсно соединенное своими потребностями съ порядкомъ, который есть его жизнь, и возстающее только тогда какъ его оскорбляютъ или не обезпечиваютъ. Наконецъ, когда я узналъ отъ Герцога Ровиго, сколько онъ былъ вообще доволенъ тѣмъ, какъ Г. Лафитъ разсуждалъ о главныхъ предложенныхъ ему вопросахъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что все, что ни говорилъ онъ о Континентальной системѣ и о свободѣ торговли, согласовалось съ тѣмъ, что я объ этомъ говорилъ ему самъ. Онъ доказалъ ему, что система сія, клонится къ цѣли совершенно противоположной той, какой изобрѣтатели ея ошибочно думали достигнуть, и какъ неоспоримое доказательство, привелъ на видъ состояніе финансовъ у двухъ сопротивныхъ народовъ: Англійскій долгъ простирался слишкомъ до осьмнадцати милліардовъ, а Французскій едва превышалъ тысячу двѣсти милліоновъ, и не смотря на такую ужасную разницу Лондону займы дѣлать было легко, а Парижу почти не возможно.

Справедливость замѣчаній Г. Лафита его поразила, и по очевидности доказательствъ, сопровождавшихъ сіи замѣчанія, Герцогъ Ровиго просилъ его изъяснить оныя письменно; бумага была написана и представлена Императору Министромъ. Я узналъ, что въ тотъ самый день, какъ бумага сія представлена была Императору, въ Тюлієри былъ Совѣтъ. Наполеонъ прочиталъ все до присутствія Совѣта, въ которомъ, по произволу случая, одинъ изъ Министровъ сдѣлалъ представленіе о запретительныхъ мѣрахъ; и такъ какъ давно слухъ носился на счетъ зазапретительной системы, то можно себѣ представить, что ораторъ съ жаромъ объяснилъ выгоды и рѣдкія достоинства оной; но, сказалъ мнѣ Савари, Императоръ слушалъ сіе представленіе съ огорченіемъ, и жаловался на то, что наконецъ поставятъ Французскую торговлю въ ликвидаціонное положеніе. Эти слова были, конечно, хороши, но они ни къ чему не послужили, а если и послужили, такъ не къ многому; они были причиною нѣкоторыхъ облегченій, нѣкоторыхъ частныхъ пособій, безъ сомнѣнія похвальныхъ, но которые могли имѣть развѣ очень слабое вліяніе въ противуположность злу, которое все обманывало. Щедрость Императора была повсюду возхваляема; любовь его къ коммерціи почти боготворили; одобряли пособія, сдѣланныя между прочимъ почтенному Г. Обер-

камфу, основателю прекрасной Жулской мануфактуры; переломъ отъ-части утихъ, но зло неуничтожилось; на этотъ конецъ надобно было обратиться къ тому, что было сдѣлано, сознаться, что вдалися въ обманъ, положить преграду необузданному честолюбію, признаться, что Континентальная система была со всѣмъ не самое лучшее изобрѣтеніе новѣйшихъ временъ; признать нелѣпость нѣкоторыхъ совѣтниковъ, коихъ выгода состояла въ томъ, чтобы сгустивъ облака лести, воспрепятствовать свѣту истины озарять Императорскій тронъ, иначе какъ скоропреходящими лучами; надлежало наконецъ слушать безъ трепета слово свобода, безъ которой великія коммерческія предпріятія ничто иное, какъ мечтанія. Наполеону ли, Императору, Королю Италіи, протектору конфидераціи, зятю Австрійскаго Императора, человѣку, который хотѣлъ завладѣть всѣмъ міромъ, можно было пожелать чего нибудь изъ сего, если бы притомъ свобода была первымъ условіемъ?—вѣрно нѣтъ.

Въ послѣдней части предстоящаго мнѣ поприща, я являюсь дѣйствующимъ лицемъ при событіяхъ ознаменовавшихъ два возстановленія. Обратясь къ частной жизни по возвращеніи моемъ изъ Гамбурга, я имѣлъ случай, по связямъ моимъ съ прежними друзьями, сдѣлавшимися тогда важными особами, видѣть и цѣнить

тайныя причины уничтоженія Имперіи, и потомъ судить, сколько возвращеніе Лудовика XVIII было необходимостію того времени, и о томъ, какія ошибки заставили сдѣлать пагубные совѣтники этаго столь просвѣщеннаго Государя. И предъ нимъ я, также не скрывалъ истины въ разговорахъ, которые имѣлъ съ симъ Монархомъ, какъ тогда какъ меня назначили Главнымъ Директоромъ почтъ, такъ и тогда какъ поздняя его довѣренность вручила мнѣ трудное управленіе префектурою Полиціи, немного прежде достославнаго двадцатаго Марта. О всѣхъ сихъ предметахъ я продолжать буду, какъ и прежде, говорить только то, что или я самъ видѣлъ, или что узналъ положительнымъ образомъ.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ОБЪЯСНЕНІЯ.

Я не хотѣлъ говорить въ моихъ Запискахъ ничего кромѣ слышаннаго мною лично отъ Раппа о покушеніи Стапса на жизнь Императора, и оставилъ разсказъ мой таковымъ, какимъ онъ былъ давно сдѣланъ. Послѣ того я узналъ о написанной Герцогомъ Кадорскимъ нотѣ; я считаю за нужное помѣстить здѣсь оную, на тотъ конецъ, чтобы читатели могли судить и сдѣлать сравненіе.

НОТА ГЕРЦОГА КАДОРСКАГО.

«Въ сочиненіи, изданномъ подъ заглавіемъ Записки о внутренности Императорскаго Дворца, которое содержитъ въ себѣ разнаго рода подробности, и между прочимъ весьма ошибочныя о томъ, какимъ образомъ заключенъ былъ Вѣнскій миръ въ 1809 году. Какъ главное дѣйствующее притомъ лице, я считаю себя обязаннымъ объяснить, что какъ происходило.

«Сочинитель сей книги Г. Боссе, бывшій тогда Дворцовымъ Префектомъ, говорилъ на страницахъ 358 и 365, 1-го т., что миръ сей заключенъ былъ прямо Наполеономъ съ Австрійскими Коммисарами Принцемъ Іоганомъ Лихтенштейномъ и Графомъ Бубна, тогда какъ я былъ при семъ случаѣ въ качествѣ Полномочнаго Министра, въ Альтенбургѣ въ Венгріи занятъ переговорами съ Графомъ Меттернихомъ, Полномочнымъ Австрійскаго Императора, и послѣ подписанія Шенбрунскаго трактата 14 Октября 1809 присланъ ко мнѣ въ Альтенбургъ съ извѣстіемъ о томъ курьеръ; онъ говоритъ объ обѣдѣ у Наполеона, гдѣ я изъявилъ большое удивленіе на счетъ того, что произошло во время моего отсутствія. [Г. Боссе предполагаетъ, что это миръ]. Такія показанія не имѣютъ ни малѣйшаго основанія; я велъ переговоры съ Принцемъ Лихтенштейномъ и подписалъ мирный договоръ не въ Шенбруннѣ, а въ Вѣнѣ въ квартирѣ моей въ замкѣ [Burg], 14 Октября въ пятомъ часу утра. Описаніе сего случая довольно занимательно.

«Послѣ Знаимскаго перемирія, послѣдовавшаго за Ваграм-

Digitized by Google

«скимъ сраженіемъ, назначены были уполномоченные для пере-
«говоровъ о мирѣ: я со стороны Наполеона, а Графъ Меттер-
«нихъ отъ Австрійскаго Императора. Альтенбургъ въ Венгріи
«былъ назначенъ мѣстомъ присутствія конгреса. Совѣщанія на-
«чались въ Августѣ мѣсяцѣ со всѣми торжественными обрядами
«такъ называемаго конгреса. Каждаго собранія составляли жур-
«налъ, и журналы сіи посылались къ обоимъ дворамъ, отъ ко-
«торыхъ должно было ожидать отвѣтовъ. Австрія не очень то-
«ропилась заключеніемъ: тогда Англичане дѣлали нападенія на
«Шельдѣ, и такая диверсія могла быть выгодна Австрійцамъ.
«Министръ ихъ удивительно способствовалъ такимъ отлагатель-
«нымъ намѣреніямъ всѣми средствами, какія только внушали
«ему искуство и тонкость ума его. Я получалъ каждый день,
«часто и два раза, отъ Наполеона отвѣты на мои депеши; я отъ
«него былъ въ разстояніи только двадцати пяти миль. Въ Сен-
«тябрѣ мѣсяцѣ онъ началъ понуждать меня ускорить переговоры;
«онъ жаловался на медленность Меттерниха; говорилъ даже
«будто бы и Австрійскій Императоръ этимъ недоволенъ. Госу-
«дарь сей писалъ къ нему чрезъ своего Адъютанта Графа Бубна;
«Наполеонъ прислалъ мнѣ копію съ его письма, а равно и съ
«своихъ отвѣтовъ. Онъ прислалъ мнѣ очень подробное изложеніе
«разговора, бывшаго у него съ Г. Бубна 22 ч. Сентября. Же-
«лая, чтобы все доходило до меня, онъ передавалъ мнѣ получа-
«емыя имъ отъ Россійскаго Императора письма, а я чрезъ по-
«средство Г. Коленкура, находившагося въ то время при семъ
«Государѣ извѣщалъ его о ходѣ переговоровъ. Они еще не имѣ-
«ли ни какого успѣха, когда я получилъ отъ Наполеона письмо
«отъ 27 Сентября, въ половинѣ третьяго часа; онъ писалъ мнѣ:
«*Я желаю, чтобы черезъ часъ по полученіи сего письма вы*
«*отправилися ко мнѣ.* На другой день я былъ въ Вѣнѣ, а
«часъ спустя въ Шенбруннѣ. Наполеонъ сказалъ мнѣ, что онъ
«назначилъ Принца Лихтенштейна уполномоченнымъ на мѣсто Г.
«Меттерниха, а Г. Бубна данъ ему въ помощь, какъ Совѣтникъ.
«Я тотчасъ вступилъ въ переговоры съ сими господами. Наши
«совѣщанія были очень часты, но безъ торжественныхъ обря-
«довъ и протоколовъ, однако каждый разъ что нибудь рѣшали.
«30 Сентября господа сіи пріѣхали въ Шенбруннъ, въ театръ;
«Наполеонъ велѣлъ позвать ихъ къ себѣ, говорилъ съ ними и

«далъ мнѣ знать о послѣдствïи своего разговора. Онъ ѣздилъ на «границы Штирïи; по возвращенiи его изъ сей поѣздки согла«шенiе о главнѣйшихъ статьяхъ было кончено. Но мы остановились при статьѣ о военной контрибуцiи. Я, именемъ Францiи, «требовалъ ста милліоновъ, каковое требованiе было очень скромно въ сравненiи съ тѣмъ, какое послѣ сдѣлано Францiи. Австрiйскiе уполномоченные не соглашались дать болѣе пятидесяти милліоновъ; Наполеонъ объявилъ, что не уступитъ ничего; «Австрiйцы отвѣчали, что они ничего не прибавятъ, потому что «по другимъ статьямъ сдѣлали чрезвычайно значительныя пожертвованiя. Таковые споры происходили у меня въ Вѣнѣ, «куда ежедневно прiѣзжали Принцъ Лихтенштейнъ и Графъ «Бубна. Въ послѣднiя дни ни на что не соглашались и мы не «могли придумать, чѣмъ кончится такое взаимное упрямство, «какъ вдругъ происшествiе, мало извѣстное, о которомъ едва говорили, и которое считали недолженствующимъ имѣть никакого «послѣдствiя, рѣшило въ сiю минуту положенiе Европы.

«Наполеонъ жилъ въ Шенбрунскомъ Дворцѣ, въ двухъ небольшихъ миляхъ отъ Вѣны; въ опредѣленные дни на обширномъ дворцовомъ дворѣ, онъ дѣлалъ смотры, которые привлекали множество народа изъ Вѣны. Онъ былъ доволенъ, что при «сихъ случаяхъ могъ показать себя жителямъ сей столицы, въ «своемъ могуществѣ; и такъ какъ ему хотѣлося имъ понравиться, «также какъ и вселить къ себѣ страхъ, онъ былъ съ ними очень «привѣтливъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, 13 Октября [это число «очень достопримѣчательно] я прiѣхалъ изъ Вѣны, чтобы заниматься съ нимъ. Послѣ продолжавшагося нѣсколько минутъ «разговора, онъ сказалъ мнѣ: *Я пойду дѣлать смотръ; останьтесь въ моемъ кабинетѣ. Вы составите эту ноту, а я ее «разсмотрю послѣ смотра.* Я остался у него въ кабинетѣ съ «Г. Менневалемъ, собственнымъ Секретаремъ его; Бонапарте «скоро возвратился. *Принцъ Рихтенштейнъ*, сказалъ онъ мнѣ, «*никогда не говорилъ вамъ, что ему часто предлагали умертвить меня? — Говорилъ Государь, и съ этимъ выражалъ «ужасъ, съ какимъ отвергалъ онъ такiя предложенiя.* — «*Ну! сей часъ сдѣлано на то покушенiе: пойдемте со мною.* «Я вышелъ съ нимъ въ залу. Тамъ было много разныхъ лицъ, «которые, казалось всѣ очень хлопотали, окруживъ молодаго

«человѣка лѣтъ осьмнадцати или двадцати, прiятной и скромной наружности, выражавшей какую-то откровенность; онъ «одинъ повидимому, сохранялъ чрезвычайное спокойствiе духа. «Это былъ убiйца. Наполеонъ съ большою ласковостiю самъ его «допрашивалъ, а Генералъ Раппъ былъ за переводчика. Я здѣсь «помѣщу только тѣ его отвѣты, которые наиболѣе меня поразили:—За чѣмъ хотѣли вы убить меня?—Потому, что для Германии не будетъ мира до тѣхъ поръ, пока вы будете существовать на свѣтѣ.—Кто внушилъ вамъ такое намѣренiе?—Любовь «къ моему отечеству.—Не совѣтовались ли вы съ кѣмъ объ этомъ? «—Нѣтъ, я все нашелъ въ моей совѣсти. — Знали ли вы, какой «подвергалися опасности?—Зналъ; но я буду счастливъ, умирая «за отечество.—Вы учились закону Божiю: неужели вы думаете, «что Богъ дастъ право на убiйство? — Я надѣюсь, что Богъ «проститъ меня по уваженiю побудившихъ меня причинъ. — «Развѣ въ тѣхъ заведенiяхъ, гдѣ вы воспитывались, преподаютъ «такое ученiе?—Большее число воспитывавшихся со мною одушевлены тѣми же чувствами, и готовы пожертвовать своею «жизнiю на пользу отечества. . . . — Чтобы вы сдѣлали, если «бы вамъ даровать свободу?— Я бы убилъ васъ.—И эти свирѣпыя слова говорены были тихимъ голосомъ, съ скромнымъ видомъ, безъ хвастовства и нахальства.

«Ужасное чистосердечiе сихъ отвѣтовъ, показывая ими холодную и непоколебимую рѣшимость, и фанатизмъ въ столь сильной «мѣрѣ превышающiй всѣ человѣческiя опасенiя, сдѣлали на Наполеона такое впечатлѣнiе, которое по моему мнѣнiю, тѣмъ «было глубже, чѣмъ болѣе показывалъ онъ хладнокровiя. Онъ «велѣлъ всѣмъ удалиться, и я остался съ нимъ одинъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ о такомъ слѣпомъ и разсужденiемъ изготовленномъ фанатизмѣ, онъ сказалъ мнѣ: Надобно заключить миръ; «поѣзжайте въ Вѣну и пригласите къ себѣ Австрiйскихъ Полномочныхъ. Вы уже согласились на счетъ важнѣйшихъ статей, «васъ останавливаетъ только военная контрибуцiя—у васъ споръ «въ пятидесяти миллiонахъ; раздѣлите пополамъ спорную сумму; «склоните ихъ дать вамъ семдесятъ пять миллiоновъ, если уже ничего нельзя сдѣлать лучше, и заключите миръ. Послѣднiй «проэктъ, мнѣ вами представленный, мнѣ нравится: сдѣлайте къ «нему тѣ прибавленiя, какiя вы признаете за нужное. Я въ

«этомъ полагаюсь совершенно на васъ, только заключите миръ.»
«Я отъ него вышелъ. Еще ввечеру Принцъ Лихтенштейнъ и
«Г. Бубна были у меня; я заперся съ ними. Споры продолжа-
«лись; я вырывалъ милліонъ за милліономъ. Выманивъ требо-
«ванные семдесятъ пять милліоновъ, я увидѣлъ, что есть воз-
«можность идти далѣе, и достигъ восьмидесяти пяти. Къ двумъ
«или тремъ часамъ главные пункты были соглашены. Я велѣлъ
«войти Г. Бернадіеру, Начальнику перваго отдѣленія Мини-
«стерства, чтобы писать и, кажется Бодара, чтобы переписы-
«вать. Прозктъ и копіи были скоро готовы и до пяти часовъ
«утра, трактатъ былъ подписанъ; въ шесть я былъ уже въ
«Шенбруннѣ. Наполеонъ подошелъ ко мнѣ съ безпокойнымъ
«видомъ. «Ну сударь, что вы сдѣлали нынѣшнею ночью?—Миръ,
«Государь.—Какъ, миръ? и трактатъ подписанъ? — Подписанъ,
«Государь, вотъ онъ» Лице его прояснило; и онъ изъявилъ
«искреннее свое удовольствіе. «Посмотримъ же этотъ трактатъ.»
«Я ему прочиталъ оный. «Какъ! восемдесятъ пять милліоновъ
«контрибуціи, когда я готовъ былъ удовольствоваться семиде-
«сятью пятью! Это очень хорошо.» Каждый прочитанный мною
«пунктъ, удостоенъ былъ его одобрѣнія; онъ мнѣ повторялъ:
«очень хорошо.

«Вы умѣете предвидѣть; вотъ положеніе, о которомъ я и
«не подумалъ. Это хорошій трактатъ: онъ написанъ прекрасно;
«я очень доволенъ. Ему рѣдко случалось такимъ образомъ изъ-
«являть свое удовольствіе; обыкновенно знакомъ онаго у него
«было молчаніе. Но надобно сказать, что никогда не случалося,
«чтобы столь важный актъ былъ подписанъ, и онъ ничего не по-
«правлялъ въ проэктѣ, который разъ двадцать разсматривалъ.
«Тоже самое соблюдалъ онъ и въ отношеніи къ простымъ ди-
«пломатическимъ нотамъ; столько-то онъ употреблялъ благоразу-
«мія и разсудительности въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ,
«покрайнѣй мѣрѣ на бумагѣ.

«Немѣдленно онъ велѣлъ готовиться къ его отъѣзду и дѣлать
«распоряженіе къ выступленію войскъ. 17 Октября, три дня
«спустя послѣ подписанія договора, онъ былъ уже на пути въ
«Минхенъ, откуда писалъ мнѣ 22 числа. Онъ оставилъ меня,
«чтобы размѣняться ратификаціями, возложивъ на меня дать
«знать Принцу Невшательскому, что онъ долженъ устроитъ

«линію сигналовъ, чтобы передать извѣстіе о семъ отъ одного «военнаго поста до другаго, до Мюнхена. Г. Вурмсъ, Оберъ «Камергеръ Австрійскаго Императора, не замѣдлилъ пріѣхать «въ Вѣну, съ порученіемъ размѣнять ратификацію своего «Государя. Размѣнъ учиненъ; я увѣдомилъ о томъ Принца «Невшательскаго и уѣхалъ. При дѣланіи сигналовъ, ошиблись: «по счастію туманъ замѣдлялъ производство ихъ. Я прибылъ «въ Мюнхенъ въ тоже время и предупредилъ безпорядокъ и «безпокойство, какое могла произвести такая ошибка. Немного «часовъ спустя послѣ моего пріѣзда, Наполеонъ отправился во «Францію; 27 ч. Октября онъ былъ въ Фонтенебло.

«Если найдутъ, что я въ семъ описаніи приписываю внезапное заключеніе мира живому впечатлѣнію, произведенному «накануне на Наполеона, я очень далекъ отъ того, чтобы хотѣть приписать столь великому человѣку, который, въ жизни «своей, остающейся на вѣки славною по неизъяснимымъ успѣхамъ и несчастіямъ, имѣлъ столько случаевъ показать свое мужество, недостойное его чувство страха. Занесенный на него «кинжалъ, не устрашалъ его; но онъ открывалъ предъ нимъ «расположеніе народовъ Германіи, потребность ихъ въ мирѣ, «жаръ ихъ намѣреній и готовность ихъ, для достиженія успѣха, «сдѣлать всѣ возможныя жертвы. Миръ сей былъ согласенъ съ «его пользами; трактатъ былъ чрезвычайно выгоденъ; онъ доставлялъ ему или его союзникамъ, огромное пространство земли «и многочисленное народонаселеніе. Положеніе наше въ Вѣнѣ, «если бы намъ привелося тамъ проводить зиму, могло бы сдѣлаться очень тѣснымъ. Раздраженная Германія была между «Франціею и нами. Партизанъ Шилль далъ примѣръ возстанія. «Жалкое затрудненіе въ деньгахъ, могло ли замѣдлять долѣе «заключеніе мира столь согласнаго съ видами Франціи? Вотъ «что постигъ Наполеонъ. Ему такъ всегда тяжко было ограничивать себя въ своихъ успѣхахъ! чѣмъ болѣе онъ пріобрѣталъ, «тѣмъ болѣе желалъ пріобрѣсти. Самая легкая возможность получить выгоду, давала ему на то надежду, а надежда была для «него достовѣрность: по этому надобно ли было исторгать у «него или выманивать миръ; или, когда онъ согласился, то недавать ему времени размыслить. Въ семъ случаѣ, я имѣлъ это «достоинство — я не потерялъ ни минуты; я опровергъ самъ мно-

«сiя затрудненiя, которыя въ другое время, долженъ былъ бы «представить на его разрѣшенiе и подписалъ мирный договоръ, «котораго онъ невидалъ.... Однимъ словомъ я заключилъ миръ, «а это столь великое добро, что должно считать себя счастли«вымъ тому, кто къ сему способствовалъ: это награда за множе«ство трудовъ и безпокойствъ, которые повсюду неразлучны съ «званiемъ Министра. Сего участiя въ мирѣ лишалъ меня Г. «Боссе, обманываясь не знаю чѣмъ—я долженъ былъ объявить «мои права на это участiе; причина сiя взяла верхъ надъ не«охотою моею говорить о самомъ себѣ, что я дѣлаю здѣсь въ «первые.

«Кто могъ ввести Г. Боссе въ такую странную ошибку?— «не знаю. Онъ могъ не знать впродолженiи двухъ недѣль, что я «былъ въ Вѣнѣ, и велъ тамъ переговоры съ Принцемъ Лихтен«штейномъ, предполагая между тѣмъ, что я въ Алтембургѣ. Мѣ«сто его пребыванiя былъ Шенбрунъ. Правда, что я прiѣзжалъ «туда почти ежедневно, чтобы заниматься съ Наполеономъ, но «въ такiе часы, когда Г. Боссе по обязанности своей при немъ «не находился, и по окончанiи моихъ занятiй немедленно воз«вращался въ Вѣну. Наполеонъ содержалъ дворъ свой въ боль«шемъ отдаленiи отъ Государственныхъ дѣлъ, и политическiя «новости тѣмъ менѣе тамъ были извѣстны, чѣмъ болѣе старались «угадать ихъ, дѣлая заключенiя по вырвавшимся изъ устъ Го«сударя или его Министровъ словамъ, по разговорамъ за сто«ломъ и другимъ очень двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ «признакамъ. Наполеонъ дѣлалъ себѣ забаву изъ того, что вво«дилъ въ ошибочное мнѣнiе тѣхъ, кто хотѣлъ разгадать его и «обманывалъ всѣ заключенiя. Посему-то приписываемый Г-мъ «Боссе Наполеону и мнѣ разговора за столомъ, по моемъ воз«вращенiи изъ Алтембурга, если онъ хорошенько припоминалъ «оный, имѣлъ безъ сомнѣнiя отношенiе, не къ миру, который «заключенъ шестнадцатью днями позже, но можетъ быть къ за«мѣщенiю Г. Меттерниха Принцемъ Лихтенштейномъ, что слу«чилось безъ меня, когда я былъ въ Алтембургѣ; и такое за«мѣщенiе было значительнымъ шагомъ къ миру.

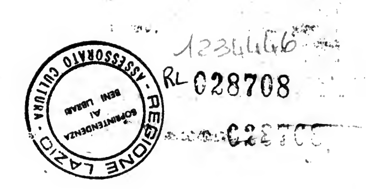
«Во время Наполеона, дворъ былъ чуждъ Государственныхъ «дѣлъ, а Министры чужды двора. Послѣднiе, даже, имѣли ме«жду собою только необходимыя сношенiя; и то что дѣлалось

«въ одномъ Министерствѣ, особенно въ Министерствѣ дипломатическихъ сношеній, было неизвѣстно въ другихъ. Наполеонъ «одинъ держалъ всѣ нити въ своихъ рукахъ, управлялъ всѣмъ, «зналъ всѣ тайны, тогда какъ его собственныя тайны, были «непроницаемы, Хотя въ семъ обстоятельствѣ Г. Боссе ошибся «въ своихъ предположеніяхъ, но книга его, имѣющая въ пред«метѣ совсѣмъ не политическій предметъ, не менѣе пріятна для «чтенія.

Парижъ, 8 Іюля 1827.

«ШАМПАНЬИ, ГЕРЦОГЪ КАДОРСКІЙ.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I.

Стр.

ГЛАВА II.

Стр

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

Стр

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

. ГЛАВА VIII.

Стр.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

Стр.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

Стр.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА XVI.

Стр.

ГЛАВА XVII.

ГЛАВА XVIII.

Стр

ГЛАВА XIX.

ГЛАВА XX.

Стр.

Стр.

ГЛАВА XXIII.

Digitized by Google

Digitized by Google